

Разоблачение инквизиции

Томас Тимпсон

THE
Inquisition Revealed;
IN
ITS ORIGIN,
POLICY, CRUELITIES, AND HISTORY,
WITH
Memoirs of its Victims
IN FRANCE, SPAIN, PORTUGAL, ITALY, ENGLAND,
INDIA, AND OTHER COUNTRIES.

DEDICATED TO CARDINAL WISEMAN.

BY
REV. THOMAS TIMPSON,
AUTHOR OF THE "COMPANION TO THE BIBLE," &c. &c.

"Drunken with the blood of the Saints, and with the blood of the Martyrs of Jesus."—REV. xvii. 6.

"THEY SHED INNOCENT BLOOD. This single circumstance shall, God willing, ever separate me from the Papacy. For this crime of cruelty I would fly from her communion as from a den of thieves and murderers!"—LUTHER.

LONDON :
AYLOTT AND JONES, PATERNOSTER ROW.

MDCCCLI.

Электронная книга Гутенберга «Разоблачение инквизиции»

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Разоблачение инквизиции

о ее происхождении, политике, жестокости и истории, с воспоминаниями ее жертв во Франции, Испании, Португалии, Италии, Англии, Индии и других странах

Автор: Томас Тимпсон

Дата выхода: 10 октября 2023 г. [Электронная книга №71850]

Последнее обновление: 2 декабря 2023 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Лондон: Эйлотт и Джонс, 1851

Авторы: Брайан Коу, Чак Грейф и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Эта книга подготовлена на основе изображений, предоставленных цифровой библиотекой HathiTrust.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА, РАЗОБЛАЧЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ" ***

ПЫТКИ ШКИВОМ И ОГНЕМ.

ПЫТКИ ЛОШАДИ И УДУШЕНИЕ.

THE
Inquisition Revealed;

IN
ITS ORIGIN,
POLICY, CRUELITIES, AND HISTORY,

WITH
Memoirs of its Victims

IN FRANCE, SPAIN, PORTUGAL, ITALY, ENGLAND,
INDIA, AND OTHER COUNTRIES.

DEDICATED TO CARDINAL WISEMAN.

BY
REV. THOMAS TIMPSON,
AUTHOR OF THE "COMPANION TO THE BIBLE," &c. &c.

"Drunken with the blood of the Saints, and with the blood of the Martyrs of Jesus."—REV. xvii. 6.

"THEY SHED INNOCENT BLOOD. This single circumstance shall, God willing, ever separate me from the Papacy. For this crime of cruelty I would fly from her communion as from a den of thieves and murderers!"—**LUTHER.**

LONDON:
AYLOTT AND JONES, PATERNOSTER ROW.

MDCCCLI.

Разоблачение инквизиции;

О ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИИ, ПОЛИТИКЕ, ЖЕСТОКОСТИ И ИСТОРИИ, С воспоминаниями ее Жертв
ВО ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ, ПОРТУГАЛИИ, ИТАЛИИ, АНГЛИИ, ИНДИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ КАРДИНАЛУ УАЙЗМАНУ.

ПРЕПОДОБНЫМ. ТОМАС ТИМПСОН,
АВТОР КНИГИ “ДОПОЛНЕНИЕ К БИБЛИИ” И проч.

“Опьяненный кровью Святых и кровью мучеников Иисуса” (Откр. xvii. 6).

“Они пролили невинную кровь. Это единственное обстоятельство, с Божьей помощью, навсегда отделит меня от папства. За это жестокое преступление я бы бежал от ее общения, как от логова воров и убийц!” — Лютер.

ЛОНДОН:
ЭЙЛОТТ И ДЖОНС, ПАТЕРНОСТЕР-РОУ.
MDCCCL.

ЛОНДОН
Дж. АНВИН, ПАРОВОЙ ПРЕСС GRESHAM.
БАКЛЕРСБЕРИ.

ПОСВЯЩЕНИЕ. ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ КАРДИНАЛУ ВАЙЗМАНУ.

Милорд кардинал,

Римские католики и протестанты одинаково заинтересованы в этой книге, поскольку она предназначена для продвижения чистого христианства. Они имеют равное право исповедовать свою особую веру и распространять свои религиозные взгляды. Но при свободном осуществлении этого права они в равной степени обязаны, в соответствии со всеми принципами справедливости и милосердия, питать друг к другу взаимное уважение и доброжелательность.

Романисты, однако, не признают Священное Писание единственным авторитетом в религии; и поэтому их принципы не позволяют им проявлять терпимость к тем, кто с ними не согласен. Их нетерпимость проистекает из политики Иерархии и восприятия небиблейских традиций. Отсюда их нелиберальность в Италии, Сардинии, Испании, Португалии, Бразилии и других странах, где доминирует духовенство. Отсюда закоренелая враждебность римских священников к популярному чтению Библии. Таким образом, их народ держится в невежестве, введенный в заблуждение ложными доктринами; и поскольку они не придерживаются исключительно принципов Священного Писания, они не могут быть религией Господа нашего Иисуса Христа.

Милорд кардинал— Каждый британец должен понимать характер и притязания папства. Ибо, как предсказано в “Оракулах Божьих”, протестанты считают, что папство — это “человек греха”, — “тайна беззакония”, — “МАТЬ БЛУДНИЦ И МЕРЗОСТЕЙ ЗЕМНЫХ”, - “опьяненный кровью святых и кровью мучеников Иисуса”. -2 Фес. ii. 3-7; Откр. xvii. 5, 6.

Каждый британский христианин глубоко заинтересован в изучении доктрин папства; его *власти священников—Отпущения грехов—Пресуществования—Традиции—* и *Чистилища*; и в рассмотрении его злых деяний в *Исповеди на ушах—Покаянии—Мариолатрии—Целибате священников—Духовном господстве—* и инквизиции. История этих событий - это осуждение папства.

Этот том содержит содержание ценных работ Лимборча, Льоренте, Деллона, Гэвина, Бьюкенена, Бауэра, Ньютона, Гиббона, Ватсона, Рэнке, Сисмонди, Джонса, Пучблана, Эдгара, Эллиота, Мендхэма, Гислера, Доулинга, Д'Обинье, Де Кастро, Ачилли и многих других, касающихся инквизиции.

Эта книга задумана как противоядие от папизма, особенно *в качестве подарка молодежи*; и рассудительные друзья считают ее наиболее подходящей для наставления ищущих и распространения истины Евангелия Иисуса Христа.

Имея в виду эти цели, данная работа, при должном уважении, посвящена

Ваше Высокопреосвященство,

ОТ АВТОРА.

Содержание.

Глава	Страница
1. Папизм, предсказанный в Священном Писании	9
2. Продвижение Антихриста	20
3. Происхождение Римской инквизиции	41
4. Инквизиция в нескольких странах	57
5. Уиклиффиты и гуситы	66
6. Инквизиция в Испании	77
7. Инквизиция в Португалии и Нидерландах	91
8. Инквизиция во Франции	100
9. Инквизиция в Англии	118
10. Преступления, в которых обвиняет инквизиция	142
11. Служители инквизиции	148
12. Суд в инквизиции	156
13. пытки в инквизиции	162
14. Жертвы инквизиции	168
15. Акты веры инквизиции	183

16.	Современные жертвы инквизиции	201
17.	Британские жертвы инквизиции	224
18.	Инквизиция в Гоа	254
19.	Распущенность инквизиторов	273
20.	Отмена инквизиции в Испании	294
21.	Инквизиция в Риме и доктор Ахилли	319
22.	Женская инквизиция в Риме	345
23.	“Поцелуй Девы Марии”	373

ГРАВЮРЫ.

1.	Пытки шкивом и огнем	2
2.	Пытки лошадью и удушение	2
3.	Вид Железной Девы спереди	372
4.	Вид Железной Девы в профиль	372
5.	Машина Железной Девы открыта	372

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ

ГЛАВА I.

ПАПСТВО, ПРЕДСКАЗАННОЕ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ.

Жестокий и отвратительный суд инквизиции —Христианство доброжелательно—Инквизиция предсказана, 2 Фес. ii. 3, 4; 1 Тим. iv. 1-3; Откр. xvii. 1-18—Комментарии Эллиота, Б.П. Ньютона и Скотта.

Религия, которой учит римское духовенство, на протяжении многих веков насаждалась и охранялась болью и наказаниями. В течение последних *шести* столетий этим занимался главным образом суд, именуемый во всех странах, где он был учрежден, “Святой инквизицией”. Но этот суд был осужден во всех странах, в которых он существовал, как самый ужасный, жестокий и кровожадный из всех трибуналов, даже приверженцами римской веры. Тем не менее, это поддерживается папской иерархией, поскольку агенты папы Римского могут получить разрешение правительств, исповедующих римскую религию.

Христианство, таким образом, было обесчещено присвоением его священного имени римскими Католиками, в то время как они практиковали эти жестокости, столь противоречащие букве и духу религии Иисуса Христа; ибо все Его принципы и заповеди являют Божественную благосклонность, воспетую при рождении Искупителя множеством небесного воинства, восхваляющего Бога и говорящего: “Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение”.

Христианство - это религия любви и, как и ее вечно благословенный Автор, Сына Божьего. “Бог есть любовь; и тот, кто пребывает в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем”. Он предписывает

всем своим последователям проявлять благожелательность. Это требует, чтобы они обладали этим духом и служили его примером. Его моральный кодекс выражен в кратком изложении Божественного закона, данном нашим Спасителем: “Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. И возлюби ближнего твоего, как самого себя”. Его главный практический принцип гласит: “Во всем, что вы хотите, чтобы люди делали с вами, поступайте так и вы с ними: ибо таков закон и пророки”. Этим заповедям следовали первые верующие в Евангелие, заставляя язычников восхищаться их доброжелательностью, восклицая: “Смотрите, как эти христиане любят друг друга!”

Однако лжеучители, извратив доктрины и таинства Христа, находились под влиянием другого духа; и в течение нескольких веков мнимые служители любящего Икупителя проявляли нетерпимость, недоброжелательность и жестокость, превосходящие все, что когда-либо было засвидетельствовано в любой форме религии. Эти чудовищные деяния были замечены главным образом в действиях римских католиков, и особенно в их отвратительном “Суде инквизиции”, поскольку он был учрежден в Испании, Франции, Португалии, Индии и Риме. Этот суд, хотя и именуемый “Святым”, был самым произвольным, бесчеловечным и кровожадным из всех, когда—либо существовавших среди людей; и из-за его чудовищности, из-за его разнообразного механизма и его диких армий, он символизируется в Священном Писании под эмблемой блудницы, вводящей в заблуждение народы своими опьяняющими напитками, и сама “опьяненная кровью святых и кровью мучеников Иисуса”. - (Откр. xvii. 6.)

Поэтому, прежде чем мы перейдем непосредственно к истории инквизиции, необходимо обратить внимание на вдохновенные пророчества, относящиеся к этой вероотступнической и жестокой иерархии папства; и сделать краткий обзор возникновения и прогресса этой ужасной и ненавистной системы Антихриста.

“Богу известны все его дела от начала мира”. И в равной степени были предвидены все формы лжи, жестокости и зла на земле. Отсюда вдохновенные предсказания о ненавистном враге Христа.

Наш благословенный Господь неоднократно предостерегал своих учеников относительно лжеучителей, которые будут отличаться своей бесчеловечностью; и апостол Павел, исправляя ошибки некоторых, говоря о приближении судного дня, говорит: “Да не обманет вас никто никакими средствами; ибо день тот не наступит, если прежде не наступит отпадение, и не откроется тот человек греха, сын погибели; который противится и превозносит себя выше всего, что называется Богом или чему поклоняются; так что он, как Бог, восседает в храме”. о Боге, показывая себя, что он есть Бог“. — (2 Фес. ii. 3, 4.) Опять же, он представляет характер римских учителей и говорит: “Ныне Дух ясно говорит, что в последние времена некоторые отступят от веры, прислушиваясь к духам—обольстителям и учениям бесовским; будут лицемерно изрекать ложь; их совесть будет опалена каленым железом; запрещать вступать в брак и повелевать воздерживаться от мяса, которое Бог сотворил для принятия с благодарением теми, кто верит и знает истину”.-(1 Тим. iv. 1-3.)

Еще более примечательно предсказание, описанное апостолом Иоанном: “И пришел один из семи ангелов, у которых было семь чаш, и, разговаривая со Мной, сказал мне: подойди сюда; я покажу тебе суд над великой блудницей, сидящей на водах многих, с которой блудодействовали цари земные, и жители земли были опьянены вином ее блуда. И он унес меня в духе в пустыню; и я увидел женщину, сидящую на звере багряного цвета, полном богохульных имен, с семью

головами и десятью рогами. И женщина была одета в пурпур и багряницу и украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, имея в руке золотую чашу, полную мерзостей и нечистот своего блуда; и на челе ее было написано имя: Тайна, Вавилон Великий, Мать Блудниц и мерзостей земных. И я увидел женщину, опьяненную кровью святых и кровью мучеников Иисуса; и когда я увидел ее, я удивился с великим восхищением. И ангел сказал мне: чему ты удивляешься? Я открою тебе тайну женщины и зверя, который ее носит, у которого семь голов и десять рогов. Зверь, которого ты видел, был, и его нет; и он поднимется из бездны и пойдет в погибель. Семь голов - это семь гор, на которых сидит женщина. И есть семь царей. И десять рогов, которые ты видел, - это десять царей, которые еще не получили царства; но получают царскую власть на один час со зверем. Они будут вести войну с Агнцем, и Агнец победит их, ибо он Господь господствующих и Царь царей; и те, которые с ним, призваны, и избраны, и верны. И он говорит мне: воды, которые ты видел, где сидит блудница, суть народы, и толпы, и племена, и языки. И женщина, которую ты видел, есть тот великий город, который царствует над царями земли” (Откр. xvii. 1-18.)

Все эти несколько предсказаний исполнились с поразительной полнотой; и нам, возможно, придется обратиться к ним в ходе этой работы; но описания из Откровения требуют нашего особого внимания, поскольку они более конкретно ведут нас к римской иерархии и к ужасному суду инквизиции. Преподобный мистер Эллиот в своем “Комментарии” к этой главе говорит:

В этом видении была изображена ярко одетая пьяная блудница, восседающая на чудовище чудовищной формы с семью головами, а на седьмой *десять рогов*. Зверь, судя по его телу, изображал папскую империю десяти западноевропейских королевств; а что касается седьмой, или, скорее, восьмой головы, то преемственность римских пап, составляющих, начиная с шестого века, духовных правителей этой империи. Таким образом, *женщина* представляла *Рим* в его характере папского престола и матери-церкви Западного христианского мира; включая, несомненно, как неотъемлемую часть себя, церковное государство, или вотчину Петра в Италии, и обширные владения, монастыри, церкви и другую собственность, принадлежащую папской церкви в других местах, как в Европе, так и во всем мире.

“1. Как тело животного одновременно поддерживало и подчинялось женщине, наезднице, так и империя в целом, с властью ее светских королевств и многих народов, поддерживалась и в то же время управлялась папским Римом, матерью-церковью христианского мира.

“2. Поскольку женщина была изображена здесь перед Святым Иоанном в двойном образе, а именно как блудница десяти королей и виноторговец или хозяйка таверны, продающая вино простым людям, в точном соответствии с обычаем прежних времен, в котором блудница и хозяйка таверны были персонажами часто объединенными; так и римская церковь откликнулась на этот символ с обеих точек зрения; обмениваясь взаимными услугами, которые могли бы соответствовать их соответствующим характерам, с королями антихристианского мира; а простым людям, продающим вино других стран, - с королями антихристианского мира. Яд ее блуда, ее индульгенции, реликвии, чашу пресуществления, как бы чашу спасения, и т.д. (см. Собственную медаль папы, протягивающую чашу ее отступничества, отчеканенную в Риме по случаю Юбилея в 1825 году), тем самым одурманивая их и опьяняя.

“3. Что касается портрета женщины, облаченной в пурпур и багрянец и украшенной золотом, драгоценными камнями и жемчугом, то применительно к римской церкви это изображение характерно и взято с натуры; указанное одеяние явно принадлежит римским церковным

сановникам, а украшения, которыми оно было украшено, превышают все церкви, называемые христианскими; более того, вероятно, превышают любую религию, которая когда-либо существовала в мире; не говоря уже о том, что даже само имя на лбу блудницы, *Тайна* (название, очевидно, отсылающее к предсказанной святым Павлом *тайне беззакония*) была, если не полагаться на вульгарные авторитеты, когда-то написана на тиаре папы; а апокалиптический титул "Мать блудниц и мерзостей земных", если можно так выразиться, является пародией на титул, который присвоил себе Рим: "Рим, мать и владычица".

"4. Что касается изображения блудницы "опьяненной кровью святых", то его применимость к Римской церкви на протяжении, по крайней мере, второй половины 1260 предсказанных лет процветания зверя, написана глубокими красками на странице истории."

Ничто не может быть более очевидным, чем то, что "Вавилон Великий" проектирует мистический город папского содружества, господствующую систему духовного зла — идолопоклонническую церковь. Таково было суждение всех главных реформаторов Германии, Швейцарии, Франции, Англии и Шотландии. Некоторые даже из римских католиков придерживались того же мнения; а Петрарка, знаменитый итальянский поэт, называет папский двор "Вавилонской блудницей, матерью всех идолопоклонств".

Епископ Ньютон, проанализировав пророчество, говорит: "Более того, женщина, подобно другим блудницам, которые дают приворотные зелья, чтобы воспламенить своих любовников, имеет 'золотую чашу в руке, полную мерзостей и мерзости своего блуда', чтобы обозначить благовидное и соблазнительное искусство, с помощью которого она околдовывает и подстрекает мужчин к идолопоклонству, которое является 'мерзостью и духовным блудодейством'. Это изображение скопировано с книги Иеремии li. 7: 'Вавилон был золотой чашей в руке Господа, которая напоила всю землю'. И разве это не гораздо более подходящая эмблема папского чем императорского Рима?"

Чтобы еще больше отличить эту женщину, у нее на лбу *name inscribed upon her forehead* (стих 5), что намекает на практику некоторых печально известных проституток, чьи имена были написаны на этикетке у них на лбу. Надпись настолько конкретна, что мы не можем легко ошибиться в названии: "*Тайна, Вавилон великий, мать блудниц, или, скорее, блуда и мерзостей земных*". Ее имя, *Тайна*, может означать не что иное, как то, что она занимается *мистериями*; ее религия - это тайна, тайна беззакония; и сама она мистически и духовно является 'Вавилоном великим'. Но титул тайны ни в коем случае не присущ древнему Риму, как любому другому городу; и нет никакой *тайны* в замене одного языческого, идолопоклоннического и преследующего города другим; но это действительно тайна, что христианский город, заявляющий о себе как о граде Божьем и хвастающийся этим, оказался еще одним Вавилоном в идолопоклонстве и жестокости по отношению к народу Божьему. Она прославляется во имя *Римско-католической церкви*, и поэтому пусть ее называют "Вавилон великий".

"Как ни печально известна эта женщина своим идолопоклонством, она не менее отвратительна своей жестокостью, которые являются двумя главными характеристиками антихристианской империи. 'Она опьянена кровью святых и кровью мучеников Иисуса' (стих 6), что действительно может быть применено как к языческому, так и к христианскому Риму, ибо оба, в свою очередь, жестоко преследовали 'святых и мучеников Иисуса'; но последняя больше заслуживает такого названия, поскольку она намного превзошла первую как по степени, так и по продолжительности своих преследований. Совершенно верно, что если Рим-язычник убил свои

тысячи невинных христиан, то Рим-христианин убил свои десять тысяч; ибо, не говоря уже о других возмутительных побоищах и варварстве, таких как крестовые походы против вальденсов и альбигойцев; убийства, совершенные герцогом Альва в Нидерландах; массовые убийства во Франции и Ирландии, вероятно, более чем в десять раз превышают число всех христиан, убитых во всех десяти гонениях римских императоров, вместе взятых. *Восхищение* святого Иоанна также ясно показывает, что предполагалось создание христианского Рима, поскольку для него не могло быть сюрпризом, что языческий город преследовал христиан; но то, что город, считающий себя христианским, распутничал и буйствовал в крови христиан, было предметом поистине удивления; и он вполне мог, как выразительно выражено, "удивляться с великим изумлением".

Мистер Скотт в своем комментарии ко 2-му Посланию к Фессалоникийцам ii. 3, 4 отмечает: "Со времен апостолов не было отступничества такого масштаба и продолжительности, не было заблуждений, столь пагубных и отвратительных, как в Риме. С ним можно сравнить только самозванство Магомета, и это не могло быть намеренным; ибо этот самозванец и его преемники не были помещены в храм Божий, видимую церковь (Откр. xi. 1, 2), но без этого и в прямой оппозиции к самому имени христианства; они распространяли свои заблуждения главным образом мечом, а не лживыми чудесами; и, действительно, нечестие Магомета никогда не равнялось предсказанным здесь богохульствам. Этот 'человек греха' был бы 'сыном погибели' (Иоанна xvii. 12); подлинным потомком Иуды, апостола и предателя, который продал своего Господа за деньги и уничтожил его поцелуем; своеобразным фактором и агентом сатаны, разрушающим души людей и, наконец, погружающимся в погибель в качестве своего наследия. Очевидно, что на земле еще не появлялся ряд людей, которым это описание полностью соответствовало бы, за исключением римских понтификов. Этот обманщик выступал против всего, что называется Богом или чему "поклоняются" христиане или язычники, и превозносил себя выше всего этого; таким образом, римские понтифики выступали против истин, заповедей и учеников Христа во все века; против пророческого служения Христа, обучая человеческим изобретениям — его священнического служения, доктрины о человеческих заслугах и созданных ходатаях - и его царственного служения, изменяя его законы и отменяя их. Они возвысили себя 'выше всего, что называется Богом', и им "поклоняются", заявляя о своей власти прощать грехи; предоставляя индульгенции людям, нарушающим заповеди Божьи; отказываясь от его законов и предполагая, что придают смысл и авторитет самим Священным Писаниям. Более того, этот "человек греха" "восседает как Бог" в храме Божьем; и мы должны, следовательно, искать его в пределах видимой церкви; там он богохульно узурпирует престол Божий, "показывая себя Богом". Многие римские императоры оказывали божественные почести и требовали поклонения; но до этого не было отступничества от христианства или поклонения Иегове; и скорее можно сказать, что они восседали в храме Юпитера или Марса, чем в храме Бога, храм которого должен считаться среди его предполагаемых почитателей, и не среди отъявленных язычников. Но римский понтифик, претендующий на то, чтобы быть вселенским главой всей церкви Божьей, называемый своими льстецами "Вице—Богом", "Богом на земле", присваивающий себе титул "Его Святейшества", хвастающийся "непогрешимостью", заявляющий о праве низлагать королей и даровать королевства кому ему заблагорассудится, — в точности соответствует приведенному здесь описанию. В то время как римский понтифик выступает против поклонения Богу, предписывая поклоняться изображениям святых и ангелов, а также авторитету своих законов, чтобы принудить подчиняться его собственным указам, его самого можно назвать великим идолом, а также великим тираном римской церкви!"

Человеческая проницательность никоим образом не могла предположить, что среди народа Божьего появится такой персонаж и что такие деяния будут совершаться во имя и по форме религии. Это требовало предвидения Безграничного Разума. Но мы увидим их все в их ужасающей чудовищности, продолжая историю Римской инквизиции.

ГЛАВА II.

ПРОДВИЖЕНИЕ АНТИХРИСТА.

Дух Антихриста—Священники, клирики и миряне—Церемонии—Мосхайм—“Благочестивые мошенники”—Великолепие прелатов—Константин—Иерархия—Титулы—Вероучения—Арианство—Преследования—Рим и Константинополь—Папа Иоанн—Папа Григорий—Мухаммед—Претензии Папы Римского—Генрих IV.—Порочные принципы.

Божественная Мудрость предвидела и, таким образом, предсказала все ужасные пороки христианской церкви, и мы заинтересованы в том, чтобы отметить шаги, по которым был достигнут прогресс. Дух папизма мы видим в поведении иудействующих учителей первых христиан, как это порицается Павлом, и как это видно из деяний Диотрефа, который, как полагают, был пастором. Иоанн жаловался на его отказ “принять братьев”, посланников апостола, и на его “злонамеренные слова”, преследующие одних и изгоняющие других из церкви (2 Иоанна 9, 10).

Этот амбициозный дух побудил пасторов некоторых крупных церквей в начале второго века принять характер и титул *священников*, как присущие их ордену. Они претендовали на привилегию быть “наследием” Господа, или духовенством, которое принадлежало верующим в отличие от их служителей (1 Пет., ст. 31). Но они убедили людей, что они унаследовали права еврейского священства как Божьего духовенства; и отсюда различие между *духовенством* и *мирянами*, которое не имеет основания в христианстве. Установление этого различия придало огромную силу духу папизма, который быстро распространился среди невежественных людей. Доктор Мошхайм утверждает: “Христианским врачам посчастливилось убедить людей в том, что служители христианской церкви унаследовали характер, права и привилегии еврейского духовенства; и это убеждение стало новым источником чести и прибыли для жреческого ордена. Это представление было усиленно распространено спустя некоторое время после того, как второе разрушение Иерусалима [135 г. н.э.] уничтожило все надежды увидеть, как их правительство восстановит свой прежний блеск, а их страна восстанет из руин. И, соответственно, *епископы* считали себя наделенными рангом и характером, подобными рангу *первосвященников* среди евреев, в то время как *пресвитеры* представляли *священников*, а *диаконы* - *левитов*”.

Христианство не имело великолепного церемониала, который рекомендовал бы проповедовать Евангелие, поэтому священники изобрели различные формы для добавления к вечере Господней, которая совершалась каждую субботу, и были изобретены церемонии, частично заимствованные у евреев, а частично у идолопоклонников, чтобы привлечь умы людей и доставить удовольствие обращенным из язычества. Совершение их, особенно на вечере Господней, служило также средством привлечения священников к их вновь созданным должностям; и они были названы *мистериями*, поскольку имели скрытый смысл и особую добродетель, по образцу обрядов языческих жрецов. Отсюда возник термин *тайнства*,

латинское слово, обозначающее *мистерии*, применяемое к различным обрядам, особенно к крещению и вечере Господней.

Поэтому д-р Мосхайм замечает: “Епископы, невинно намекая на еврейскую манеру говорить, назывались ‘первосвященниками’; старейшины или пресвитеры получили титул “священников”, а дьяконы - “левитов”. Но вскоре этими титулами стали злоупотреблять честолюбивые священнослужители, которые считали уместным претендовать на тот же ранг и положение, на те же права и привилегии, которые вместе с этими титулами были предоставлены служителям религии в устроении Моисея. Отсюда рост десятины, первых плодов, великолепных одежд и многих других внешних проявлений величия, которыми в высшей степени отличались церковники”.

Власть священников в это время была значительно усилена собраниями епископов как делегатов от церквей для консультаций относительно их взаимной защиты и безопасности от преследующих их врагов. На этих синодах, или соборах, как их называли, принимались различные решения, враждебные интересам народа; ибо епископы вскоре утвердили власть предписывать законы и навязывать вероучения, что привело к самым жестоким гонениям в последующие века. На этих собраниях епископы главных городов заявляли о своем превосходстве, особенно епископ Рима, как имперской метрополии. Поэтому доктор Мосхайм утверждает: “К концу этого столетия Виктору, епископу Рима, взбрело в голову заставить азиатских христиан с помощью мнимого авторитета своих законов и декретов соблюдать римский обычай празднования Пасхи”. Они отказались подчиниться; и, как говорит Милнер, “Виктор с большим высокомерием, как будто он чувствовал, что в нем формируется сама душа будущего папства, выступил с бранью против азиатских церквей и объявил об их отлучении”.

Во втором веке папство получило дальнейшее развитие благодаря своеобразным практикам египетских монахов, которые были высоко оценены христианами. Они превозносили добродетели поста, безбрачия и уединенной жизни как совершенство совершенства; отсюда и происхождение римских монахов, монахинь и безбрачия духовенства.

Христианство в третьем веке было еще более развращено священством, ибо широко практиковались “благочестивые обманы”, или ложные чудеса. Некоторые из учителей были виновны в этом во втором веке; но, к бесчестию религии, теперь их публично защищали даже некоторые добрые люди, при условии, что они были наняты с намерением обращать людей и продвигать дело христианства!

Папство продолжало развиваться в этом столетии быстрыми шагами, ибо духовенство с решительным рвением сохраняло свои различные достоинства. Простые таинства Христа в служении Евангелию были отложены для совершения священнических обрядов. Церковное правление выродилось в форму религиозной монархии; в то время как народ в большинстве случаев был отстранен от всякого участия в управлении своими собственными делами в церквях. Доктор Мосхайм, таким образом, свидетельствует— “Епископы во многих местах принимали на себя княжескую власть, особенно те, кто председательствовал на самых богатых собраниях. Они присвоили своей евангелической функции великолепные знаки земного величия. Трон, окруженный служителями, возвышал слугу кроткого и смиренного Иисуса выше себе подобных, а роскошные одежды ослепляли глаза и разум толпы, вызывая невежественное преклонение перед их самонадеянной властью. Примеру епископов амбициозно подражали пресвитеры, которые, пренебрегая священными обязанностями своего положения,

предавались праздности и изнеженности, ведя изнеженную и роскошную жизнь. Когда почести и привилегии епископов и пресвитеров возросли, дьяконы также начали расширять свои честолюбивые взгляды и презирать те низшие функции и занятия, которые они до сих пор выполняли с таким смирением и рвением; и последствия развращенного честолюбия распространились на все звания священного ордена”.

Церковные амбиции не были удовлетворены созданием иерархии епископов, священников и дьяконов; но теперь были учреждены различные низшие чины служителей из-за увеличения числа церемоний, которые были приняты в подражание языческим мистериям. Для этих церемоний были приготовлены различные формы молитвы и освящения; стол Господень был превращен в алтарь; на нем сжигались восковые свечи; хлеб и вино считались обладающими своего рода спасительными свойствами; и при праздновании вечери Господней соблюдалась большая торжественная пышность. Крещению предшествовал ужасающий процесс — экзорцизм для изгнания злого духа, и от новокрещенных требовалось отведать молока и меда, что указывало на духовную пищу, а обращенных из язычества отправляли домой после церемонии, украшенных коронами и белыми одеждами.

Папство получило огромную власть в начале четвертого века, после обращения в христианство императора Константина. Он стал самым щедрым покровителем христианства, поскольку благодаря его исповеданию унаследовал трон цезарей. Экстравагантные притязания амбициозных прелатов теперь были подтверждены, и духовный институт Иисуса Христа был преобразован в мирскую систему, созданную так, чтобы напоминать гражданское правительство империи. Епископы Рима, Антиохии и Александрии уже считались высшими по отношению к другим прелатам — архиепископами с титулом патриарха; и к ним был добавлен четвертый, для нового имперского города Константинополя. При этом первом христианском императоре, как отмечает д-р Хавейс, “прелатическое правление по образцу императорского разделилось на большие префектуры, на превосходство которых претендовали Рим, Александрия, Антиохия и Константинополь; в то время как установилась своего рода феодальность, переходящая от патриархов к митрополитам, архиепископам, епископам, одни из которых обладали большими, а другие - менее обширными сферами владычества. Вместо того чтобы люди сами выбирали себе епископов и пресвитеров, с ними больше не советовались. Пресвитеры полностью зависели от епископов и покровителей; епископы были креатурами патриархов и митрополитов; или, если престол был важным, назначались императором. Так “церковь и государство” образовали первый зловеющий союз; и коррупция, которая в изобилии сеялась раньше, теперь созрела в результате придворных интриг политических епископов, назначенных императором, или по предложению премьер-министра”.

“Этому пагубному примеру, ” говорит доктор Мосхайм, “ вскоре последовали несколько церковных орденов. Пресвитеры во многих местах были равны епископам по рангу и авторитету. Те, в особенности из числа пресвитеров и дьяконов, которые занимали первые посты в этих орденах, доходили до экстравагантных размеров в своих притязаниях и были оскорблены мыслью о том, что их ставят на равные условия со своими коллегами. По этой причине они приняли титулы *архипресвитеров* и *архидиаконов*”.

Эти вновь созданные достоинства требовали соответствующего стиля обращения, который вскоре был изобретен. Можно заметить, что все это противоречит Новому Завету; ибо, хотя все христиане там описываются как *святые* или святые личности, к ним никогда не обращаются с

напыщенными титулами. Даже апостолов никогда не называют *святым* Иоанном и *святым* Петром; эти титулы являются изобретениями папства. Поэтому лорд-канцлер Кинг замечает: “Очень редко, если вообще когда-либо, древние давали титул *святых* этим святым личностям, но по отдельности называли их Петром, Павлом, Джоном и т.д.; не *Святой* Петр, *святой* Павел, *святой* Иоанн”. От обращения к священническим сановникам произошли “преподобный”, “высокопреподобный”, “преосвященный”, “высокопреподобнейший”, “ваша светлость”, “ваше святейшество”.

Константин, распределив должности своего правительства в церкви и государстве, вскоре счел необходимым попытаться добиться *единообразия веры*, особенно после того, как Арий, александрийский пресвитер, заявил о своей вере в то, что Сын Божий ниже Отца, имеет иную природу и является лишь первым из всех сотворенных существ. Обнаружив, что эта ересь возобладала, он созвал епископов всех провинций на собрание в 325 году н.э. в Ницце, в Вифинии. Это собрание, известное как *первый генеральный собор*, состояло из примерно *двух с половиной тысяч* человек, из которых *триста восемнадцать* были епископами. Эти прелаты передали императору письма с тяжкими обвинениями друг против друга, но благоразумный государь бросил все это в огонь и передал на рассмотрение судного дня. После двухмесячных обсуждений они пришли к согласию по форме, названной “*Никейский символ веры*”, в который должны были верить все христиане. Но этим знаменитым актом было заложено основание для пагубного влияния политического духовенства и авторитета соборов в церковных вопросах, превыше даже Священного Писания; и этот авторитет, на который претендовали и на который действовали, породил все суеверия, нетерпимость и жестокость, которые характеризуют ужасную *инквизицию*.

Константин, установив “символ веры”, потребовал его всеобщего принятия. Но ариане отказались, и епископы убедили его издать эдикты против них, как врагов истины, запрещающие их публичные собрания и отдающие их места богослужения православным. Он изгнал Ария и постановил, что его книги должны быть сожжены; и что всякий, кто осмелится сохранить хоть одну из них, как только это будет доказано, должен понести смерть! Через два или три года после этого император отозвал Ария и отменил свои суровые законы против его ереси, которая восторжествовала при его сыне и преемнике Констанции. Афанасий, патриарх Александрийский, стал поборником православия; и таким образом среди духовенства возникли две партии.

Декреты и государственная власть санкционировали *инквизицию* и *преследование*; и “отсюда, - говорит доктор Мосхейм, “возникли бесконечные враждебные отношения и мятежи, вероломные заговоры и открытые акты несправедливости и насилия между двумя противоборствующими сторонами. Собор был собран против собора, и их резкие и противоречивые постановления сеяли недоумение и смятение по всему христианскому миру”. Один факт проиллюстрирует дух партийности в эту эпоху: *восемьдесят* православных епископов, посетовавших на императора Валерия, чтобы пожаловаться на назначение им арианского епископа Константинополя, были убиты по его приказу на борту корабля, в море, в 370 году нашей эры.

Папство восторжествовало среди всех раздоров; и в 410 году н.э. четыре епископа, делегированные из Карфагена, добились от императора Гонория эдикта, который обрек на смерть каждого, кто отличался от католической веры. Этот эдикт вызвал серьезные

преследования. Но в 451 году Халкидонский собор постановил, “что те же права и почести, которыми был наделен епископ Рима, принадлежат епископу Константинополя”, подтвердив его юрисдикцию, на которую он ранее претендовал, над всеми провинциями Азии.

Имперское владычество, однако, теперь приходило в упадок под властью череды слабых князей. В начале *пятого* века Константинополь был восточной столицей, в которой Аркадий правил как император, в то время как Рим оставался западной метрополией; хотя Гонорий держал свой двор в Равенне. Полчища дикарей из северных областей Европы под именами готов, вестготов, вандалов, франков, бургундов наводняли богатейшие провинции, разоряя города и совершая всевозможные проявления варварства и жестокости. Некоторые из этих варваров восприняли имя Христа от арианских учителей; и многие из тех епископов, которые придерживались истинной божественности Христа, были замучены, изгнаны или убиты вместе со своим народом.

Религия стала еще более развращенной, и общественное богослужение состояло главным образом в исполнении церемоний, лишь немногим отличавшихся от церемоний языческих греков и римлян. У них обоих был великолепный ритуал, великолепные одежды, диадемы, митры, восковые свечи, посохи, процессии, люстрации, изображения и многие другие подобные зрелища можно было увидеть в равной степени как в языческих храмах, так и в христианских церквях. Чтобы вызвать восхищение невежественного населения, в церквях были установлены изображения и статуи Христа, Девы Марии с младенцем Иисусом на руках и многочисленных святых, достойных восхищения и поклонения. Непобедимая эффективность в изгнании злых духов и исцелении болезней приписывалась наличию костей мучеников. Богатство и великолепие церквей превосходили все границы, а алтари и ларцы для мощей святых были сделаны из самых богатых материалов, некоторые из чистого серебра.

Казалось, что все в формах католической религии порождает ложные идеи или возбуждает худшие страсти человеческого сердца. Отсюда суеверия и нетерпимость, а также ужасные преследования среди различных партий. Мистер Гиббон утверждает из партии, называемой донатистами, что “*триста* епископов и многие тысячи представителей низшего духовенства были оторваны от своих церквей, лишены церковного имущества, сосланы на острова и запрещены законами, если они осмеливались скрываться в провинциях Африки”.

“Религия в шестом веке стала еще более развращенной; она умирала, - как замечает д-р Мосхейм, - под огромным нагромождением суеверных выдумок. Теперь христиане поклонялись остаткам истинного креста, изображениям святых и костям, настоящие владельцы которых были крайне сомнительны. Распространение порока среди духовенства было поистине шокирующим. В тех самых местах, которые были посвящены развитию благочестия и служению Богу, мало что можно было увидеть, кроме призрачного честолубия, ненасытной алчности, благочестивого мошенничества, невыносимой гордыни и суеверного презрения к естественным правам людей, а также многих других зол, еще более чудовищных”.

Претензии епископов продолжали оставаться предметом постоянных споров, особенно между патриархами Рима и Константинополя. Иоанн Римский посетил восточную столицу в 525 году н.э., преследуя свои собственные цели, но Феодор, готский король Италии, поручил императору Юстину прекратить преследования ариан. Император встретил его в толпе знати и духовенства, склонился до земли перед наместником блаженного Петра и, желая удостоиться чести быть коронованным им, принял из его рук императорскую диадему! Патриарх пригласил папу

совершить вместе с ним Богослужение в великой церкви; но тот не принял приглашения даже не увидел патриарха, пока тот не согласился не только уступить ему первое место, но и посадить его на своего рода трон над собой, ссылаясь не на что иное, как на то, что он *был римским первосвященником!* Патриарх потакал ему во всем, в чем он нуждался, и они вместе отпраздновали Пасху с необычайной пышностью и торжественностью. Папа совершал богослужение на латинском языке, в соответствии с обрядами латинской церкви.

Учитывая, таким образом, признание Константинопольским патриархом превосходства римского понтифика, неудивительно, что Юстиниан, племянник и преемник императора Юстина, в своем послании новому папе Иоанну II в 533 году нашей эры пишет: “Мы спешим **ПОДЧИНИТЬ и объединить** вашему святейшеству всех священников всего Востока. Мы также не допускаем, чтобы что-либо, что относится к состоянию церкви, каким бы явным и несомненным оно ни было, что вызывает беспокойство, проходило без ведома вашего святейшества, *главы всех святых церквей!*”

Это превосходство было более полно выражено два года спустя в памятной записке понтифику “епископами и духовенством Константинополя”. Оно было адресовано “нашему святейшему господу и благословеннейшему отцу отцов Агапету, архиепископу Римлян и патриарху, епископам восточной епархии и тем, кто обитает в святых местах Христа, Господа нашего, с жителями и другими классами, собравшимися в этом царственном городе”. Простые христиане могут удивляться всему этому жреческому богохульству, столь сильно расходящемуся со всем, что они читают в Новом Завете, за исключением предсказанного Антихриста!

Но поскольку достоинство “вселенского патриарха” принял на себя константинопольский епископ, “Григорий Великий” осудил его как “*нечестивый*”, “гордый”, “антихристианский” титул; как “нечестивый”, “отвратительный”, “богохульный”, “адский”, “дьявольский”. В этом случае Григорий принял титул притворного смирения, с тех пор сохраняемый папами: “Слуга слуг Божьих”! И все же того высокого титула, который он осуждал в своем честолобивом брате Иоанне, он добивался для себя, как явствует из его прелюбодейного письма этим чудовищам зла, Фоке и его жене Леонтии.

Фока открыл проход к императорскому трону убийством Маврикия и его шестерых сыновей, а затем, самым варварским образом, императрицы Констанции и трех ее дочерей, вытащив их из убежища в одной из церквей Константинополя. Маврикия восхваляют как принца со многими добродетелями и лишь немногими пороками; и Григорий в своих письмах к нему лицемерно заявляет, что “язык его не мог выразить то добро, которое он получил от Всемогущего и своего господина императора; и что он считал себя обязанным в знак благодарности непрестанно молиться за жизнь своего самого благочестивого и самого христианского господина; и что в ответ на доброту своего самого религиозного господина к нему он мог только любить саму землю, по которой ступал”.

Однако, отдав предпочтение титулу, принятому патриархом Иоанном, Григорий был оскорблен; и, подобно многим придворным, поздравил убийцу Фоку с провозглашением императором, сказав, с величайшим лицемерием: “Да возрадуются небеса! пусть земля прыгает от радости! пусть весь народ ответит благодарностью за столь счастливые перемены!” В том же духе он написал в ответ на первое письмо Фоки и императрице Леонтии: “Какой язык может выразить, какой разум может постичь благодарность, которой мы обязаны Богу, который возвел тебя на трон, чтобы облегчить нам ярмо, которым мы до сих пор были так жестоко обременены? Пусть

ангелы воздадут славу Богу на небесах! пусть люди вернутся с благодарностью к Богу на земле! ибо республике стало легче, и наши печали улетучились!”

Мистер Бауэр в своей “Жизни Григория” спрашивает: “Кто бы мог ожидать подобных писем от христианского епископа узурпатору! тирану! убийце! цареубийца? Кто бы не подумал, что Грегори из всех людей наименее способен стать его панегиристом, аплодировать ему в его узурпации власти, убийствах и тирании? Григорий, говорю я, чьи манеры и все поведение до сих пор казались безукоризненными! Но какая добродетель папы может послужить доказательством против ревности соперника?”

“Григорий Великий” умер в 604 году н.э., не достигнув своей цели; но он был высоко превознесен римской церковью, которая причислила его к лику *святых*. Он был человеком глубоких талантов и такого же священнического звания, как говорит об этом папе достопочтенный мартирологист Джон Фокс: “Из числа всех первых епископов до него в первобытные времена он был *самым низменным*; из всех, кто пришел после него, он был *лучшим*”.

Сабиниан унаследовал папство в 605 году н.э.; и Бонифаций в 607 году н.э. Этот последний священник, бывший *нунций* Григория, льстя императору, как это делал его учитель, убедил Фоку “отменить указ Константинополя от 588 года, влекущий за собой присвоение константинопольскому епископу титула *вселенского епископа*, и передать его Бонифацию и его преемникам, объявив римского епископа *главой вселенской церкви!*”

Поэтому папа Бонифаций, получив этот императорский указ, собрал собор в церкви Святого Петра в Риме, состоящий из *семидесяти двух* епископов и *тридцати четырех* пресвитеров, а также всех дьяконов и низшего духовенства города, и издал указ как абсолютный монарх церкви! Его преемники продолжали его политику; “и их безграничные амбиции не позволяли им или миру, - как утверждает м-р Бауэр, - наслаждаться каким-либо покоем, пока они не добились признания себя **ВСЕЛЕНСКИМИ МОНАРХАМИ**, а также **ВСЕЛЕНСКИМИ ЕПИСКОПАМИ!**”

На протяжении всего седьмого века папство развивалось, в то время как само название христианства вызывало страх и отвращение у многих из-за порочной жизни его мнимых служителей. Она была опозорена различными ересями и идолопоклонством. Некоторые из их вождей наполнили восточную империю резней и заказными убийствами, в которых, действительно, католики были едва ли менее виновны, так что на месть христиан смотрели с глубочайшим ужасом. Это шокирующее зрелище было с изумлением замечено размышляющими евреями и язычниками; когда Мухаммед, арабский странствующий торговец, молодой человек исключительных талантов, амбиций и энтузиазма, став свидетелем этих мерзостей, разработал проект новой религиозной системы, которая должна была уничтожить народное идолопоклонство. С помощью и, возможно, по наущению ученого еврея, отступника от христианства, он преуспел. Его система отвергала идолопоклонство арабов и поклонение святым и реликвиям со стороны так называемых христиан, в то время как она включала основные факты патриархальной истории в Священные Писания, смешанные со многими арабскими и еврейскими баснями. Он притворялся, что это чистая религия, которой учили Моисей, пророки и Иисус Христос. С помощью этого хитрого устройства и как военный вождь он привлек множество сторонников; и таким образом, путем грабежей и войн он вскоре получил суверенитет над Аравией и несколькими прилегающими странами. Таким образом, в этом столетии “тайна беззакония” восторжествовала, исполнив Божественные пророчества об

Антихристе на западе как монархе римской церкви, но, говоря языком Священного Писания, “ЗВЕРЕ”, а на востоке - благодаря самозванству Мухаммеда как предсказанного “ЛЖЕПРОРОКА”. (Откр. xvi. 13-xvii.)

Магометанство во всем своем диком фанатизме царило в *восьмом, девятом и десятом* веках под властью сарацинских и турецких военачальников в лучших частях Азии и Африки и в нескольких королевствах Европы; и поскольку среди исповедующих христианство преобладало поклонение образам с бесконечными злоупотреблениями священников и благочестивыми махинациями, а Священные Писания были почти неизвестны народу, многие семьи, номинально христианские, отказались от имени Христа, приняв имя лжепророка Мухаммеда.

Папство все еще развивалось на западе; и варварские народы, обращенные в свою веру из язычества, пребывая в неведении относительно Священного Писания, были неспособны распознать грубые уловки священников, которые утверждали, что обладают силой прощать грехи людей. Следовательно, многие принцы и дворяне, нажив богатство грабежом и убийствами, делали большие пожертвования своим религиозным наставникам, чтобы спасти их от мучений в будущем мире из-за их преступлений. Эти дары обычно назывались “Платой за грехопадение для искупления душ”! Пипин, король Франции, передал папе Стефану III в 756 году н.э. итальянские провинции, которые он отвоевал у лангобардов; и это было расширено за счет присоединения самого Рима Карлом Великим несколько лет спустя. С того времени и по настоящее время эта территория рассматривается как “временное достояние святого Петра”.

Таким образом, жречество вскоре овладело огромными богатствами. Императоры, короли и принцы наделяли епископов правами суверенного владения целыми провинциями, городами, замками и крепостями! Но среди всех них папа сохранял свое превосходство; и это охотно признавалось, как существенное для узурпированного господства низших прелатов. Западные варвары, принявшие имя Христа, смотрели на римского епископа так же, как они смотрели на своего верховного друида; и невежественный народ уступил епископам безграничную власть, которую они давали своим священникам в язычестве. Последствия этого суеверия были самыми пагубными, ибо оно давало римскому понтифику деспотическую власть в гражданских делах; отсюда и возникло ужасное представление, *что все те, кто был отлучен папой от церкви, утратили тем самым все свои гражданские права и общие требования человечества.*

Двадцать восемь пап на фоне пяти ужасных расколов относятся к *десятому* веку; некоторые из них были сыновьями печально известных проституток Феодоры и ее дочерей, Феодоры и Мерозии, оказывавших влияние на высших священнослужителей. Их преждевременная смерть или низложение были плодом их подлой жизни, подробности которой не могут запятнать эти страницы. Доктор Мосхайм искренне утверждает: “история римских понтификов, живших в этом столетии, - это история стольких монстров, а не людей, и демонстрирует ужасную серию самых подлых, чудовищных и запутанных преступлений”. Кардинал Барониус описывает их как “чудовищных и позорных в своей жизни, распущенных в своих манерах и злодейских во всем”.

Папство достигло наивысшего расцвета в одиннадцатом веке; и это можно увидеть в его подлинной форме, как “человека греха”, “превозносящего себя выше всего, что называется Богом или чему поклоняются”, в экстравагантных титулах, которые сейчас носят папы. Их называли “всеобщими отцами” и “владыками мира”. Несмотря на энергичное противодействие со стороны нескольких монархов, они зашли в своих дерзких притязаниях так далеко, что провозгласили себя “владыками вселенной”, “вершителями судеб наций” и “верховными

правителями королей и принцев земли”! Один пример этого отвратительного предположениялучше всего иллюстрирует ненавистный дух папства, в то время как чтение этого не преминет шокировать чувства каждого христианина.

Генрих IV, император Германии, выступил против высокомерных притязаний Григория VII. Надменный понтифик немедленно отлучил его от церкви и подтолкнул князей империи к войне с ним. Будучи невеждой в Священном Писании и склоненный к суевериям, он был напуган анафемами папы, как будто тот распоряжался судьбами людей как мнимый наместник Христа; поэтому его убедили отдаться в руки понтифика, уступить его милосердию и ожидать его страшного решения. Преисполненный опасений вечных последствий в случае отказа, Генрих согласился; и подчинился унижительной епитимье, которая была предписана; чтобы стоять со своей императрицей и семьей у ворот крепости Канузиум в течение трех дней на открытом воздухе, в суровый февраль 1077 года нашей эры, с босыми ногами, непокрытой головой и без какой-либо другой одежды, кроме куска грубойшерстяной ткани, наброшенной на тело, чтобы прикрыть наготу. На четвертый день его с трудом допустили к этому величественному священнику, который с величайшим лицемерием, как слугитель религии, и с большими церемониями даровал ему отпущение грехов! Но с тех пор он запретил ему принимать титул или знаки отличия суверена! Такое дерзкое оскорбление человечества, равно как и королевской власти, вызвало всеобщее отвращение; но ни у одного из величайших государей Европы не хватило смелости произнести ни слова упрека ужасному антихристу!! Таковы были дух и сила, которые породили и поддерживали отвратительный Суд Святой Инквизиции!!

С этими достижениями папской власти произошло соответствующее искажение религиозных доктрин и церемоний. В то время как романисты притворяются, что их религия - единственная чистая форма христианства, мы знаем, что все их особенности являются новшествами, изобретениями священников, служащими их собственным целям. Их доктрины так и не были сформированы в систему или устоялись до Тридентского собора, по окончании которого, в 1564 году н.э., они были впервые опубликованы в "Символе веры" папы Пия IV. И один из важнейших вопросов, касающийся Девы Марии, была ли она*зачата во грехе*, — яростно оспариваемый между монашескими сектами Римской церкви, — был решен утвердительно, сначала папой Пием IX в 1849 году.

Многие из этих практик ранее прививались отдельными лицами, еще до их установления, а именно:—

	н.э.
Безбрачие духовенства впервые предписало	305
Призывание Святых и ангелов	350
Деву называли богородицей	431
Богородицу призывали в литаниях	620
Поклонение образам	787
Пресуществление возникло	831
Пресуществление установлено	1215
Исповедь на ушах и прощение священниками	1215
Подтверждено Чистилище, 1140 г. н.э.: Постановлено	1563

ГЛАВА III.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РИМСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ.

Преследование павликиан—альбигойцев — Их страдания в Лангедоке—В Англии, Испании, Франции—графы Раймонд и Роже—Массовое убийство их народа—Доминик, основатель инквизиции.

Нетерпимость, по-видимому, необходима для служения священника; поскольку как только христианские пасторы приобрели этот характер, они начали преследование тех, кто оспаривал их требования. Отсюда возникла инквизиция. Ее действия всегда были направлены против всех, кто отличался от правящих прелатов, даже когда они апеллировали к Священному Писанию. И таковые существовали со времен апостолов. Одними из первых, кто был предан смерти исповедующими христианство, были павликиане.

Считается, что эти люди были названы так по имени Павла, проповедника армянской церкви в седьмом веке; но некоторые считают Константина Самосатского их основателем около 660 года нашей эры. Он получил от благочестивого диакона, бежавшего из мусульманского плена, экземпляр Нового Завета. Это он почитал как драгоценный дар; и, обнаружив, что наставления Священных Писаний отличаются от преобладающих предрассудков, он сформировал для себя систему богословия на основе священных оракулов. Константин посвятил себя служению, приняв имя Сильван, сподвижник апостола Павла. Его коллег по проповеди звали Тимофей, Тит и Тихик; и шесть их церквей были названы в честь тех, кому Павел адресовал свои Послания. Они отвергали человеческие религиозные традиции, поклонение Деве Марии, изображениям и кресту. Они отменили высокие титулы священства и учредили пасторов с полным равенством и без одежд, отличающих их от народа. В Малой Азии их число значительно возросло, и греческие императоры жестоко преследовали их. Офицер по имени Симеон был послан в качестве инквизитора на поиски Сильвана, и он был задержан вместе с несколькими своими последователями в Колонии. В качестве цены за свободу они должны были *побить своего пастора камнями!* Только один из них, Юстус, был признан достаточно низменным; и он убил таким образом своего верного учителя, который принял мученическую смерть за Христа после того, как двадцать семь лет трудился, распространяя учение Евангелия. Юстус усугубил свою вину, предав своих братьев; в то время как Симеон, видя благодать Божью в радостных страдальцах, принял Евангелие, оставил мир, проповедовал веру и также принял мученическую смерть за Иисуса.

От павликиан произошла, как полагают, ветвь знаменитых христианских исповедников, вальденсов, или вальденсовидных. Поэтому доктор Хавейс говорит о них: “В конце седьмого века мы видим первые следы существования небольшого, но ценного сообщества, впоследствии названного Вальденсами, которое, как некоторые предполагают, является ветвью павликиан. Отступая от наглости и притеснений римского духовенства и испытывая отвращение к их порокам, они искали укрытия в уединенных долинах реки Па-де-Во, окруженных Альпами и

удаленных от наблюдения своих преследователей, где они могли наслаждаться более чистым богослужением и общением с Богом”.

Число этих павликиан увеличилось, и несколько человек стали жадно искать знания Священного Писания, которые стали выдающимися проповедниками в южных частях Франции, в Савойе, Пьемонте и в прилегающих районах Германии. Их последователей называли в честь их учителей или различными презрительными прозвищами, заимствованными из их особых обычаев или принципов. Некоторые из них были *петробруссианами* от Питера де Брюи, который после двадцатилетнего труда стал мучеником за Христа; *генрихианцами* от Генри, ученика и коллеги Петра; *альбигойцами* из города Альби, где они были осуждены на соборе; *катарами*, или пуританами, из-за их стремления к чистоте христианского учения; и *вальденсами* от Питера Вальдо, лионского купца во Франции. Этот великий человек раздобыл переводы нескольких частей Священного Писания и начал свое служение, оставив свое ремесло, около 1180 года нашей эры, особенно во Франции и Ломбардии. Обращенных этих ревностных людей стало очень много, и вскоре в этом столетии они привлекли внимание папского двора.

Эгберт, немецкий аббат, говорит о них: “Их стало великое множество во всех странах. В Германии мы называем их *катари*; во Фландрии их называют *Пипплами*; во Франции *ткачихами*, потому что многие из них имеют эту профессию”.

Среди этих людей было образовано множество церквей с умными и набожными пасторами по их собственному выбору. *Катары*, особенно в Пьемонте, образовывали отдельные общества, которые в значительной степени были защищены от папских прелатов уединением своих жилищ в долинах, откуда их и называли *вальденсами*.

Прелаты относились к этим людям с завистью, и их враги обычно обвиняли их в тяжких заблуждениях; но хорошо известно, что они были оклеветаны и что, хотя они отвергали притязания и идолопоклонство римского духовенства, они в целом придерживались основ Евангелия, поскольку черпали свои принципы из Священных Писаний. Эгберт, аббат, говорит о них: “Они вооружены всеми теми отрывками из Священного Писания, которые в какой-либо степени, по-видимому, благоприятствуют их взглядам: с их помощью они знают, как защитить себя и противостоять католической истине, хотя они полностью заблуждаются относительно истинного смысла Священного Писания, который не может быть раскрыт без серьезного суждения”.

Эвервинус, кельнский настоятель, в письме Бернарду, самому известному священнику римской церкви своего времени, по имени *святой Бернард*, пишет, 1140 г. н.э.: “Недавно среди нас, недалеко от Кельна, было обнаружено несколько еретиков, хотя некоторые из них с удовлетворением снова вернулись в церковь. Один из их епископов и его сподвижники открыто выступили против нас в собрании духовенства и мирян, в присутствии архиепископа Кельнского и многих представителей знати, защищая свою ересь словами Христа и его апостолов. Обнаружив, что они не произвели никакого впечатления, они пожелали, чтобы для них был назначен день, в который они могли бы привести своих учителей на конференцию, пообещав вернуться в церковь, при условии, что они обнаружат, что их учителя не в состоянии ответить на аргументы своих оппонентов, но в противном случае они скорее умрут, чем отступят от их суждения. После этого заявления, после трехдневного увещевания покаяться, они были схвачены народом в избытке рвения и сожжены *заживо*; и что очень удивительно, они пришли на костер и переносили боль не только терпеливо, но даже с радостью! Будь я с вами, отец, я

был бы рад спросить вас, как эти приверженцы сатаны могли упорствовать в своей ереси с таким мужеством и постоянством, каких едва ли можно найти у самых религиозных приверженцев христианства”.

Сам святой Бернард был жестоким гонителем, но он говорит о них: “Если вы спросите их об их вере, ничто не может быть более христианским; если вы понаблюдаете за их разговорами, ничто не может быть более безупречным; и то, что они говорят, они доказывают делами”. Клавдий, архиепископ Турина, пишет: “За исключением их ереси, они, как правило, живут более чистой жизнью, чем другие христиане”. Кассини, францисканский монах, говорит: “Все ОШИБКИ этих вальденсов состояли в том, что они отрицали, что Римская церковь является СВЯТОЙ МАТЕРЬЮ-ЦЕРКОВЬЮ, И НЕ ЖЕЛАЛИ ПОДЧИНЯТЬСЯ ЕЕ ТРАДИЦИЯМ!” Туанус, католический историк, говорит, что их обвиняют в том, что они утверждали, “что римская церковь, поскольку она отреклась от истинной веры Христа, была вавилонской блудницей и бесплодным деревом, которое сам Христос проклял и повелел вырвать; что, следовательно, не должно было быть никакого послушания папе или епископам, которые поддерживают ее заблуждения; что монашеская жизнь была раковиной и темницей церкви; что ордена священства были отметинами великого зверя, упомянутого в Откровении; что огонь чистилища, торжественная месса в храме Христа спасителя”. Дни освящения церквей, поклонение святым и умилоствление за умерших были происками сатаны”.

Какой бы образцовой ни была их мораль и какими бы библейскими ни были их принципы, засвидетельствованные их врагами, против этих инакомыслящих продолжались жестокие преследования; и инквизиторы, посланные папой для их розыска и уничтожения, заставили множество людей пострадать как мучеников за Христа. Некоторые, как мы видели, пали жертвами в Кельне, в то время как другие спаслись от власти своих врагов. Однако они сталкивались с нетерпимостью папства, куда бы ни отправились. Это будет проиллюстрировано одним фактом из английской истории того периода. Тридцать из этих преследуемых немцев искали убежища в Англии и поселились при церкви недалеко от Оксфорда в 1159 году нашей эры, но они были задержаны по приказу духовенства. Их пастор, Джерард, был человеком образованным; и он утверждал, что они верили доктринам апостолов, хотя и не верили в чистилище, молитвы за умерших и обращение к святым. Но они были осуждены на церковном соборе и переданы магистратам для наказания. Король Генрих II, по наущению правящего духовенства, приказал выжечь им клеймо на лбу раскаленным железом; их прогоняли плетью по улицам Оксфорда; и, обрезав им одежду у поясов, выгнали на открытую местность. Никому не было позволено предоставить им кров, и они погибли от холода и голода!

Доктор Милнер в своей ценной “Истории церкви”, фиксируя этот факт, касающийся первых раскольников от папства, которые были казнены в Англии, делает естественное размышление: “Какая тьма, должно быть, в то время заполнила этот остров! Мудрый и прозорливый король, знаменитый университет, все духовенство и миряне, все объединились в изгнании Христа со своих берегов! Изгнанные, скорее всего, из дома яростью преследований, они принесли свет и силу Евангелия с собой в Англию. Каким бы кратким ни был рассказ о них, очевидно, что они были мучениками Христа”.

Местью папы грозили всем, кого прелаты считали еретиками; и в 1163 году Турский синод повелел всем епископам и священникам Лангедока, столицей которого была Тулуза, “позаботиться и запретить, под страхом отлучения от церкви, каждому человеку осмеливаться

оказывать прием или хотя бы малейшую помощь последователям этой ереси, *которая впервые зародилась в стране Тулуза*", когда бы они ни были обнаружены. Столько из них, сколько удастся найти, пусть католические князья заключат их в тюрьму и накажут конфискацией всего их состояния".

Подобным образом, папа Александр III., А. Д. 1179, издал указ, в котором выражает свои мысли следующим образом: "потому что в Гаскони, в городе Альби, в части Thoulouse, и других регионов, *проклятого неправду еретиков*, катаров, или Patrenas, или мытари, или отличаются разные имена, так возобладал: мы, следовательно, подлежит проклятию, и себя, и своих защитников и harbourers; и, *под проклятия, нам запрещают всем лицам от впускать их в свои дома, или получают их на свои земли, или заботы о них, или осуществляющих сделки с ними*. Но если кто-нибудь умрет в своем грехе, *пусть они не получают христианского погребения* под предлогом какой-либо привилегии, предоставленной нами, или под любым другим предлогом!"

Некоторые из вальденсов бежали в Арагон, в Испании, король Ильдефонсус, 1194 г. н.э., издал эдикт, которым изгнал их из своего королевства и всех своих владений как врагов креста Христова, осквернителей христианской религии и врагов общества, добавив: "Если кто-либо с этого дня осмелится принимать в своих домах вышеупомянутых вальденсов или других еретиков, или слушать их отвратительные проповеди, или давать им пищу, пусть знает, что он навлечет на себя гнев Всемогущего Бога и наш собственный и без права обжалования будет наказан как виновный в государственной измене. Какбы то ни было, мы даем этим нечестивым негодьям свободу до дня Всех Святых (хотя это может показаться противоречащим справедливости и разуму), когда они должны будут покинуть наши владения; но после этого они будут разграблены, выпороты плетью и с ними будут обращаться со всеми видами позора и суровости".

Папа Иннокентий III, около 1198 г. н.э., только что взошедший на папский престол, отправил двух монахов из Сито, Гвидо и Ренье, отправиться в Нарбонну в качестве инквизиторов для поиска и наказания еретиков; а в следующем году к этой миссии был присоединен Петр Кастельно с возросшими полномочиями. Они обещали индульгенции всем, кто оказывал им помощь в борьбе с еретиками; и они преуспевали в этом, но вызывали ненависть за свой фанатизм и жестокость везде, где они продолжали свою антихристианскую деятельность. Большую помощь им оказали услуги группы монахов-проповедников под руководством их лидера Доминика. Франциск, другой ревностный монах, с многочисленной группой учеников, был послан папой для борьбы с еретиками в Италии; и эти два лидера стали основателями около 1200 г. н.э. знаменитых, но противостоящих друг другу монашеских орденов, названных в их честь *доминиканцами и францисканцами*.

Кастельно планировал распространить свою миссию на территории Тулузы в 1207 году н.э.; но принц отказался санкционировать это вторжение с такой целью, и надменный священник отлучил Раймонда от церкви. Этот дерзкий поступок получил прямое одобрение папы, но вызвал споры, и один из друзей Раймона, спровоцированный оскорбительными обвинениями представителя понтифика, ударил его кинжалом и убил.

Иннокентий, доведенный до ярости убийством Кастельно, воспользовался случаем, чтобы осуществить замыслы своего жестокого фанатика, и призвал графов, баронов и рыцарей четырех провинций южных частей Франции вторгнуться на территорию графа Раймона, уполномочив их конфисковать имущество еретиков. Поскольку тем, кто участвовал в этой войне,

были обещаны те же послабления, что и крестоносцам против сарацин в Святой Земле, вскоре была собрана армия *из пятидесяти тысяч* крестоносцев, которая в течение сорока дней была направлена на службу под руководством Арнальда Алмерика, аббата Сито. Папа дал указания относительно этого крестового похода: “Мы советуем вам вместе с апостолом Павлом прибегнуть к хитрости в отношении графа; ибо в данном случае это следует назвать благоразумием. Мы должны атаковать по отдельности, тех, кто отделен от единства. Оставьте на время графа Тулузского, прибегнув по отношению к нему к мудрому притворству, чтобы легче было победить других еретиков и чтобы впоследствии мы могли сокрушить его, когда он останется один”.

Раймонд и его племянник Роже, граф Безье, ждали Арнальда, чтобы предотвратить надвигающуюся бурю, но безрезультатно. Раймонд подчинился ужасной власти и присоединился к армии, которая шла против его собственных подданных и подданных его племянника; но сначала он исполнил ужасную епитимью, назначенную ему за убийство Кастельно. Его заставили поклясться на воинстве, как на теле Христовом, и на мощах святых, что он будет *повиноваться Папе* и святой Римской церкви и преследовать альбигойцев *огнем и мечом*, пока они не будут истреблены. После принесения этой клятвы ему было приказано *раздеться догола с головы до ног*, оставив на поясе только льняную накидку; легат накинул ему на шею священническую епитрахиль и, проведя его за нее в церковь, девять раз обошел вокруг могилы мнимого мученика, возложив церковную дисциплину на обнаженные плечи униженного принца. Затем он даровал ему отпущение грехов после принесения им другой клятвы нерушимо сохранять все права, привилегии, иммунитеты и свободы церкви и духовенства!

Граф Роже предложил условия примирения, но легат отверг его предложения и дал понять, что пощады ему не будет. Город Безье был взят; и жители, столпившиеся в церквях, были варварски перебиты; так что, как говорили, в церкви Святой Магдалины было найдено *семь тысяч* трупов. Некоторые желали пощадить католиков, которые могли быть среди еретиков, и обратились с этой целью к легату; но он в ярости ответил: “*Убейте их всех; Господь знает тех, кто принадлежит Ему!*”

Население Безье составляло около *пятнадцати тысяч* человек; и Арнальд в своем докладе папе римскому признал, что очень многие были убиты! Но поскольку множество людей, особенно женщин и детей, из окрестностей, искали там убежища в надежде на безопасность от армии вторжения, и никто не был пощажен, верные историки считают, что *шестьдесят тысяч* были затем убиты агентами папы, а город затем сожжен дотла!

Граф Роже бежал в Каркассон, который был в следующий раз осажден, так как заперся вместе с жителями этого города; но он предложил капитулировать. Было применено притворство, как предписал папа; так что принцу с тремя сотнями рыцарей разрешили посоветоваться с Арнальдом, который вместе с военачальниками дал торжественную клятву об их безопасности; но теперь, когда они были в его власти, он вероломно арестовал их и передал генералу армии Симону де Монфору. Горожане, однако, спаслись ночью и бежали в другие провинции; но некоторые из них были схвачены, *четыре*ста пленников были сожжены заживо, а *пятьдесят* еще были повешены Симоном де Монфортом под руководством Арнальда, легата папы римского. Благородный граф Роже был брошен в тюрьму и вскоре умер насильственной смертью, как признал папа.

Было бы невозможно подробно описать страдания бедных альбигойцев при Симоне де Монфоре. С армией крестоносцев в 1210 году н.э. он захватил несколько крепких замков и повесил жителей и беженцев на виселицах. Он отобрал более сотни жителей Брома, *вырвал им глаза и отрезал носы* и отправил их под руководством одноглазого человека в Кабаре, чтобы устрашить жителей своим примером. В следующем году он взял штурмом Ла-Вор и уничтожил жителей огнем и мечом. Он повесил Алмерика, губернатора, лорда Монреаля, а затем вырезал *восемьдесят* знатных горожан. Его сестра Жирарда, хозяйка замка, по приказу графа была брошена в яму и засыпана камнями. После этого он собрал всех еретиков в замке и с ликованием сжег их. Он овладел замком Кассеро, который сдался; но *“пилигримы, схватив почти шестьдесят еретиков, сожгли их с бесконечной радостью”*, как свидетельствует католический историк Петрус Палленсис. В Кастрис-де-Термис они посадили Раймонда, губернатора, в тюрьму, где он вскоре умер; и в одном большом пожаре они сожгли его жену, сестру и дочь вместе с несколькими другими знатными дамами, которых они не смогли убедить вернуться к исповеданию римской церкви. Таким образом, они были принесены в жертву папскому фанатизму, как верные мученики за Христа! Отвратительный характер этим убийствам придавали, как обычно, присутствующие в армии епископы и священники в своих папских одеяниях, которые выразили свое удовлетворение от того, что стали свидетелями кровавой бойни, пением *“Вени Создатель”*!

Историки едва ли знают, как говорить об этих чудовищах. Сисмонди утверждает, что *“сотни деревень видели, как все их жители были убиты в слепой ярости, и крестоносцы не давали себе труда проверить, был ли в них хоть один еретик. Мы не можем сказать, какую заслугу можно приписать численности крестоносных армий, и можем ли мы поверить, что в течение одного года в Лангедок было влито пятьсот тысяч человек”*. Но вот что мы точно знаем, так это то, что армии, намного превосходящие численностью и намного уступающие по дисциплине тем, что использовались в других войнах, прибывали в течение семи или восьми лет подряд; что они входили в эту страну без жалованья и складов; что они обеспечивали все свои потребности мечом; что они считали своим правом жить за счет страны; и что все урожаи крестьян, вся провизия и товары граждан при каждом удобном случае захватывались хищной рукой и делились между крестоносцами. Никакие расчеты не могут установить с какой-либо степенью точности растрату богатства или уничтожение человеческих жизней, которые были последствиями крестового похода против альбигойцев. *“Едва ли нашелся бы крестьянин, который не считал бы в своей семье кого-нибудь несчастного, павшего от меча солдат Монфора. Более трех четвертей рыцарей и землевладельцев лишились своих замков и поместий, к удовольствию некоторых французских солдат — приспешников Симона де Монфора. Избалованные таким образом, они были названы *фаудитами*, и им была оказана милость остаться в стране при условии, что они не были ни еретиками, ни отлученными от церкви, ни подозреваемыми в предоставлении убежища тем, кто таковыми являлись; но им никогда не разрешалось ни входить в город, окруженный стенами, ни пользоваться честью сесть на боевого коня. Все виды несправедливости, все виды оскорблений, преследования всех наименований были обрушены на головы несчастных лангедокцев под общим названием альбигойцев”*.

Настолько поистине ужасным было это кровавое произведение, что уроженец Тулузы, *поэт и католик*, который был свидетелем этого крестового похода против альбигойцев, впоследствии выступил со следующим доносом на Антихриста: *“Я знаю, что меня осудят, если я напишу против Рима, этого вместилища всего зла; но я не могу молчать. Неудивительно, что мир погряз*

во зле. Это ты, вероломный Рим, посеял смуту и войну. Приманкой своих обманчивых помилований ты предаешь французскую знать преследованиям и устанавливаешь свой трон в бездонной пропасти. Небеса запомнят твоё паломничество в Авиньон и убийства, которые ты там совершаешь. В какой книге ты прочитал, что твоим долгом было истреблять христиан? Подобно разъяренному зверю, ты пожираешь и великое, и малое. Рим, твоя голова и все твоё тело обвиняются в совершении того ужасного убийства в Безье. Под внешностью ягненка, с видом скромности и простоты, ты внутренне являешься коварной змеей и ненасытным волком. Рим, я утешаю себя уверенностью, что твоя власть придет в упадок, и тебя скоро не станет. Если твоё владычество не будет уничтожено, мир будет низвергнут!”

Доминик был свидетелем многих из этих прискорбных бесчинств и ужасных убийств; и он продолжил, как главный инквизитор, выяснять количество и качество предполагаемых еретиков, побуждать князей и прелатов искоренять их и таким образом выполнять своё поручение от папы. О своём успехе он подробно доложил в Рим и разработал план создания регулярного Суда инквизиции. В этом ему помогал дворянин, с которым он жил в Тулузе; ибо, будучи обращен этим ревностным монахом в католическую веру, он посвятил свой особняк и другое имущество служению этому отцу. Доминик представил свой план папскому легату Арнальду, который его высоко одобрил; и этот аббат назначил его генеральным инквизитором Нарбоннской Галлии около 1208 г. н.э.; и он был утвержден в этой должности на четвертом Латеранском соборе 1215 г. н.э., на котором присутствовал Доминик, и был очень почитаем папой за его подвиги против альбигойцев.

Доминик был уроженцем Испании, происходил из знатного рода Гусманов. Еще до его рождения его матери приснилось, что у нее родился щенок с зажженным факелом во рту; что он переполошил мир своим лаем и поджег его своим факелом. Это было истолковано как его проповедь, которой он наводил ужас на людей, и как его ужасная инквизиция. Его продвижение по службе было следствием его пламенного рвения и активности; и его священническое господство будет видно из нескольких отрывков о наложении им епитимьи на исправившегося еретика, а именно:

“Брат Доминик, наименьший из проповедников, всему верному народу Христа, к которому придут эти дары, приветствую в Господе:

“Властью цистерцианского аббата, который назначил нас на эту должность, мы примирили подателя этих подарков, П. Роджериуса, обращенного Божьим благословением из еретической секты, предъявив ему обвинение и потребовав, согласно данной им клятве, чтобы три воскресенья или три праздничных дня священник вел его обнаженным от плеч до подштанников от входа в город до дверей церкви, причем всю дорогу его били кнутом!” Самые строгие правила на всю его жизнь и полная разлука с женой также были наложены на него под страхом отлучения от церкви!

Доминик основал шестьдесят монастырей в разных провинциях, ставших центрами стольких судов инквизиции; и он умер в 1221 году н.э., почитаемый как выдающаяся личность; так что в 1234 году н.э. он был канонизирован папой Григорием IX. Доминиканцев во Франции называли *якобинцами*, а в Англии - *черными монахами*.

ГЛАВА IV.

ИНКВИЗИЦИЯ В НЕСКОЛЬКИХ СТРАНАХ.

Инквизиция во Франции—Папские указы—Используется князьями—Арагона, Кастилия, Наварра и Португалия—Разные страны—Сицилия, Рим, Венеция—Апостолики—Тамплиеры—Бегарды—Бегинсы—Ломбардия—Милан.

Папская политика, проводимая судами инквизиции, продолжала преобладать во многих странах, где они были созданы. Раймонд младший вернул владения своего отца и изгнал инквизиторов из Тулузы. Но его главный город был осажден и взят Амальриком, сыном Симона де Монфора. Поэтому в присутствии двух кардиналов его привели к главному алтарю в церкви, одетого только в льняное одеяние, и там отпустили грехи; но это было при тяжелом условии отказа от большей части его владений. Затем инквизиция была восстановлена, и против еретиков были приняты законы, еще более суровые, чем прежде.

Людовик, французский король, чтобы угодить папе, издал законы против еретиков, сделав каждого епископа во Франции своего рода инквизитором, наделенным властью наказывать тех, кого он считал врагами папы. Провинциальные соборы проводились в Тулузе в 1229 году н.э. и в 1230 году н.э. в Риме, где в следующем году несколько человек были сожжены заживо; и в Нарбонне в 1235 году н.э., на которых прелаты приняли суровые законы против еретиков. Эти законы были собраны по приказу папы Григория IX; и вместе с другими декретами папы Бонифация VIII они составили законы для “Суда Святой инквизиции”.

Фридрих II, император Германии, издал суровые указы, предписывающие безжалостно предавать смерти тех, кто должен быть признан еретиками прелатами церкви; и что его императорским покровительством должны пользоваться монахи-предсказатели.

Людовик, чтобы снискать расположение папы Александра, как Иннокентий IV. назначил провинциального инквизитора монахов-предсказателей для искоренения еретиков в Тулузе, попросил этого понтифика назначить приора ордена Предсказателей в Париже инквизитором над всем королевством. Предложение было слишком приятным, чтобы он мог от него отказаться; и поэтому он назначил его на этот пост, наделив достаточной властью. Кроме того, поскольку многие, вызвавшие ярость инквизиторов, бежали в церкви, пользуясь церковным иммунитетом, папа отменил эту привилегию. С этими словами он переиздал семь ужасных законов, уполномочивающих магистратов помогать инквизиторам в наказании еретиков, как это было предписано императором Фридрихом. Эти папские указы, уполномочивающие инквизиторов в целом участвовать в их разбирательствах, демонстрируют волю папы в отношении тех, кто отверг его религию ради учения Христа, изложенного в Священном Писании: —

“Мы, желая предотвратить опасность для столь многих душ, умоляем, увещеваем и взываем к вашей мудрости и строго повелеваем вам этими апостольскими писаниями, поскольку вы хоть сколько-нибудь уважаете Божественный суд, назначить некоторых из вверенных вашему попечению братьев, людей, сведущих в законе Господнем, и таких, которые, как вы знаете, пригодны для этой цели, проповедниками среди духовенства и народа; и, чтобы более эффективно исполнять свои обязанности, пусть они возьмут в помощь нескольких

благоразумных людей и тщательно расспросят о них". еретики. И если они обнаружат кого-либо, либо действительно виновного, либо такого, кого опорочили, пусть они возбудят против них дело в соответствии с нашими законами. И чтобы они могли более свободно и эффективно исполнять порученное им служение, мы, полагаясь на милость Всемогущего Бога и авторитет благословенных апостолов Петра и Павла, накладываем на три года наложенную ими епитимью на всех, кто будет присутствовать на их проповеди в течение двадцати дней. А что касается тех, кто будет счастлив умереть при расследовании этого дела, мы даруем полное прощение всех их грехов, в которых они раскаиваются в своих сердцах и которые они исповедуют своими устами".

Суверенные князья сочли этот ужасный трибунал удобным средством для возмездия за мнимые или реальные обиды, полученные ими; поскольку для их цели было необходимо только выдвинуть против своих жертв обвинение в ереси. Таким образом, огромное количество людей, известных как преданные католики, были приговорены императором Фридрихом к смертной казни. Тем не менее, и он, и Людовик, поскольку это соответствовало их интересам, решительно воспротивились действиям инквизиции, за что, однако, они дорого заплатили, поскольку надменный антихрист угрожал им и унижал их. Отсюда возникла серия разорительных распрей между нетерпимым понтификом и самыми могущественными суверенными князьями.

Испания в этот период включала в себя четыре христианских королевства: Арагон при Якове I; Кастилию при Фердинанде III; Наварру при Санчо VIII; и Португалию при Санчо II. В 1232 году нашей эры в Арагоне было обнаружено несколько вальденсов, и папа приказал королю Якову продолжить работу по их искоренению как еретиков. Против них был созван синод в Тарраконе в 1240 году н.э., когда архиепископ со своими суфражистами и Питер Каденте были назначены инквизиторами провинции.

Кастилия и Леон также получили этот суд в 1290 году н.э., поскольку он был основан в Арагоне. А в течение XIII века инквизиция была учреждена в различных других странах, где папа обладал влиянием, особенно в Австрии, Венгрии, Польше, Далмации, Рагусии, Боснии, Хорватии, Истрии и нескольких провинциях Германии. Оно было распространено также на Сирию и Палестину с целью преследования как евреев, так и еретиков. Политика инквизиторов, однако, различалась в разных местах; но австрийская инквизиция, по-видимому, проводилась с чрезвычайной жестокостью; как свидетельствуют католические историки, многие тысячи тех, кого считали еретиками, были схвачены и, будучи осуждены, сожжены по приказу священных судей в городе Крема.

На Сицилию пришла инквизиция примерно в 1224 году нашей эры. Сначала этому воспротивились как в городе Сан-Марко, так и в Палермо; но император Фридрих, как говорят, постановил в качестве регулирования прибыли, получаемой от его деятельности, что "одна треть конфискованного имущества должна быть передана в общую казну, другая треть должна быть зарезервирована для папы римского, а остальное должно быть разделено инквизиторами; чтобы духовные хранители не были обманом лишены своего вознаграждения". Эта привилегия, казалось, удовлетворяла правящие силы; она была возобновлена в 1452 году н.э. королем Альфонсом и подтверждена в 1477 году н.э. Фердинандом и Елизаветой; и различные другие привилегии были предоставлены инквизиторам императором Карлом V.

Рим с ранних времен стал апелляционным судом для епископов. Это было наиболее политизированное решение папы. Но, чтобы избежать неудобств для себя, Урбан IV. создан

генеральным инквизитором Урсариусом в 1265 году нашей эры. Эта должность продолжалась, с некоторыми перерывами, до Реформации при Лютере. Доктрины этого великого человека были так широко распространены в Италии, а также в Германии, что римский двор встревожился. Поэтому папа Климент VII приказал применять максимальную строгость ко всем, кто исповедовал доктрины реформатора; и, поскольку их число, казалось, увеличивалось, проявляя предельную смелость, терпение и рвение, Павел III в 1543 году нашей эры учредил “Святую канцелярию” с более широкими полномочиями, назначив шестерых кардиналов “генеральными инквизиторами”. К этим кардиналам были добавлены “генеральный комиссар”, который всегда должен был быть доминиканцем; “генеральный ассессор” и “магистр священного дворца”. Этот двор проходил с великолепием и церемониями, подобающими вельможам, которые его составляли; и в некоторых случаях папа председательствовал лично. В результате его ужасных действий доктрины реформаторов были подавлены, а их приверженцы изгнаны из Италии.

Венеция приняла инквизицию примерно в 1249 году н.э., в то время как между папой и императором шли споры. Многие люди различных взглядов и, возможно, принадлежащие к нескольким конфессиям бежали в Венецию, чтобы жить в большей безопасности и покое этого знаменитого города; но магистраты, стремясь не допустить осквернения своего города иностранными доктринами, выбрали нескольких серьезных людей, ревностных к католической вере, для расследования еретиков. Патриарху Градо и другим венецианским епископам была предоставлена полная власть судить об этих мнениях; и было постановлено, что всякий, кто был объявлен еретиком каким-либо епископом, должен быть приговорен к сожжению. В ходе этого процесса светские судьи возбудили инквизицию против еретиков, а герцог и сенаторы вынесли роковой приговор.

Отец Павел заявляет: “Несмотря на настоятельные просьбы пап Иннокентия, Александра, Урбана, Климента и семи других пап, их преемников, самое известное содружество так и не удалось убедить принять должность *братьев-инквизиторов*, учрежденную папой римским. Мирское удовлетворяло этому, учреждалось само по себе и приносило добрые плоды для служения Богу”.

Николай IV, младший монах, возведенный на папский престол, добился принятия инквизиции публичным указом в Венеции в 1289 году нашей эры. Тем не менее, этот суд был учрежден на принципах, отличных от тех, которые управляют им в других странах; ибо, хотя решение относительно доктрины, за которую человек может быть объявлен еретиком, выносится церковью, оценка факта или того, кто поддерживает эту доктрину, и вынесение приговора, как считается, принадлежат светским судьям в Венеции. Таким образом, они определяют, какие книги должны быть запрещены, а также кто является еретиками, и их суд гораздо мягче и меньше находится под влиянием папы, чем другие инквизиции в Италии.

Среди еретиков, обвиненных инквизиторами, были некоторые, образовавшие секту под названием *апостолики*, поскольку они заявляли, что подражают усердию апостолов Христа. Они привлекли внимание папы Гонория в 1290 году нашей эры. Сагарелли, их лидер, был осужден инквизицией и сожжен. Дульциний, еще один из их учителей, удалился примерно с шестью тысячами приверженцев в долины Альп; но папа Климент V. послал инквизиторов искать их с армией крестоносцев, многие из которых были загнаны в горы и погибли от холода и голода. Некоторые из них были схвачены, в том числе Дульциний и его жена, которые были

принесены в жертву на костре как жертвы жестокости своих антихристианских преследователей.

Климент V., ревниво относившийся к рыцарям-тамплиерам, владевшим большим имуществом во Франции, с удовольствием выслушивал обвинения в их адрес со стороны короля. Поэтому их великий магистр Де Молаи и многие другие были арестованы в 1307 году нашей эры. Орден был отменен на соборе, состоявшемся во Вене в 1311 году н.э., и почти шестьдесят заключенных были осуждены и сожжены. Несколько других были казнены на костре в Париже, где они заявили о своей невиновности; но их имущество разделили папа Климент и Филипп, король Франции.

Другими предполагаемыми еретиками были *бегарды*, названные так из-за их усердия в молитве; *бегинки*, благочестивые женщины того общества; и Лолларды, названные так из-за их пения псалмов во время общественного богослужения. На них охотились в нескольких провинциях и наказывали обычным образом офицеры инквизиции как врагов папы. Некоторым бегинкам покровительствовали выдающиеся личности, и возник известный спор относительно их мнения относительно владения собственностью. Четверо из их лидеров были сожжены в Марселе в 1318 году нашей эры; и они были осуждены папой как еретики и архиеретики в 1329 году нашей эры.

Ломбардия получила инквизицию до 1233 года н.э., когда папа Григорий IX назначил главным инквизитором доминиканца Пьетро да Верона. Он был первым, кто казнил еретиков в Милане. В ходе своего служения он сжег многих, но сам был убит в 1252 году нашей эры; и еще один пал жертвой его собственной жестокости, Пагано да Лекко, в 1277 году нашей эры.

Около 1320 года н.э. папа отлучил от церкви Мэтью Галеация, виконта Милана, его сыновей и последователей. Город был лишен своей хартии и всех своих муниципальных привилегий; граждане, которые могли бы благоволить виконту, были отданы на растерзание верующим как рабы, на полном праве, а их собственность была передана любому, кто мог ею завладеть. Подобным же образом были осуждены все, кто должен был снабжать город провизией; и такое положение вещей продолжалось в течение трех лет, в течение которых виконт сводил на нет папские нарекания. Чтобы смирить его, папа Иоанн XXII обвинил виконта в ереси и, после нескольких цитат, вынес ему окончательный приговор. Папа также приказал Эйкарду, архиепископу Милана, и инквизиторам Ломбардии возбудить дело против него и его приверженцев; и епископ Падуи и два аббата опубликовали эти приговоры.

Раймонду Кардонусу было приказано собрать армию для вторжения в его владения. Было взято несколько городов, и виконт был разбит; когда миланский сенат направил депутацию из двенадцати своих старейшин, чтобы просить мира и отпущения грехов. Матфей уступил свое княжество своему сыну Галеацию, а сам, отправившись в собор, с торжественной клятвой заявил протест против папского легата как несправедливо обошедшегося с ним. Он покинул город и принес ту же клятву на следующий день в церкви Монцы, где от горя умер от лихорадки. Сыновья похоронили его, но его тело искали для сожжения по приказу кардинала-легата и инквизиторов.

ГЛАВА V.

УИКЛИФФИТЫ И ГУСИТЫ.

Служение Уиклифа—Лолларды—Соутри—Другие мученики—Сожжение костей Уиклифа—Его труды—Мученическая смерть Гуса и Иеронима—Преследование гуситов—Вальденсы.

Божественное пророчество обрекает папство на вечное ниспровержение; и оно также провозглашает, что это должно быть совершено светом Евангелия Христа. Следовательно, для этой важной работы необходимы инструменты и посредники; и их количество начало увеличиваться в *четырнадцатом* веке. Но инквизиция была страшно задействована в различных формах, чтобы уничтожить их.

К числу наиболее выдающихся противников папства мы должны отнести Джона Уиклифа, справедливо названного “Утренней звездой Реформации”! Он родился в 1324 году н.э.; и, будучи просвещенным Священным Писанием, его служение в Духе Божьем и его многочисленные труды, особенно его перевод Библии, внесли большой вклад в подготовку пути для протестантской реформации. Этот великий человек был движим не только любовью к истине Христа, но и обширным знанием об огромном зле, явно проистекающем из римского священничества. Папские поборы в Англии были тяжкими, они оценивались в пятикратную сумму королевских доходов; и поэтому парламент решил в 1374 году н.э. обратиться за возмещением ущерба с протестом, направленным делегатами, которые должны были представить его папе. Уиклиф был одним из них; и в течение двух лет, находясь рядом с резиденцией “его святейшества”, он имел возможность наблюдать за интригами и беззакониями римского двора.

Уиклиф стал еще решительнее выступать против монахов, которые, будучи агентами папы римского и инквизиции, были врагами благосостояния страны. Их лжеучения, алчность и нечестие были разоблачены реформатором в свете Божественной истины; и у него были наилучшие возможности хорошо послужить делу Христа в качестве профессора богословия Оксфордского университета. Но его смелость в проповедовании Евангелия вызвала недовольство папского двора; и папа направил письма главам колледжей, требуя от них с помощью инквизиции и наказания пресечь его учение и передать его под стражу архиепископу Кентерберийскому или епископу Лондонскому. Затем он обратился к этим прелатам, требуя, чтобы они схватили дерзкого реформатора и держали его в кандалах до тех пор, пока они не получат дальнейших приказов из Рима. Папа также потребовал от короля помощи этим прелатам в судебном разбирательстве против Уиклифа. Он предстал перед прелатами во дворце архиепископа Кентерберийского; но он был в безопасности под защитой Джона Гонта, великого герцога Ланкастерского.

Божественное Провидение благоволило этому ревностному слуге Христа, так что он избежал тюрьмы и умер с миром в 1384 году нашей эры. Множество людей были просвещены его противоречивыми и евангельскими трудами, а также его переводом Священных Писаний. Многие жители Континента искали его наставлений и копий его работ, которыми он способствовал совершению революции в религии не только в Англии, но и в нескольких других королевствах Европы.

Враги Уиклифа были неутомимы при его жизни, а после его смерти они преследовали его учеников. Оксфорд считался зараженным его ересью, а тех, кто следовал его библейским доктринам, называли “лоллардами”. Поэтому руководители университета были обязаны, под страхом отлучения от церкви, каждый месяц выяснять, придерживается ли какой-либо ученый доктрин, противоречащих решениям церкви. “Двенадцать инквизиторов ереси — ибо это ужасное название, — как замечает доктор Саути, - было введено среди нас, - были назначены в Оксфорд для поиска ереси и еретических книг”.

Король Ричард II был свергнут, и в 1392 году н.э. ему наследовал Генрих II, обманутый прелатами; и при нем они добились принятия сангвинарного статута, *ex officio*, который уполномочивал епископов, как инквизиторов, преследовать всех лиц, подозреваемых в ереси. Это был первый закон в Англии о сожжении людей по религиозным мотивам.

Уильям Соутри, приходской священник Сент-Осита, Лондон, был первым, кого приговорили к сожжению на костре в Англии в 1400 году н.э.; и формы унижения и казни были тщательно соблюдены, чтобы это могло стать точным прецедентом для будущих случаев. Эти формы, утверждает доктор Саути, “вероятно, были заимствованы из практики проклятой инквизиции в Лангедоке; и они были хорошо придуманы для того, чтобы продлить впечатление на зрителей”. После церемоний унижения “на его голову была надета шапка мирянина, и затем архиепископ Арундел доставил его, как мирянина, в светский суд присутствующего там верховного констебля и маршала Англии, умоляя суд благосклонно принять упомянутого Уильяма Соутри, которому они, таким образом, вновь посвящены. Ибо с этой лицемерной рекомендацией к милосердию римская церковь всегда отдавала своих жертв на сожжение заживо! Соответственно, Соутри принял мученическую смерть на костре в Смитфилде, оставив имя, оклеветанное романистами, но пользующееся заслуженным уважением британских христиан ради Евангелия”.

Инквизиторы продолжали разыскивать учеников Уиклифа, и многие пострадали на костре за Христа. Но потребуются тома, чтобы подробно описать их страдания и триумфы.

Архиепископ Арундел издал “закон на веки вечные” в 1410 году нашей эры, “чтобы все, кто читал Священные Писания на родном языке”, который затем был объявлен “ученостью Уиклифа”, должны были “навсегда лишиться земель, скота, тела, жизни и имущества у своих наследников и, таким образом, быть осужденными как еретики перед Богом, враги короны и самые отъявленные предатели страны”.

Бейл говорит: “Вскоре после этого об этом Акте было объявлено по всему королевству, и тогда епископы, священники и монахи пришли в себя. Ибо тогда многие были схвачены в кают-компаниях дайверов и умерли самой жестокой смертью. И многие бежали из страны в Германию, Богемию, Францию, Испанию, Португалию, а также в Шотландию, Уэльс и Ирландию, совершая там множество чудес против ложного королевства, о которых слишком долго писать. На следующее Рождество сэр Роджер Эктон, рыцарь, мастер Джон Браун, сэр Джон Беверли, ученый проповедник, и многие другие были заключены в тюрьму за ссору с некоторыми священниками. В январе следующего, 1413 года нашей эры, вышеупомянутые сэр Роджер Эктон, мастер Джон Браун, сэр Джон Беверли, и еще *тридцать шесть* человек, из которых большая часть были джентльменами по происхождению, были уличены епископами в ереси, а светскими властями - в государственной измене и, согласно Закону, были сначала повешены, а затем сожжены на Джайлс-филд. В том же году также некто Джон Клейдон, скиннер, и некто Ричард Тернинг, пекарь, были повешены и сожжены в Смитфилде в результате

этого Акта, помимо того, что было сделано во всех других частях Англии; а их было немало, если досконально знать”. Фокс называет сэра Роджера Эктона “этим достойным, благородным, добродетельным рыцарем”, рассказывая об ужасных преследованиях этих верных мучеников Христа.

Праху Уиклифа не позволили упокоиться в покое: ибо в 1415 году Констанцкий собор объявил сорок четыре заключения, сделанные из его трудов, еретическими, а их автора осудил как упрямого еретика. Инквизиторы искали его кости, которые было приказано выкопать и бросить на навозную кучу; но приговор не приводился в исполнение до 1428 года н.э., когда папа Мартин V. направил приказ Флемингу, епископу Линкольнскому, некогда явному стороннику реформатской доктрины. Инквизиторы подчинились приказу епископа — кости были сожжены, а пепел выброшен в соседний ручей Свифт. Из Латтерворта, как прекрасно замечает доктор Фуллер, “этот ручей унес его прах в Эйвон; Эйвон - в Северн; Северн - в узкие моря; они - в океан. И таким образом, прах Уиклифа является символом его учения, которое сейчас рассеяно по всему миру!”

Труды Уиклифа были скопированы и распространены среди прилежных исследователей Евангелия в нескольких странах; и, поскольку сестра Вацлава, короля Богемии, стала королевой Ричарда II, образованные богемцы часто посещали Англию. Один из них, Иероним Пражский, вернувшись после учебы в Оксфорде в 1400 году н.э., привез с собой несколько книг Уиклифа, которые стали средством просвещения Яна Гуса, знаменитого богослова Пражского университета. Он трудился над продвижением реформации, выступая против ложных чудес, самозванства и порочной жизни священников. Но архиепископ, разгневанный на него, обвинил его перед инквизицией, с которой он обратился через прокторов к кардиналу Колонне, который объявил его непокорным и отлучил от церкви. Затем он обратился к папе, который подтвердил приговор и отлучил своих последователей от церкви. Но он продолжал свои труды в преподавании и писательской деятельности, пока его не вызвали на Констанцкий собор. Император Сигизмунд поклялся своей честью защищать его, и Иоанн, граф Хлумский, вступился за него; но священный синод нарушил торжественное обязательство императора, арестовав его лично и потребовав, чтобы он признал себя виновным в ереси в тридцати положениях, извлеченных из его сочинений. С этим требованием инквизиторов Гус не мог согласиться; тем не менее он заявил о своей готовности уступить свидетельству Священного Писания. Затем он предстал перед советом в присутствии императора, князей империи и огромного числа прелатов и был приговорен к сожжению на костре, а его труды - к сожжению.

Достойные священники тщетно пытались убедить его отречься. Епископы сняли с него священнические одежды и надели ему на голову бумажную митру, на которой были нарисованы дьяволы, с надписью “Главарь еретиков”. Затем они передали его недостойному императору, а его самого - герцогу Баварскому. Его книги были сожжены у церковных ворот, а его самого повели на костер в пригороде города. Он проявил истинный дух мученика за Христа. Множество людей присутствовали на его казни и были поражены его благочестием, говоря: “Мы не знаем, что этот человек делал раньше; но мы слышим, как сейчас он возносит Богу самые прекрасные молитвы”.

Гус хотел обратиться к народу, но курфюрст палатинский помешал ему, приказав немедленно сжечь его. Затем мученик воскликнул громким голосом: “Господи Иисусе, я смиренно переносю эту жестокую смерть ради тебя; я молю Тебя простить всех моих врагов”. Так пострадал доктор

Ян Гус, как верный мученик Иисуса, в 1415 году н.э.; оставив церкви Божьей самый поучительный пример и славу, как свидетельствует Лютер, “наиболее рационального толкователя Священного Писания”.

Иероним также был принесен в жертву папскому фанатизму. Ибо, переведя труды Уиклифа на свой родной язык и провозгласив себя реформатором христианского учения и богослужения в связи с доктором Гуссом, когда он услышал об опасности, грозящей его другу в Констанце, он отправился туда в надежде оказать ему некоторую помощь. Джером обнаружил, что инквизиторы заставили сослаться и на него перед собором, и что его собственное уничтожение было predetermined. Поэтому он вернулся в Богемию после того, как написал императору в защиту своего друга; но его арестовали и почти на год заключили в тюрьму. пытками и мольбами инквизиторов его вынудили подписать отречение. Однако его совесть не позволила ему оставить это в силе, и он снова предстал перед инквизиторами. Он защищал принципы своего друга-мученика и обратился с торжественным призывом к своим гонителям: “Как это несправедливо, что вы не слушаете меня! Вы продержали меня триста сорок дней в нескольких тюрьмах, где я был закован в кандалы, почти отравлен грязью и зловонием и измучен отсутствием всего необходимого. В течение этого времени вы всегда давали моим врагам возможность слушать, но отказывались слушать меня даже в течение одного часа. Я приехал в Констанц, чтобы защитить Яна Гуса, потому что я посоветовал ему отправиться туда и пообещал прийти ему на помощь в случае, если его будут притеснять. Я также не стыжусь публично признаться в своей собственной трусости. Я признаюсь и трепещу, когда думаю об этом, что из-за страха наказания огнем я подло согласился против своей совести осудить Уиклифа и Гуса. Я взываю к Верховному Судье всей земли, в присутствии которого вы должны вскоре ответить мне!”

Судьи Джерома были неумолимы, и он был убит на костре, распевая гимн в огне, когда предавал свой дух своему Божественному Испытателю в 1416 году нашей эры.

Многие дворяне Богемии расценили убийство этих двух выдающихся людей как оскорбление их нации и замыслили месть. Эта страсть была разожжена политикой папы Мартина, который способствовал организации инквизиции в своей стране и побудил католиков в Моравии объединиться для уничтожения гуситов. Король Вацлав склонялся к поддержке папы, но из-за страха быть отвергнутым в кровавом деле он умер в 1419 году н.э., когда корона Богемии перешла к императору, Сигизмунд отправил армию в крестовый поход против еретиков. Множество людей стали жертвами их жестокого фанатизма и погибли в шахтах Куттенбурга, утонув, а также на костре. Говорят, что в 1420 году нашей эры в одну шахту был брошен 1701 человек, в другую - 1038, а в третью - 1334.

Главный судья Литомеричи, жестокий фанатик, чтобы угодить инквизиторам, приказал арестовать *двадцать четыре* видных горожанина и обвинить их в ереси. Одним из таких был муж его собственной дочери. Они были заключены в высокую башню, а когда умирали от голода и холода, их вывели и приговорили к немедленной смерти через утопление в реке Альбис. Судья сам должен был вынести им приговор, который он привел в исполнение, невзирая на слезы и мольбы своей дочери; и всех их, связанных по рукам и ногам, отвезли на телегах к реке, в которую они были погружены, в то время как были наняты офицеры, вооруженные железными вилами и шестами, которые следили, чтобы никто не сбежал, и закалывали тех, кто попытается это сделать. Молодая леди, будучи неспособной вызвать

жалость у своего жестокого отца, бросилась в реку в надежде помочь своему мужу спастись, но ей это не удалось; и на следующий день тела обоих были найдены в воде, ее руки были обхвачены телом ее мужа! О кровавых операциях инквизиции известны и другие примеры смертоносной жестокости, не менее шокирующие.

Теперь многие гуситы удалились на высокую гору, которую они укрепили; и там они проводили свои религиозные собрания, подавая вечерю Господню не только с хлебом, но и с вином, что было запрещено католиками. Свое укрепление они называли *Фавор*, и поэтому людей называли *таборитами*. Они выбрали вождей и разбили войска императора в одиннадцати сражениях; так что они получили право использовать чашу на вечере Господней с согласия собора Василия Блаженного в 1431 году н.э.

Часть гуситов стремилась к большему, чем чаша; они настаивали на проведении реформации в соответствии со Священным Писанием. Они все еще подвергались преследованиям со стороны католиков и были вынуждены прятаться в зарослях и пещерах, разжигая огонь только по ночам, когда читали Священное Писание и объединялись в общественном поклонении Богу. Стефан, их последний епископ, был сожжен заживо за свое исповедание Христа, и чешские братья объединились с вальденсами в 1480 году н.э.

ГЛАВА VI.

ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ.

Испания при Фердинанде и Изабелле—Святая канцелярия—Торквемада, инквизитор—Его жертвы и политика—Преследование евреев—Диего Деза—Сиснерос—Карл V.—Филипп II.—Акты веры—Жертвы при Филиппе II.—Убийство его сына, дона Карлоса.

Испания, как ни одна другая страна, пострадала от суда инквизиции. Мы видели, что он был введен в провинциях в ранний период, и несколько человек были публично сожжены в 1302 году н.э. в Арагоне отцом Бернардом; а одно из зрелищ сожжения еретиков в 1325 году н.э. было санкционировано присутствием короля Якова и двух его сыновей. Примерно в 1356 году нашей эры Николас Эймерик, генеральный инквизитор Арагона, написал свод правил под названием “Руководство инквизиторов”; и это был главный справочник, хотя инквизиция сильно ослабла, пока не произошло объединение корон Арагона, Кастилии и Леона, Астурии и Гранады в результате брака Фердинанда V Арагонского с Изабеллой, королевой Кастилии, в 1474 году нашей эры.

Таким образом, Испания объединилась под властью одного правительства, и была создана “Современная инквизиция” в новой форме для обнаружения мавров и еретиков, но особенно евреев. Этот народ, усердствуя в торговле, нажил большое богатство; они были знамениты своей ученостью, и некоторые из них достигли самых высоких постов в государстве. Тем не менее, даже с самого начала они подвергались оскорблениям из-за своей религии со стороны приверженцев христианства. Однако многие из евреев заявляли, что они обращены в веру Христову, и вступали в браки с испанской знатью; но не успели Фердинанд и Изабелла взойти на трон, как римские прелаты обратились к ним, как к католическим князьям, с просьбой одобрить возросшую активность и могущество инквизиции.

Изабелла не желала становиться виновной в пролитии крови своих подданных, но Фердинанд пошел на поводу у священников, и королева в конце концов уступила их фанатичным советам. Поэтому папа Сикст IV в 1471 году по ее просьбе издал буллу, предписывающую арестовывать и наказывать еретиков и вероотступников. В течение двух лет использовались щадящие средства, как того желала Изабелла; но затем священники сообщили, что их было недостаточно; и в 1480 году Майкл Морильо и Джон де Сан-Мартин, оба доминиканцы, были назначены инквизиторами с различными подчиненными офицерами.

Севилья была местом проведения их первых операций. В ходе своего развития губернаторы провинций, согласно королевским приказам, снабжали их всем, что им требовалось; и граждане, хотя и выступали против этого учреждения, подчинились королевскому поручению. Они издали свой первый эдикт 2 января 1481 года, и многие, опасаясь мести инквизиции, бежали из города. Инквизиторы приказали испанской знати схватить эмигрантов как еретиков; их имущество было конфисковано, и было арестовано такое количество людей, что они были вынуждены предоставить тюрьму большего размера. На табличке этого здания было выгравировано следующее на варварской латыни:

“Святая канцелярия инквизиции, созданная для борьбы со злодеяниями еретиков, начала свою деятельность в Севилье в 1481 году, при понтификате Сикста IV, который даровал согласие, и в правление Фердинанда и Изабеллы, которые просили об этом. Первым генеральным инквизитором был монах Томас де Торквемада, настоятель монастыря Санта-Крус в Сеговии, члена ордена Проповеднического братства. Дай Бог, чтобы для распространения и поддержания веры это продолжалось до скончания веков. ”Восстань, о Господь, будь судьей в своем деле — поймай лисиц”.

Террор вполне мог овладеть умами людей; ибо 6 января, всего через *четыре* дня после первого эдикта, инквизиторы публично сожгли заживо *шесть* человек; а примерно через месяц - гораздо большее число. В связи с многочисленными жертвами префект Севильи воздвиг каменный эшафот. На нем были установлены четыре большие полые гипсовые статуи, называемые “*четыре пророка*”, и внутри, или прикованные к ним, осужденные несчастные были сожжены. Невинность ни в коем случае не была гарантией от тюремного заключения, конфискации имущества или даже смерти; инквизиторы выдвигали обвинения, а обвинители были в безопасности, поскольку их показания держались в секрете, и обвиняемые стороны ничего не знали о том, что их подозревают, пока они не были арестованы и закованы в цепи в застенках инквизиции.

Эти инквизиторы путешествовали и проводили свои суды в разных городах, где их агенты заполнили тюрьмы. Хотя протоколы трибуналов не велись точно, число осужденных и наказанных было самым ужасающим. Льоренте оценивает количество сожженных в Севилье в 1481 году н.э. в 2000 человек; 2000 сожженных в виде чучела; и 17 000 наказанных епитимьями; всего 21 000. В 1482 году было сожжено восемьдесят восемь человек; сорок четыре сожженных чучела; и 625 подвергнутых епитимье; всего 757!

Торквемада исполнял свои обязанности с такой энергией и рвением, что в 1483 году папа Сикст назначил его генеральным инквизитором Кастилии, Леона и Арагона. Эти полномочия были подтверждены папой Иннокентием VIII в 1485 году н.э., и в Севилье, Кордове, Хаэне, Вилья-Реале и Толедо были учреждены отдельные трибуналы. Король Фердинанд назначил королевский совет инквизиции и Торквемаду его председателем; и этот совет опубликовал в

1486 году свод законов для трибунала. Они были пересмотрены президентом с дополнениями в 1488 году н.э. и снова в 1498 году н.э. Эти законы и правила для инквизиции были достойны духа их авторов и гениальности учреждения, указывая скорее на хитрость и злобность дьявола, чем на разум христианина. Таким образом, их приведение в исполнение повергло все классы общества Испании в глубочайшую нищету, и такое множество людей было осуждено и казнено. Считалось, что более *ста тысяч* семей эмигрировали из страны. Отпущение грехов или возмещение ущерба действительно можно было получить в римском суде за деньги, и были потрачены огромные суммы, пока не было установлено, что это повлияло на жалование инквизиции; тогда практика таких апелляций была отменена как нарушение соглашения папы с Фердинандом и Изабеллой.

Был принят еще один способ обогатить инквизицию. Инквизиторы обвинили евреев в том, что они убедили своих братьев, исповедовавших христианство, вернуться к вере Израиля; в распятии детей в Страстную пятницу в знак неуважения к нашему Спасителю; и в том, что еврейские врачи и хирурги, которые считались самыми искусными из практикующих врачей, стали причиной смерти Генриха III. Встревоженные, они предложили Фердинанду и Изабелле *тридцать тысяч* сребреников в качестве помощи в войне против Гранады и за то, чтобы они воздерживались от всех ремесел, которые могут быть заняты христианами. Когда эти монархи были готовы принять предложение, Торквемада ворвался к ним с распятием в руках и обратился к королю и королеве: “Взгляните на Того, кого Иуда продал за тридцать сребреников; продаете ли вы Его за большую сумму?” Бросив распятие, надменный священник покинул королевские покои; но он достиг своей цели, ибо 31 марта 1492 года король и королева издали указ, повелевающий всем евреям покинуть королевство в течение трех месяцев под страхом смертной казни и конфискации их имущества. Христианам было запрещено оказывать им малейшую помощь. Им разрешили продать свои запасы и забрать с собой мебель, но не *золото* или *серебро*. Некоторые из них эмигрировали в берберийские государства, где мавры жестоко обошлись с ними, так что они вернулись в Испанию и исповедали христианство. Другие удалились в Португалию, где им разрешили пожить некоторое время, а затем их продали в рабство.

Сколько евреев было таким образом изгнано из Испании инквизицией, точно установить невозможно; некоторые считают, что 160 000, а другие - что 800 000. Мариана утверждает, что это число оценивалось в 170 000 семей, или 800 000 душ! Но если мы предположим только меньшее число, поскольку евреи были самой умной и богатой частью общества, то их изгнание стало серьезной национальной потерей для Испании.

Торквемада, до сих пор одерживавший верх, демонстрировал свою нетерпимую надменность таким образом, что все его боялись. Он не был удовлетворен осуждением тысяч богатых мирян, но он старался подчинить епископов своему ненавистному суду. Папа Александр VI. на него постоянно поступали жалобы, но он боялся отстранить его от работы. Однако в 1494 году нашей эры он назначил еще четырех генеральных инквизиторов; а Торквемада умер в ноябре 1498 года нашей эры, презираемый всем сообществом. Сознывая всеобщую ненависть, он всегда держал на столе рог единорога, как предполагаемое средство обнаружения яда в еде; и на публике его охранял отряд из *пятидесяти* приближенных инквизиции на лошадях и *двухсот* пеших, на что он получил разрешение Фердинанда и Изабеллы.

За период, когда Торквемада занимал должность генерального инквизитора, общее число его жертв составило более 10 000 человек, преданных огню: почти 7000 сожженных в виде чучел; и свыше 97 000 приговоренных к конфискации, бессрочному заключению или позору!

Этому ужасному инквизитору наследовал дон Диего Деза, доминиканец, архиепископ Севильи. Он был утвержден в своей должности папской буллой 1 декабря 1498 года и доказал, что достоин следовать за сангвиником Торквемадой. Он трудился над восстановлением инквизиции на Сицилии и в Неаполе, а также в Гранаде против мавров, многие из которых, как и евреи, подвергались жестоким преследованиям в Испании. Деза преследовал некоторых прелатов и знать; и число его жертв за восемь лет составило 38 440 человек; 2592 были сожжены; 896 сожженных изображений; и 34 952 наказанных епитимьями.

Хименес де Сиснерос сменил Дезу. Сообщается, что он был гораздо мягче в своем характере и управлении, чем его предшественники; тем не менее, он реорганизовал или учредил инквизицию в Севилье, Кордове, Хаэне, Толедо, Эстремадуре, Мурсии, Вальядолиде, Калаорре, Барселоне, Сарагосе, Пампелуне, Куэнке в Валенсии, Майорке, Сардинии, на Канарских островах, Ороне в Алжире и Америке. И все же, при всей своей умеренности, Льоренте считает, что его жертвы за одиннадцать лет были сожжены 3564 человека; 1232 сожженных чучела; и 48 059 наказанных епитимьями; всего 52 855!

Карл V. унаследовал трон Испании от своего отца Фердинанда в январе 1517 года; и во время его правления Кортесы предпринимали различные попытки реформировать инквизицию, чтобы ее ужасные разбирательства могли проводиться публично и в соответствии с нормами общего права; но посредством огромных подарков канцлеру и представлений кардинала Адриана, генерального инквизитора, Карла побудили поддерживать существующие чудовищности ужасного суда. Адриан был избран папой в январе 1522 года; и за пять лет его правления его жертвами стали 28 220 человек, из которых 1344 были сожжены; 672 сожженных чучела; и 26 214 были наказаны епитимьей.

Карл V. был избран императором Германии в 1520 году н.э. и на протяжении почти сорока лет становился величайшим сувереном Европы. Он санкционировал инквизицию в преследовании лютеран и всех реформаторов религии; и то, как он относился к этому пагубному суду, явствует из его завещания, в котором он передает его своему сыну Филиппу следующим образом:

“Из уважения к моему долгу перед Всемогущим Богом и из моей великой привязанности к светлейшему принцу Филиппу II, моему дражайшему сыну, и из сильного и искреннего желания, которое я испытываю, чтобы он был в безопасности под защитой добродетели, а не величия своего богатства, я с величайшей душевной привязанностью заклинаю его, чтобы он проявлял особую заботу обо всем, что касается чести и славы Божьей, как подобает самому католическому королю и принцу, ревностному к Божественным повелениям, и чтобы он всегда был послушен повелениям церкви”. . И, среди прочего, *это я принципиально и наиболее горячо рекомендую ему, высоко ценить и постоянно поддерживать службу Святой инквизиции, созданную Богом против еретической правды, с ее министрами и должностными лицами; потому что с помощью этого единственного средства могут быть исправлены самые тяжкие преступления против Бога. Также я приказываю ему, чтобы он позаботился о сохранении неприкосновенности всех церквей и духовных лиц*”. В дополнении к своему завещанию он также таким образом предписывает своему сыну: “Я горячо желаю и со всей возможной серьезностью умоляю его и приказываю ему, выражая свое почтение мне, его любящему отцу,

чтобы в этом вопросе, в котором затронута благополучие всей Испании, он был самым ревностным образом осторожен, чтобы наказать всех, зараженных ересью, со всей строгостью, подобающей их преступлениям; и чтобы с этой целью он оказал величайшую честь службе Святой Инквизиции, благодаря заботе о которой католическая вера может быть восстановлена". умножится в его царствах, и христианская религия будет сохранена".

Король Филипп был послушен этим приказам своего отца, что доказали действия инквизиторов в нескольких его провинциях, а также его одобрение ужасного курса преследований и мученической смерти при его королеве в Англии. См. Главу IX.

В Троицкое воскресенье, 21 мая 1559 года, на Большой площади Вальядолида состоялось самое торжественное *аутодафе* против испанских лютеран. Принцесса Донна Хуана (правительница королевства в отсутствие своего брата Филиппа II), принц Дон Карлос и многие гранды Испании, а также прелаты и дворяне Кастилии, а также множество дам и джентльменов - все они помогали по этому случаю. *Шестнадцать* человек были вывезены в этом *автомобиле* для примирения посредством покаяния; кроме того, останки и изображение дамы, уже мертвой, и *четыренадцать* живых людей, которых поглотила всепожирающая стихия! Этой дамой была донна Элеонора де Вибера, владелица женского монастыря в городе. Ее дочь Беатриче и двое ее сыновей, Фрэнсис и доктор Огюстен Казалла, были принесены в жертву на костре в этом ужасном *автокатастрофе*, все они были осуждены за лютеранство.

В Севилье в том же году был отпразднован еще один *всеобщий*, во время которого Иоанн Понтий, сын Родерика, графа Виллалона, был публично сожжен как лютеранин. Вместе с ним были казнены Джон Гонсалвус, проповедник, и четыре знатные дамы; Бохоркес, которой едва исполнилось двадцать лет; Мария Вироезия, Корнелия и Вания, в доме которых проводились собрания для молитвы. Кроме них, были еще *семь* человек, и среди них студент, врач и монахиня. Принесение в жертву этой компании из *тринадцати* человек, не считая нескольких статуй, проходило с большой помпой, однако вызвало негодование немалого числа горожан. Двое других избежали пожара, скончавшись ранее в тюрьме: доктор Джон Эгидиус, назначенный императором епископом Дроссена, и доктор Константин Понтий, духовник Карла V. Они были жертвами инквизиции, подозреваемой в разделении доктрин Лютера.

Филипп, разлученный со своей королевой Марией, покинул Англию в 1557 году и направился к своей армии в Пикардию; а по прибытии в Испанию он потребовал *аутодафе*, которое было отпраздновано с необычайной пышностью. Де Кастро в своей очень интересной книге "Испанские протестанты и их преследования Филиппом II" говорит:

"Несмотря на то, что очень многие были сожжены или подвергнуты позорной епитимье во время вышеупомянутого *аутодафе*, инквизиторы приберегли наибольшее количество и самых известных заключенных для участия в протестантизме, чтобы заставить их снисходительно отнестись к наказанию по прибытии Филиппа II.; праздник, очень подходящий этому монарху, чье правление в Англии при варварской Марии Тюдор закончилось после того, как там на костре было сожжено множество протестантов.

"Это *авто* было отпраздновано 8 октября 1559 года. Для пущей благопристойности и торжественности этот *благочестивейший* монарх счел уместным помочь всем своим двором в этих ужасах и воссоздать себя в ужасном уничтожении многих своих подданных, прославленных своим происхождением, добродетелями и ученостью.

Дон Диего де Симанкас, тогдашний секретарь святой канцелярии, говорит: “*Аутодафе* этих еретиков было самым торжественным образом отпраздновано на Большой площади, на сцене, сооруженной по новому плану, настолько искусно, что со всех сторон были видны преступники. На других сценах были собраны члены совета и официальные лица; и так велико было скопление людей, съехавшихся со всей округи, что считалось, что число собравшихся, включая жителей города, не могло быть меньше 200 000 человек! Таким образом, *благочестивый* король, духовенство, знать и народ с необычайной поспешностью прибегли к способу развлечения, достойному каннибалов или древних мексиканцев”.

В октябре 1560 года *двадцать восемь* человек, многие из которых были членами знатнейших семей Испании, были привязаны к столбам и публично сожжены как еретики-лютеране в присутствии короля в Вальядолиде.

Однако Филипп не был удовлетворен самопожертвованием своих граждан; он распространил инквизицию на военно-морской флот, назначив инквизитора на свой флот в 1571 году; так что среди испанских моряков многие были принесены в жертву во время публичного *акта веры* в городе Мессина. Он учредил этот суд в Лиме в 1571 году и в Мексике; а в 1574 году на рыночной площади этого города был проведен публичный *акт веры*. При этом было *восемьдесят* кающихся; двое из них, англичанин и француз, были освобождены; некоторые другие, обвиненные в иудаизме и колдовстве, примирились; но многие из них были сожжены заживо в присутствии вице-короля, сената, священников и большого стечения мексиканцев.

Филипп II. умер в сентябре 1598 года, проработав *сорок два* года. Его имя вызывало отвращение в его собственных владениях из-за его кровавого фанатизма и пагубной политики правительства. Историки представляют его достойным того, чтобы поставить в один ряд с этими жестокими монстрами, Нероном и Домицианом, заслуживающими проклятия всего человечества.

Число жертв инквизиции во время правления Филиппа II. было оценено не менее чем в 40 664 человека, из которых 6300 были сожжены; 3124 были сожжены как чучела; и 31 240 были подвергнуты различным унижительным покаяниям. Таким образом, это было царство террора в Испании.

Жестокость Филиппа может быть дополнительно проиллюстрирована одним актом его домашнего управления; ибо он добавил своего собственного сына и наследника своего трона к числу своих жертв. Дон Карлос, потрясенный жестокостью, проявленной герцогом Альва по отношению к протестантам в Нидерландах, [см. Главу VII.] по просьбе нескольких дворян, пожелал получить мандат на управление этой страной в качестве вице-короля, чтобы он мог проявлять терпимость к тем, кто отвергал господство папы. Но его отец в сопровождении нескольких своих тайных советников и двенадцати стражников вошел в его комнату посреди ночи, схватил его и бросил в тюрьму. Народ был поражен этим оскорблением принца, и император Максимилиан умолял Филиппа освободить его, но тщетно. Хунта, президентом которой был генеральный инквизитор, была назначена судить дон Карлоса; и его держали в строгом заключении. Никому не разрешалось навещать его, даже королеве или принцессе донне Хуане, чтобы жалобы принца не стали достоянием общественности; к нему допускались только те официальные лица с одним врачом, которые были назначены королем. Сам Филипп не осмеливался увидеться с ним, опасаясь упреков оскорбленного принца; и он, по—видимому,

был тайно убит, — преобладающее мнение таково, с помощью яда, - 24 июля 1568 года, в возрасте двадцати трех лет!

Филипп никогда не удовлетворил бы общественность подробностями смерти принца. Де Кастро говорит: “Дон Карлос пал жертвой своего желания изгнать из Фландрии ужасы инквизиции и освободить совесть всех людей в вопросах религии. Величайшим преступлением, в котором Карлос был виновен своим отцом, дворцовыми фаворитами и инквизиторами, было то, что он исповедовал протестантские доктрины. Об этом писали в Испании и за ее пределами. Есть одно обстоятельство, подтверждающее мнение, что дон Карлос был убит, *а именно*, что маркиз де Бержнес умер при дворе по подозрению в отравлении; барон де Монтиньи был тайно обезглавлен во дворце Сеговии, а графы Эгмонт и Горн погибли на эшафоте на глазах у брюссельского населения — все они за свою тайную переписку с Доном. Карлос!”

Испания сильно пришла в упадок из-за этой бесчеловечной политики Филиппа II, которому наследовал его сын Филипп III, который правил двадцать три года и умер 31 марта 1621 года. Число его жертв инквизиции в тот период составило 15 824 человека, из которых 1840 были сожжены; 736 были сожжены в виде чучел; и 13 248 были подвергнуты епитимьям. Филипп IV. наследовал своему отцу и умер в 1665 году, правя *сорок четыре* года; за этот период жертвами инквизиции стали 18 304 человека; из них 2816 были сожжены; 1408 были сожжены в виде чучел; и 14 080 понесли суровые наказания. Филипп IV. ему наследовал его сын, Карл II., которому было всего четыре года; и при его женитьбе в 1680 году он был *удостоен* чести провести *аутодафес* большим размахом и великолепием в Мадриде! Описание этого будет найдено в главе XV.

ГЛАВА VII.

ИНКВИЗИЦИЯ В ПОРТУГАЛИИ И НИДЕРЛАНДАХ.

Евреи в Португалии—Народная ненависть к ним—Инквизиция против них—В нескольких городах—Учреждена в Гоа—Указ против евреев—Даже после того, как они исповедовали христианство—Последователи Лютера в Нидерландах—Инквизиторы ищут их—Тревога в городах—Эдикты Карла V.—Филипп становится его преемником—Убийства герцога Алвы — “Объединенные провинции”.

Португалия, как мы видели, приняла некоторых евреев, которые подвергались преследованиям и были изгнаны из Испании при генеральном инквизиторе Торквемаде. Были предприняты все возможные усилия путем преследований и жестокости, чтобы обратить их в христианство. У них отобрали детей — всем моложе четырнадцати лет — и воспитали в католической вере. Сисмонди утверждает: “В 1506 году по случаю смерти новообращенного еврея, который, казалось, не верил в какое—то чудо, жители Лиссабона восстали и, убив его, сожгли его мертвое тело на городской площади. Монах в разгар беспорядков обратился к населению, увещевая их не довольствоваться столь незначительной местью в обмен на такое оскорбление, нанесенное нашему Господу. Затем два других монаха, подняв распятие, встали во главе мятежной толпы, громко выкрикивая только эти слова: ‘Ересь! ересь! Истребить! истребить!’ И в течение трех следующих дней две тысячи новообращенных мужчин, женщин и детей были преданы мечу, а их вонючие конечности, еще теплые и трепещущие, были сожжены в общественных местах города. Тот же фанатизм, распространившийся на армию, превратил

португальских солдат в палачей неверных и тиранов востока. Наконец, в 1540 году Иоанн III. преуспел в учреждении инквизиции, к которой прогресс суеверий давно готовился”.

Король Иоанн учредил “Святую канцелярию” в Португалии по образцу таковой в Испании. “Насколько велико было его рвение поддерживать веру в ее древнем великолепии, - говорит католический историк, - то, что он ввел священный трибунал инквизиторов ереси в Португалии, является убедительным доказательством, мужественно преодолевая те трудности и заграждения, которые дьявол коварно воздвиг в городе, чтобы помешать или затормозить усилия его величества. Ибо он учился опыту у других и становился мудрее благодаря несчастьям многих королевств, которые из самого цветущего состояния были доведены до разорения чудовищными и смертоносными ересями. И очень достойно внимания, что в тот год, когда трибунал Святой инквизиции против еретической правды был перенесен в Португалию, королевство переживало ужасающее бесплодие и голод. Но когда трибунал был однажды воздвигнут, следующий год был примечателен невероятным изобилием, обычно называемым “годом Святого Блейза”, потому что перед его праздником семена нельзя было сеять в землю из-за отсутствия дождя, тогда как впоследствии провизия была настолько дешевой, что бушель кукурузы продавался за два пенса”.

Дидакус де Сильва был первым генеральным инквизитором в Португалии, и он учредил трибуналы в нескольких городах, первый из которых был в Эворе в 1537 году н.э., назначив Джона де Меллу первым инквизитором в этом городе. Трибунал в Лиссабоне был учрежден в 1539 году кардиналом Генрихом, вторым генеральным инквизитором; и еще один суд в Коимбре - в 1541 году.

Португалия владела несколькими зарубежными провинциями, среди которых был Гоа на Малабарском побережье Индии. Франциск Ксаверий в 1545 году н.э. сообщил королю Иоанну III, “что еврейское нечестие с каждым днем распространяется все больше и больше в частях Ост-Индии, подвластных королевству Португалия; и поэтому он искренне умолял короля, чтобы для лечения столь великого зла он позаботился направить в эти страны управление инквизиции”. После этого кардинал Генрих, в то время генеральный инквизитор королевства Португалия, учредил трибунал Святой инквизиции в городе Гоа, столице, и направил в эти части инквизиторов и других необходимых должностных лиц, которые должны были усердно заботиться о делах веры. Алексис Диас Фалькано вступил в должность инквизитора в Гоа в 1541 году нашей эры. И с того периода этот трибунал продолжал свою работу, так что своей нетерпимостью, жертвами и жестокостью он довел провинцию до низшей стадии деградации и стал бременем, а также позором для Португалии.

Несколько раз новообращенным евреям в Португалии предоставлялись общие индульгенции в надежде полностью примирить их с папством. *Первый* был написан папой Климентом VII в 1535 году нашей эры; и это было подтверждено папой Павлом III в 1536 году нашей эры. *Второй* был издан тем же понтификом в 1547 году н.э.; в то же время инквизиторам было предписано действовать с большей энергией против иудействующих в этом королевстве. Тем не менее, он даровал всеобщее помилование новообращенным и их детям.

Себастьян, король Португалии, по случаю подготовки к своей неудачной экспедиции в Африку, во время которой он погиб, предоставил потомкам евреев в 1577 году н.э. за крупную сумму денег право не конфисковывать их имущество в течение десяти лет. Эта мнимая щедрость, хотя и санкционированная папой Григорием XIII, противоречила совету Филиппа II, его дяди, короля

Испании; но после поражения королевской армии сарацинами в том же году кардинал Генрих, двоюродный дед короля, сменивший его на троне, немедленно отозвал упомянутый грант с согласия папы римского, заявив в качестве причины этого отзыва, “что после наиболее зрелого совещания ученых мужей все они согласились, что он обязан произвести такой отзыв, потому что этого требует благо веры”.

Кардинал Генрих умер в 1580 году, корона Португалии перешла к Филиппу, королю Испании; и новые христиане, как называли послушных евреев, предложили ему крупную сумму денег при условии, что он получит для них общую индульгенцию от папы; но его богословы заявили, “что Бог был сильно оскорблен такими деньгами; и что он не мог разумно ожидать от них какого-либо успешного успеха”. Поэтому Филипп проигнорировал их предложения денег, хотя он был вовлечен в дорогостоящую войну с Англией и Францией.

Эти евреи-христиане в Португалии продолжали в течение многих лет пытаться путем неоднократных просьб добиться отмены инквизиции или, по крайней мере, смягчения ее законов и политики. Но они были введены в заблуждение только пустыми словами и льстивыми обещаниями, ибо они по-прежнему подлежали наказаниям, установленным против еретиков, и ужасам инквизиции, будучи обвиненными во всех отношениях, противоречащих принципам и доктринам Рима.

Карл V, знаменитый император Германии и король Испании, был большим сторонником инквизиции в Нидерландах. Эти провинции, включающие Бельгию, Голландию и несколько прилегающих стран, он унаследовал от своего отца. В ранний период многие из их богословов раздобыли писания и приняли доктрины Лютера; и, следовательно, инквизиция была введена там в 1521 году н.э. Фрэнсисом Вандером Халстом, канцлером императора в Брабанте, и Николасом Ван Эгмонтом, монахом-кармелитом. Они были назначены генеральными инквизиторами -, а об их характерах и политике мы узнаем от знаменитого Эразма. В письме архиепископу Палермо, датированном 1524 годом н.э., он говорит: “Теперь меч отдан двум яростным ненавистникам хорошей учености, Халсту и Эгмонту. Если у них есть злоба против какого-либо человека, они бросают его в тюрьму; здесь дело решается между немногими, и невинные подвергаются варварскому обращению, чтобы они ничего не потеряли из своего авторитета; и когда они обнаруживают, что поступили совершенно неправильно, они кричат: ‘Мы должны позаботиться о вере’. В другом письме другу он говорит: “Там правит Эгмонт, разъяренный человек, вооруженный мечом, который ненавидит меня вдвое больше, чем Лютера. Его коллега - Фрэнсис Халст, ярый враг учености. Сначала они бросают людей в тюрьму, а затем выискивают преступления, в которых их обвиняют. Император ничего не знает об этих вещах, хотя ему стоило бы потратить время, чтобы узнать их.

Поэтому многие последователи Христа подверглись различным пыткам от этих жестоких инквизиторов, и император Карл попытался учредить инквизицию в Нидерландах по образцу ее деятельности в Испании. С этой целью он издал эдикт против еретиков, повелевающий всем магистратам, по требованию инквизиторов и по просьбе епископов, преследовать любого в деле о ереси и оказывать всяческую поддержку и содействие в исполнении своих обязанностей, обнаруживая и задерживая тех, кто может быть заражен еретической правотой. Этот указ уполномочивал их применять к нарушителям смертную казнь, независимо от их достоинства или привилегий.

Ужас наполнил умы людей, когда они узнали о характере этого указа, и самые мрачные опасения побудили многих готовиться к эмиграции из Антверпена. Поэтому магистраты собрали главных торговцев, чтобы выяснить у них, какие убытки понес город и какой дальнейший ущерб ожидается от учреждения инквизиции. Они высказали свое мнение; и был подготовлен мемориал, который был возложен перед королевой Марией, сестрой Карла V. И в то время правительницей Нидерландов, в значительной степени показывающий из эдикта императора, инструкций инквизиторов и привилегий Брабанта, сколько зла, по-видимому, угрожало городу и всей стране. Они умоляли ее заступиться за императора, чтобы такой богатый и процветающий город не был разрушен действиями инквизиции. Несколько орденов Брабанта объединились с орденами Антверпена, и королеву убедили взяться за их дело. Она немедленно отправилась в Аугсбург, где добилась еще одного эдикта, разрешавшего церковным судьям требовать от некоторых лиц из имперских судов присоединиться к ним в судебном процессе против любого обвиняемого в ереси. Это никоим образом не соответствовало делу; поэтому в Антверпене был принят протест о том, что этот эдикт не должен ни в чем умалять статуты и привилегии граждан. И все же им было не по себе, таков был страх перед жестокостью, которая была известна инквизиторам; особенно когда они увидели, что те, кто был частным образом назначен папой и императором на должность инквизиторов, действовали как таковые сами по себе и через своих комиссаров. Ибо некоторые из них вскоре были осуждены как еретики во многих городах; из них одни были обезглавлены, другие повешены или сожжены, а некоторые завязаны в мешки и утоплены!

К королю Филиппу, сменившему своего отца, обратились с жалобой на эти чудовищные действия и ходатайствовали о предоставлении религиозной терпимости в Нидерландах. Но суеверие овладело разумом царственного фанатика; и он пал ниц перед распятием, торжественно умоляя: “Я умоляю Божественное Величество, чтобы я никогда не позволил себе быть или называться господом тех, кто отвергает Тебя, Господь!”

Решив уничтожить реформу в Нидерландах, Филипп преобразовал *три* епископства в архиепископства и учредил семнадцать епископств с инквизиционным судом под руководством кардинала Гранвиля. Принц Оранский, граф Эгмонт и граф Горн протестовали вместе с герцогиней Пармской против инквизиции и кардинала Гранвиля. Это было напрасно. Казни инквизиции стали более частыми и суровыми, чем прежде, и было решено заключить общее соглашение, чтобы добиться удовлетворения общих жалоб. Герцогиня Пармская возражала Филиппу, но обезумевший монарх был глух ко всем доводам, и единственная уступка, на которую он пошел, заключалась в том, что на будущее еретиков следовало не сжигать, а вешать.

Филипп, находившийся под влиянием суеверий и управляемый священниками, поддерживал политику инквизиторов в Нидерландах. Поэтому их жестокость возрастала, пока народ не поднял открытое восстание. Население устраивало беспорядки, сбрасывало изображения в церквях и совершало другие акты насилия. Король пригрозил возмездием преступникам и передал дело в верховный инквизиционный суд Испании, чтобы узнать его решение относительно мятежников — информация и показания, данные низшими инквизиторами среди недовольных, этот суд постановил, что жители Нидерландов виновны в государственной измене.

Теперь Филипп до предела потакал своему фанатизму, не считаясь с благополучием своих подданных. Он послал “герцога Алвы, пользующегося дурной памятью”, в Нидерланды с мощной армией для уничтожения еретиков. Говорят, что этот монстр, чей фанатизм, гордость и упрямство соответствовали фанатизму его царственного хозяина, “пролил протестантскую кровь, как воду, со всех сторон; в то время как *сто двадцать тысяч* бежали от преследований”. По всем их городам, старые и молодые, мужчины и женщины, без какого-либо различия достоинства, возраста или пола, могли быть замечены страдающими от меча, виселицы, огня и других мучений, пока несчастные люди, охваченные негодованием, не восстали как один человек и полностью не свергли ужасную инквизицию. Вильгельм, принц Оранский, предпринял освобождение своей родной страны, чего он добился с помощью войск, набранных из числа беженцев и немецких протестантов. Оскорбленный король Испании отозвал герцога Альва, но тот “изверг хвастался, что предал в руки палачей более *восемнадцати тысяч* еретиков и мятежников, не считая тех, кто погиб на войне!”

Отец Поль насчитывает 50 000 бельгийских мучеников; но Гуго Гроций оценивает число тех, кто пострадал от рук палача, не менее чем в 100 000 человек. Однако папство вместе с проклятой инквизицией было изгнано из страны, и гражданская война закончилась только с установлением новой формы правления, которая сформировала новое протестантское государство в Европе под названием “Семь соединенных провинций”.

ГЛАВА VIII.

ИНКВИЗИЦИЯ ВО ФРАНЦИИ.

Мученики во Франции—Франциск I, гонитель—Его мать Луиза учреждает инквизицию—Первые жертвы—Франциск проводит свою политику—Его процессии и жертвы—Его ужасная смерть—Рост протестантов—Карл IX.—Резня—Нантский эдикт—Его отмена—Варварство драгун.

Франция поставила большое количество жертв жестокому фанатизму инквизиции в период реформации, особенно в правление Франциска I. Этот великий монарх был племянником Людовика XII, которому он наследовал трон после его смерти 21 января 1515 года. Франциску был тогда двадцать один год, и, как только он взошел на трон, он решился на поход в Италию, который увенчался успехом. После битвы при Мариньяне, в которой он одержал победу, Франциск вступил в Милан 23 октября 1515 года; и вскоре после этого заключил мир с папой Львом X, которым он был подтвержден во многих привилегиях, при этом он и папа пошли на различные уступки. Лев и Франциск встретились в Болонье, где они составили договор, известный как “*Конкордат*”, в силу которого они согласились пожертвовать тем, что понималось как права церкви, взаимно разделив добычу. Король уступил Папе его верховенство, независимое от всех церковных соборов, в то время как Лев лишил церковные корпорации Франции права выдвигать кандидатов в епископства, даровав это покровительство монарху. Этот договор был ратифицирован папой Римским, совершившим публичную процессию к кафедральному собору Болоньи, причем король нес шлейф Его Святейшества! Франциск осознал порочный характер *Конкордата*, повернувшись к Дюпра, своему канцлеру, прошептал: “В нем достаточно того, чтобы проклинать нас обоих!”

Франциск и Лев, соединив таким образом свои интересы, разошлись, каждый, чтобы следовать своим собственным курсом; но король, впоследствии раздраженный некоторыми задержками

папы, пожаловался папскому легату на поведение Льва; добавив, что, если он не будет быстро удовлетворен, он поддержит лютеран в своем королевстве. Священнический посол ответил таким тоном, что заставил замолчать пылкого монарха. “Сир, ” сказал он, “ вы были бы первым и величайшим неудачником от такого шага — новая религия требует нового принца!” Таким образом, Франциск был готов, под влиянием суеверия и страха за свою корону, проявить самое горячее рвение к делу папы и его инквизиции.

Две дамы в тот период оказывали необычайное влияние на религию во Франции. Маргарита, герцогиня Алансонская, сестра Франциска, придерживалась мнений, сильно отличавшихся от взглядов короля; и она оказывала свою могущественную защиту реформаторам, которые усилились в нескольких частях Франции, особенно в Мо и Лионе. Луиза Савойская, мать Франциска, исповедовавшая римско-католическую веру, но на самом деле лишенная религиозных принципов, была назначена регентшей королевства, когда он с оружием в руках вторгся в Италию в 1524 году. Сначала ему сопутствовал успех; но, стремясь захватить Павию, он потерпел поражение недалеко от этого города от императорских войск и был взят в плен Ланнуа, вице-королем Неаполя.

Франциск I. попал в плен к императору Карлу V. Его перевезли пленником в Испанию. Во время его отсутствия Франция ощутила на себе ужасы инквизиции. Ибо, как только Луиза получила в свои руки бразды правления из-за пленения короля, своего сына, она написала папе римскому в качестве средства снискать его благосклонность, прося его совета относительно наилучшего способа борьбы с еретиками, наводнившими Францию. Климент VII, раздраженный провалом всех попыток остановить прогресс реформации в Германии и Швейцарии, был в восторге от послания, которое отдавало еретиков по всему “Самому христианскому королевству Франции” на милость суверенного понтифика. Он отреагировал практическим эффектом и папской буллой учредил инквизицию во Франции.

С целью проведения своей политики папа назначил канцлера Дюпра архиепископом Санса и возвел его в сан кардинала. Таким образом, во Франции сразу же была учреждена инквизиция, поскольку все влиятельные державы — регент, канцлер и парламент — объединились с папой римским и Сорбонной для истребления ереси огнем и мечом. Была назначена комиссия, состоящая из четырех священников, которым была доверена абсолютная власть возбуждать дела против всех лиц, подозреваемых в том, что они запятнаны лютеранскими доктринами. Высшие сановники были привлечены к ответственности перед этим ужасным трибуналом, и первой жертвой инквизиторов был Брикonne, граф Монбрэн, епископ Мо. Он был вынужден отвечать, как самый смиренный священник, перед двумя инквизиторами, и каждая апелляция, которую он пытался подать в парламент или регенту, была отклонена. Он отрекся от евангелических доктрин, которые проповедовал, и Лефевр, пожилой профессор университета, “предтеча реформации”, бежал в Страсбург. Но ни падение епископа, ни бегство доктора не могли удовлетворить парижских инквизиторов. Жан Паван был сожжен на костре на Гревской площади, радуясь, что его сочли достойным принять смерть за Христа. Их следующей жертвой стал “добрый отшельник из Ливри”. Поскольку он проповедовал евангелие жителям деревни вокруг своего дома, примерно в девяти милях от Парижа, было решено сделать его публичным примером. Огромная куча была сложена на открытой площадке перед собором Нотр-Дам, в котором был принесен в жертву этот слуга Христов, в присутствии всего духовенства и множества людей, созванных большим соборным колоколом. К таким скромным жертвам добавились другие, более высокого ранга, и другими средствами, помимо тюрьмы и костра.

Майклу Д'Аранде, капеллану принцессы Маргарет, угрожали смертью, а Энтони Папийон, главный распорядитель запросов к дофину, был отравлен. Инквизиторы за несколько месяцев предали огню или изгнали из Франции почти всех, кто был объектом их зависти или подозрений. Наконец, после года плена в Испании, Франциск получил свободу на самых унижительных условиях, выполнять которые он был связан торжественной клятвой. После этой клятвы императору папа даровал ему отпущение грехов и тем самым еще теснее привязал его к себе такими ненадежными узами лжесвидетельства и обмана. Но эта милость сделала для него еще более трудным изменение политики, которая при регентстве его матери выдавала еретиков Франции римским инквизиторам.

Франциск вернулся в Париж в качестве вдвойне лжесвидетельного вассала папы римского, обязанного принять на себя обязанности гонителя и возглавить предание пыткам и смерти самых добродетельных, просвещенных и верных своих подданных. Великая перемена, произошедшая в характере Франциска по возвращении из Испании, стала заметной после того, как он предал Луи Беркена, которого называли “самым ученым из дворян”, мести инквизиторов. Его книги были изъяты, и, чтобы искоренить ересь, труды Лютера были публично сожжены перед собором Нотр-Дам. Беркен остался верен; он отказался купить жизнь, пожертвовав своей верой, и Франциск перестал быть защитником и королем. Когда парламент вмешался в его первые политические планы, он надменно ответил: “Во Франции есть король”; а когда двор, отвечая гордому духу монарха, вмешался в дело об аресте Беркена, король воскликнул: “В чем его обвиняют? Оспаривать обычай призывать Деву Марию вместо Святого Духа! *Неужели из-за таких пустяков сажают в тюрьму королевского чиновника?* Это атака, направленная против литературы, истинной религии, знати, более того, против самой короны”. Но Франциск отказался от этого королевского положения, чтобы стать жалким орудием фанатичного духовенства. Беркен, “королевский офицер”, был брошен на растерзание своим врагам. Он был приговорен к прокалыванию языка и *сожжению заживо*; и приговор был приведен в исполнение с самой беспощадной суровостью. Беркен твердо придерживался своей веры, и за его казнью последовали казни четырнадцати других реформаторов, которые были сожжены на костре, до последнего вздоха сохраняя истинную веру Христа.

Франциск не только позволил инквизиторам действовать свободно и оставил дворян Франции на произвол их ярости, но и был привлечен к тому, чтобы стать их скромным агентом среди исполнителей их жестокостей. В начале 1535 года Жан Морен, *старший инспектор-криминалист*, бросил в тюрьму огромное количество мужчин, женщин и детей, которые посещали религиозные собрания евангелистов. Их предал человек по имени Гайнье, которого наняли следить за их тайными религиозными собраниями. Так были приготовлены жертвы для торжественной процессии, которую король приказал провести в Париже 21 января 1535 года во искупление преступления, якобы совершенного на определенных плакатах, отрицавших римскую доктрину пресуществления.

Лаваль в своей “Истории протестантской реформации во Франции” описывает эту процессию следующим образом, выраженным современным автором: “Между восемью и девятью часами утра процессия начала выходить из церкви Святой Женевьевы. Там стояла длинная вереница священников, одетых в свои великолепные одежды; улицы были усыпаны цветами, а витрины были переполнены зрителями. Сначала были перенесены тела и мощи всех мучеников, хранящихся в различных церквях Парижа, — Сен-Жермен, Сен-Мерри, Сен-Марсо, Сен-Женевьева, Сен-Оппортьюнити, Сен-Ландре, Сен-Оноре; и все те реликвии Святой капеллы,

которые никогда не выставлялись на всеобщее обозрение с торжественного и скорбного дня похорон Людовика Святого. Затем последовало множество кардиналов в своих алых одеждах; епископы, аббаты и другие прелаты, а также все члены Парижского университета, маршировавшие в обычном порядке. Затем появился Дю Белле, епископ Парижа, неся в руках святое причастие. Затем король с непокрытой головой и с большой восковой свечой в руке; затем королева; принцы крови; двести джентльменов; королевская гвардия; парламентский суд; распорядитель запросов и все судебные исполнители. Присутствовали послы императора Англии, Венеции и др. Процессия в торжественном порядке проследовала по всем большим улицам Парижа; и в *шести* главных местах на каждом было воздвигнуто *хранилище*, или временный алтарь, украшенный цветами, распятиями, подсвечниками и т.д., и т.п. Маленьких детей, наряженных ангелами или держащих агнца мира, обычно можно было увидеть в этих хранилищах; но сейчас здесь было приготовлено ужасное зрелище. У каждого алтаря были устроены эшафот и костер, на котором были очень жестоко сожжены *шесть человек* под восторженные крики и ликование толпы, настолько возбужденной, что им с трудом удалось помешать вырвать жертвы из рук палачей и разорвать их на куски. Но если ярость этих людей была велика, постоянство мучеников было еще большим. Жестокость народа, разрывавшего этих страдальцев на куски, была бы милосердием по сравнению с варварством короля. Он приказал, чтобы эти жертвы были привязаны к очень высокой машине, балка которой выступала, с помощью шкивов попеременно поднималась и опускалась; и когда она поднималась и опускалась, она погружала мученика в пылающую кучу внизу и снова поднимала его, чтобы продлить его страдания. Это продолжалось до тех пор, пока пламя не уничтожило веревки, которыми он был связан, и тело не погрузилось в огонь. Эта ужасная машина не приводилась в движение до тех пор, пока король, королева и все присутствующие не смогли насладиться зрелищем того, как еретика терзают в огне; в это время король, передав свой факел кардиналу де Лорейну, сложил руки и, смиренно простершись ниц, призвал благословение небес на свой народ; и в такой позе оставался до тех пор, пока агония жертвы не прекратилась.

“Процессия закончилась там же, где и началась, у церкви Святой Женевиевы. Святое причастие было заменено в дарохранительнице, и мессу отслужил архиепископ Парижский. После этого был устроен великолепный обед, на котором архиепископ принял короля, пэров, послов, членов парламента и т. Д. По окончании этого развлечения король, обращаясь к многочисленным гостям, выразил свою скорбь по поводу отвратительных мнений, которые были распространены в его владениях, сказал, “что он определил и приказал, чтобы правонарушителям было назначено самое строгое наказание; и он потребовал, чтобы все его подданные доносили на каждого, кого они узнают как приверженцев или соучастников таких богохульств, независимо от союза, происхождения или дружбы. Что касается его самого, *если бы сама его рука была таким образом повреждена, он оторвал бы ее от своего тела; и если бы его собственные дети были признаны виновными в таких чудовищных поступках, он немедленно принес бы их в качестве первой жертвы Богу!*” Чтобы придать силу своим словам, король приказал продолжить казни *священнослужителей*; и с тех пор число погибших от *балансира* (или качелей) ужасает”.

Европа была полна сообщений об этих жестокостях по отношению к французским реформаторам, и протестантские князья выступили с протестами против короля. Но Франциск стал рабом суеверий и нетерпимости священников, и им управляли римские инквизиторы. Он продолжал свой жестокий и невежливый курс по совету инквизиторов; и в 1540 году издал

ужасный эдикт против водуа, требующий, чтобы “все деревни Мирандоль, Кабриер, Ле-Энь и другие места были разрушены, дома снесены с лица земли; их пещеры и другие подземные убежища разрушены; их леса вырублены; их фруктовые деревья вырваны с корнем; главные вожди казнены; а женщины и дети сосланы навечно”.

Об этих людях говорили как об образцовых в своем деле; что “они никогда не служат мессу по усопшим; они молятся на вульгарном языке; у них нет ни епископов, ни священников, но люди, которыхони избирают простыми служителями”. Поэтому паписты ненавидели свою религию и завидовали их процветанию, вызванному трудолюбием, так что они убедили короля оставить своих достойных подданных на растерзание мечу и огню инквизиторов. Мужчины, женщины и дети были убиты с дьявольской жестокостью. Города, деревни и поселки были преданы огню. Смерть грозила всем, кто должен был предложить пищу или кров беглецам, так что те, кто избежал меча преследователей, погибли в горах.

Говорят, что Фрэнсиса терзали угрызения совести, когда он размышлял об этой печально известной резне, особенно на смертном одре. Он умер в 1547 году, как умирает гонитель, — отчаявшийся, обесчещенный и непокоренный. Его старший сын, дофин, умер от яда, поданного его виночерпием; и его собственная смерть, как полагают, была вызвана тем же орудием мести, которым воспользовался муж дамы, которую он обесчестил. Следовательно, его характер был достоин “тайны беззакония”, римского антихриста.

Франция продемонстрировала длинную серию самых кровавых сцен после кончины Франциска I. Ужасный плод инквизиции, описание которого потребовало бы целого тома. Несмотря на преследования, число протестантов значительно увеличилось; так что, согласно записям, в 1570 году во Франции насчитывалось *две тысячи сто пятьдесят* конгрегаций протестантов, некоторые из которых насчитывали *две тысячи* членов! Папские интриги долгое время использовались под руководством инквизиторов для их искоренения; и страницы истории не содержат другого такого свидетельства чудовищного предательства и злобного варварства, как при святом Варфоломее в 1572 году. Следует помнить, что это деяние было совершено во имя религии Иисуса Христа, Князя Мира!

Карл IX, король Франции, ведомый своей порочной матерью, печально известной Екатериной Медичи, был побужден агентами папы принять решение об уничтожении одним решительным усилием всех инакомыслящих из римской церкви. С этой целью многие видные протестанты были приглашены в Париж под торжественную клятву безопасности, чтобы отпраздновать бракосочетание короля Наварры с сестрой французского короля. Вдовствующая королева Наварры, ревностная протестантка, была уничтожена до того, как состоялось бракосочетание, с помощью яда, спрятанного в паре перчаток. Бесчеловечная резня началась при звоне колокола Дворца правосудия в два часа ночи 24 августа (суббота) с убийства адмирала Колиньи, в которого стреляли и который был ранен двумя днями ранее. Лицемерный король Франции посетил его и объявил, что рана адмирала - его собственная. Но шокирующая работа была проведена герцогом де Гизом по настоянию самого короля лично!

Самой ужасной была эта сцена. Воздух сотрясали вопли женщин и детей, смешанные с воплями и богохульными проклятиями их убийц. “Представьте себе, - говорит французский автор, - шестьдесят тысяч убийц, вооруженных пистолетами, колющими, саблями, кинжалами, кинжалами и другим смертоносным оружием, несущихся по улицам, богохульствующих и порочащих святое имя Божие, убивающих и калечащих невинных и беззащитных, среди

ужасной бури воплей и яростных воплей и жалобных воплей тех, кого они тащили по грязи или бросали головой в кровавую Сену!” *Пятьсот* дворян и *десять тысяч* простых людей, как полагают, были принесены в жертву в этой ужасной резне за три дня только в стенах Парижа. Но кровавая работа распространилась на все места, где были известны эти евангелические раскольники; и подсчитано, что в то время во Франции было уничтожено не менее *ста тысяч* протестантов!

На третий день резни священники повели короля в королевском облачении в собор Нотр-Дам, где была отслужена торжественная месса; а затем были произнесены торжественные благодарственные вознесения Богу за победу, которую он таким образом даровал над врагами церкви! Было известно, что эта печальная трагедия была подстроена римскими инквизиторами. Сообщение об этом было воспринято духовенством Рима и Испании с выражением безграничного ликования. Гонец, доставивший эту весть в Рим, был вознагражден тысячей крон; и когда письма папского легата, проживавшего при французском дворе, были зачитаны в собрании кардиналов, было постановлено, что папа должен пройти со своими кардиналами к церкви Святого Марка, чтобы вознести торжественную благодарность Богу за столь знаменательное благословение, дарованное римскому престолу! Медали в память об этом ужасном деянии были отчеканены в Париже и Риме по приказу правительств; а медали папы Григория XIII, хотя и провозглашающие вечное бесчестие папства и инквизиции, все еще можно получить на монетном дворе Рима!

Карл IX проявлял дикую жестокость по отношению к протестантам. Даже король Наваррский и принц Конде были преданы такому же истреблению; но их жизни были спасены за то, что они заявили о примирении с римской церковью; король Франции со страшной клятвой предложил им: “месса, смерть или пожизненная Бастилия!” Однако этот королевский фанатик пал жертвой чувства вины и раскаяния, ибо он умер 30 мая 1574 года на двадцать пятом году жизни, претерпев ужасные физические и душевные страдания, отравленный, как многие полагали, рукой собственной матери!

Что касается жертвоприношений протестантов во Франции, то из достоверных источников известно, что в течение *сорока* лет, в середине этого столетия, не менее *миллиона* стали жертвами безжалостного фанатизма римских инквизиторов!

Протестантизм все еще сохранялся во Франции, и многие снова взяли за оружие для собственной защиты до 1598 года, когда Генрих IV Наваррский унаследовал трон. Он издал знаменитый “Нантский эдикт”, который назывался “Необратимый!” и по которому протестантам предоставлялась свобода совести, свободное отправление своей религии и доступ ко всем местам общественного пользования, пользующимся доверием и достоинством. Но паписты продолжали всевозможными интригами досаждал им. Одно позорное посягательство на их права следовало за другим, путем принятия бесчеловечных законов, вплоть до правления Людовика XIV, которого в 1685 году папские епископы и иезуиты убедили, вопреки самым торжественным обязательствам, которые только могут быть установлены человеческими или божественными законами, отменить “Неотменяемый Нантский эдикт”.

Таким образом, одним грандиозным усилием было задумано искоренить саму память о протестантском исповедании во Франции. Требовалось примирение с Римом или изгнание из королевства. Проповедникам и профессорам было отпущено пятнадцать дней, и многие из них бежали. Около восьмисот тысяч человек, главным образом ремесленники, бежали от драгун,

которым было поручено уничтожать тех, кто не соглашался. Многие из изгнанников, будучи ткачами, были хорошо приняты в Англии, где они внесли большой вклад в богатство и процветание нации своими шерстяными фабриками в Йоркшире и на западе, а также своими шелковыми мастерскими в Спиталфилдсе, Лондон.

С теми, кто не мог сбежать, обращались со всеми видами жестокости. “Кавалеристы, солдаты и драгуны, - пишет французский протестантский автор в 1686 году, - входили в дома протестантов, где портили их домашний скарб, разбивали их зеркала, и другую утварь и украшения. Те вещи, которые они не могли уничтожить таким образом, такие как мебель для кроватей, постельное белье, одежда для ношения, посуда и т. Д., Они относили на рыночную площадь и продавали их иезуитам и другим римским католикам. Они превратили столовые джентльменов в конюшни для своих лошадей и обращались с владельцами домов, где те квартировали, с величайшим унижением и жестокостью, гоня их от одного к другому днем и ночью, без перерыва, не давая им ни есть, ни пить. В нескольких местах солдаты прикладывали раскаленные утюги к рукам и ногам мужчин и к груди женщин. В Нанте они подвесили нескольких женщин и служанок за ноги, а других - за подмышки и таким образом выставили их на всеобщее обозрение совершенно голыми. Они привязывали к столбам матерей, которые давали грудь, и оставляли своих сосущих младенцев лежать, изнывая, у них на виду в течение нескольких дней и ночей, плача, оплакивая и задыхаясь от жажды жизни. Некоторых они связывали перед большим костром и, когда они наполовину поджаривались, отпускали их — наказание хуже смерти. Под тысячи отвратительных криков и богохульств они подвешивали мужчин и женщин за волосы, а некоторых и за ноги, на крюках в дымоходах и коптили их пучками мокрого сена, пока они не задыхались. Некоторым они связывали веревками под мышками и снова и снова погружали в колодцы; других они связывали, как преступников, подвергали пыткам и с помощью воронки наполняли вином, пока его пары не лишали их рассудка, когда они заставляли их сказать, что они согласны быть католиками. Они раздели их догола и, подвергнув тысяче унижений, утыкали булавками и иголками с головы до ног. Они резали их ножами, а иногда раскаленными докрасна щипцами хватали за нос и другие части тела и таскали по комнатам, пока они не обещали стать католиками. Они избили их палками и, избитых до синяков и со сломанными костями, потащили в церковь, где их вынужденное присутствие было воспринято как отречение. В некоторых местах они привязывали отцов и мужей к столбикам кроватей и на их глазах безнаказанно насиловали их жен и дочерей. Этими сценами запустения и ужаса папское духовенство услаждало свои взоры и превращало их лишь в предмет смеха и забавы. Хотя мое сердце болит, я прошу читателя набраться терпения и представить ему два других примера, которые, если у него такое же сердце, как у меня, он не сможет прочесть, не оросив эти листы слезами. *Первая* история молодой женщины, которая предстала перед советом за отказ отречься от своей религии и была отправлена в тюрьму. Там они обрили ей голову, опалили волосы с других частей ее тела; и, раздев ее совершенно донага, повели по улицам города, где ей нанесли множество ударов и в нее швыряли камнями; затем они ненадолго погрузили ее по шею в бадью с водой; они вывели ее и надели на нее рубашку, смоченную в вине, которую, когда она высохла и прилипла к ее больному и покрытому синяками телу, они снова сорвали, а затем приготовили другую, смоченную в вине, чтобы надеть на нее. Это они повторили шесть раз, отчего ее тело стало необычайно сырым и воспаленным. Когда все эти жестокости не смогли поколебать ее стойкости, они привязали ее за ноги к чему-то вроде виселицы и оставили висеть в такой позе, головой вниз, пока она не испустила дух!

“ На другом изображен человек, в доме которого были расквартированы несколько этих драгун-миссионеров. Однажды, обильно выпив его вина и разбив свои бокалы за здоровье каждого, они усыпали пол осколками и, часто переступая по ним, превратили их в очень мелкие кусочки. Покончив с этим, в порыве нахального веселья они решили потанцевать и сказали своему хозяину-протестанту, что он должен быть одним из их компании; но так как он не желает принадлежать к их религии, то должен танцевать совершенно босиком; и таким босым они водили его по комнате, наступая на осколки разбитых бокалов. Когда он больше не мог стоять, они положили его на кровать и за короткое время раздели совершенно догола и катали из одного конца комнаты в другой, пока каждая часть его тела не была усеяна осколками стекла. После этого они оттащили его в постель и, послав за хирургом, заставили его вырезать осколки стекла своими инструментами, тем самым подвергнув его самым изощренным и ужасным мукам, которые только можно себе представить!

“ Таковы, товарищи протестанты, были методы, используемые апостольскими драгунами "Самого христианского короля", чтобы обратить своих подданных-еретиков в римско-католическую веру! Это и многое другое подобного рода было мучениями, которым подвергался Людовик XIV. передал их, чтобы привести в свою собственную церковь; и поскольку папство неизменно одно и то же, вот пытки, уготованные вам, если когда-нибудь этой религии будет позволено утвердиться среди вас; соображение этого заставило Лютера сказать об этом то, в чем каждый человек, который что-либо знает о христианстве, должен согласиться с ним: ‘Если у вас нет другой причины выходить из римской церкви, одного этого было бы достаточно, чтобы вы видели и слышали, как вопреки закону Божьему ОНИ ПРОЛИВАЮТ НЕВИННУЮ КРОВЬ. Это единственное обстоятельство, с Божьей помощью, когда-либо разлучит меня с папством. И если бы я теперь был подвержен этому и не мог бы обвинить ни в одном из их учений, то все же за это жестокое преступление я бежал бы от ее общения, как от логова воров и убийц!’”

ГЛАВА IX.

ИНКВИЗИЦИЯ В Англии.

Духовные суды—Генрих VIII.—Его рвение к папству—Мученическая смерть Анны Эскью—Королева Мария выходит замуж за Филиппа Испанского—Инквизиция и мученики—Верховная комиссия—Мученики при Елизавете—Архип. Жестокость Уитгифта—Удалл—Архиепископ Лауд—Страдания доктора Лейтона—Отмена духовных судов при Вильгельме III.

Англия также подверглась ужасной Римской инквизиции. Ибо, хотя “Святая канцелярия” никогда не учреждалась здесь по точно такому же плану, как она была учреждена в деспотических странах Испании, Португалии и Рима, и не была полностью учреждена до мрачного правления королевы Марии, жертвы папского фанатизма были многочисленны, поскольку приносились в жертву на его жестоких алтарях. Папские указы и статуты были привезены в Англию и приведены в действие прелатами, действующими под властью пап. Во многих епархиях были организованы духовные суды, где святых Божьих людей разыскивали и наказывали как еретиков епископы и архиепископы, как инквизиторов ереси. Об их антихристианском духе можно судить по жестоким действиям духовенства против тридцати немцев в Оксфорде при Генрихе II и против уклиффитов, о чем говорилось в главе V.

Требуются тома, чтобы описать страдания "Лоллардов" и "евангелистов" в Англии, как их называли, которые читали Священное Писание или книги Уиклифа. Многие из них стали верными мучениками Христа; и хотя применялась такая суровость, дело Божье продолжалось и набирало силу, особенно после того, как Лютер стал великим реформатором в 1517 году. Перевод Нового Завета Уильямом Тиндалом в 1526 году и его труды по завершению всей Библии при содействии Джона Фрита, Уильяма Роя, Джона Роджерса и Майлза Ковердейла сильно разозлили прелатов, и все они, за исключением Ковердейла, пали жертвами папской вражды как мученики за Христа.

Папство нашло достойного сторонника в Генрихе VIII, который "на различных этапах своего правления превосходил своих предшественников почти во всех проявлениях высокомерия и варварства, став генеральным инквизитором и великим судьей еретиков. Когда они были приговорены к смерти, он снизошел до должности судьи над ними". Он даже опубликовал книгу против Лютера "В защиту семи таинств католической церкви"; за что был награжден папой титулом "Защитник веры" в 1521 году н.э.

Генри суeta быть произнесено в пользу папы, он поступил более рьяно в конструкции инквизиции, и издал королевский указ, в котором повелевает, чтобы все лица, *опороченные или подозреваемых в проповеди или письма*, противоречащие католической церкви, епископы, был арестован и брошен в тюрьму. Затем он добавляет: "Если какое-либо лицо по закону святой церкви будет осуждено епископом или его комиссаром, то указанный *епископ может содержать в тюрьме указанное лицо, осужденное таким образом, до тех пор, пока это будет сочтено наилучшим по его усмотрению*; и может установить штраф, который будет выплачен королю осужденным лицом, *как это будет сочтено удобным для указанного епископа*, указанный штраф будет взиматься для использования королем. И если какое-либо лицо в пределах королевства Англии будет осуждено за вышеупомянутые ошибки и ереси, оно будет передано светской юрисдикции и понесет казнь в соответствии с законами этого королевства".

Санкционированные таким образом королем, епископы, которые, по-видимому, были авторами этого воззвания, с помощью подлых инквизиторов приступили к поиску жертв, которых они заключили в тюрьму и жестоко оштрафовали. Их скандальные поборы обогащали их, поскольку их инквизиторская власть ставила их выше любого закона или скрывала от ответственности. Поэтому светские лорды и палата общин парламента обратились к королю с петицией о помощи, заявив, что прелаты "*получили в свои руки более трети всех владений его величества!*" Они добавляют в своем обращении к королю против этих ужасных инквизиторов:

"И что делают все эти жадные, праздные, святые воры с этими ежегодными поборами, которые они взимают с людей? Воистину, ничего, но освобождают себя от послушания вашей милости. Ничего, кроме как перевести все правила, силу, господство, авторитетность, послушание и достоинство с вашей милости на них самих. Ничего, кроме того, чтобы все ваши подданные проявили неповиновение и восстали против вашей светлости и были подчинены им, как это было с вашим благородным предшественником, королем Джоном; который, поскольку он хотел наказать некоторых предателей, которые вступили в сговор с французским королем, чтобы лишить его короны и сана, наложил запрет на его земли. Если уж на то пошло, ваше благороднейшее королевство неправомерно, увы! стал данником не какому-то светскому

князю, а жестокому, дьявольскому кровопийце, с тех пор опьяненному кровью святых и мучеников Христовых!

“Какое есть средство? Вы примете законы против них? Сомнительно, сможете ли вы. Разве в вашем собственном парламенте они не сильнее вас самих? Сколько епископов, аббатов и настоятелей являются лордами вашего парламента! Разве все ученые люди в вашем королевстве не заодно с ними, чтобы выступать в вашем парламенте от их имени против вашей короны, достоинства и королевства; исключение составляют лишь немногие из вашего собственного ученого совета? Какой закон может быть принят против них, который будет доступен? Кто он такой, хотя и глубоко опечаленный, что за убийство, изнасилование, грабеж, долги или любое другое преступление осмеливается предъявлять им обвинение в судебном порядке? Если кто-нибудь это сделает, его мало-помалу обвинят в ереси; да, они будут обращаться с ним так, что, если он не принесет хвороста для их удовольствия, он должен быть отлучен от церкви, и тогда все его действия будут отменены.

Генриха встревожило это смелое разоблачение нечестивых деяний прелатов, и он назначил слушание со всеми судьями и своим светским советом, результатом которого стал законопроект, который вскоре превратился в закон, изменяющий статут Генриха IV. против еретиков. Хотя это не снимало с них ответственности за сожжение, это лишало прелатов возможности быть единственными судьями в деле о ереси.

Тем не менее епископы, как инквизиторы, продолжали свое разбирательство, поскольку им удалось заручиться санкцией короля. Но мы не можем здесь проследить их действия по уничтожению верных последователей Христа; однако мы должны отметить, что они разрабатывали план уничтожения архиепископа Кранмера и Екатерины Парр, королевы Генриха VIII, которая поддерживала реформацию. Сначала они выступили против Анны Эскью, знаменитой придворной дамы, в надежде побудить ее с помощью пыток на дыбе обвинить королеву в ереси. Она была заключена в тюрьму и допрошена Боннером, епископом Лондонским, и Гардинером, епископом Винчестерским; и поскольку она отрицала пресуществление, они приговорили ее к сожжению как еретичку.

Доктор Саути следующим образом описывает ее мученическую смерть, ссылаясь на ее допрос на дыбе инквизиторами: “Сердце Генри от природы было черствым, а возраст и обстоятельства, в которые он попал, закалили его против всякого сострадания. Некоторое неудовольствие, действительно, он проявил вскоре после этого, когда лейтенант Тауэра, сэр Энтони Кневет, пришел просить прощения за то, что ослушался канцлера, отказавшись позволить тюремщику растянуть леди на дыбе во второй раз, после того, как она перенесла это один раз, не обвинив никого в разделении ее мнения. Это касалось придворных дам, и ее подвергли пыткам в надежде уличить королеву; и когда Кневет больше ничего не хотела делать, канцлер Райотесли и Рич, который был креатурой Боннера, истязали ее собственными руками, сбрасывая с себя платья, чтобы лучше выполнять свою дьявольскую работу. Она перенесла это, не издав ни крика, ни стога, хотя сразу же после того, как ее освободили, потеряла сознание. Генрих охотно простил наместника и, казалось, был недоволен своим канцлером; но он позволил своим нечестивым министрам довести до конца их преступление. Перед церковью Святого Варфоломея был воздвигнут эшафот, где Райотесли, герцог Норфолкский, и другие члены королевского совета сидели вместе с лорд-мэром, чтобы наблюдать за казнью. Трое других должны были пострадать за то же мнимое преступление; один был портным, другой -

священником, а третий - ноттингемширским джентльменом из семьи Ласселлов и королевского двора. Казнь отложили до наступления темноты, чтобы она казалась еще более ужасной. Энн Эскью привезли на стуле, потому что они истязали ее до тех пор, пока она не смогла стоять, и она была прикована к столбу цепью, которая ее приковывала; но ее постоянство и жизнерадостные слова ободрения привели ее товарищей по мученической смерти к такой же непобедимой стойкости духа и торжествующей надежде. После проповеди ей было предложено королевское прощение, если она отречется: отказываясь даже смотреть на это, она ответила, что пришла сюда не для того, чтобы отречься от своего Господа! Остальные, точно так же, отказались покупать свои жизни такой ценой. Затем тростник подожгли — это было в июне месяце, — и в этот момент упало несколько капель дождя и раздался раскат грома, который те в толпе, кто сочувствовал мученикам, восприняли как голос самого Бога, принимающего их жертву и обрекающего их души на вечный покой”. Июнь 1546г.

Генрих VIII. умер 28 января 1547 года, и ему наследовал его сын Эдуард VI., который трудился над продвижением реформации. Те, кто сформировал регентство, его защитники, были протестантами, и законы о преследовании вскоре были отменены вместе с другими мерами по продвижению религии Священного Писания. Но этот благочестивый молодой король умер 6 июля 1553 года, и его сменила на троне его сестра Мария. Она была последовательной паписткой, полностью руководимой римскими прелатами. Они возродили все полномочия инквизиции и вскоре заключили в тюрьму Кранмера, архиепископа Кентерберийского, и других лидеров реформации, обвинив их в ереси.

Королева Мария приняла предложение выйти замуж за Филиппа, сына императора Карла V. Хотя он был на десять лет моложе ее и был вдовцом. Будучи фанатичным папистом, “все, кто поддерживал дело реформации в Англии”, как утверждает епископ Боннер, “ожидали не только смены религии, но и установления испанского правительства и инквизиции. Те, кто ценил *гражданскую* свободу своей страны, не заботясь о религии, пришли к выводу, что Англия станет провинцией Испании; и они видели, как испанцы правили в Нидерландах, в Милане, Неаполе и на Сицилии; но, прежде всего, они слышали об их беспрецедентной бесчеловечности в Вест-Индии”.

Филипп был человеком больших талантов; но, как сказано о нем, “его религия была самой порочной; она лишь усилила естественную порочность его характера и побудила его совершать самые отвратительные и возмутительные преступления. За все царствование Филиппа не было ни единого случая торжества чести и человечности над диктатом суеверий; он нарушал самые священные обязательства так часто, как только религия позволяла ему это делать, и в течение многих лет проявлял самую безжалостную жестокость, не испытывая ни нежелания, ни угрызений совести. Мало найдется принцев, которых так боялись, которых так ненавидели, которые пролили больше крови, чем Филипп II Испанский”.

Мария 23 октября перед алтарем в своей частной часовне торжественно поклялась в верности Филиппу; и епископа Гардинера отправили заключить брачный контракт с императором Карлом V. Тот занял *миллион двести тысяч* крон — огромную сумму по тем временам, — чтобы позволить этому прелату заручиться благосклонностью парламента.

Филипп высадился в Саутгемптоне 20 июля 1554 года, а 25-го Гардинер обвенчал его с Марией в своем соборе в Винчестере. 29 ноября в зале дворца Уайтхолл с большой помпой было торжественно объявлено о формальном примирении с Римом. Королева и король восседали в

царственной позе, рядом с папским легатом кардиналом Поулом, принцем крови. Когда было представлено большое число представителей обеих палат нового парламента, они на коленях обратились со смиренной мольбой от имени всей нации, умоляя их величества ходатайствовать перед господом кардиналом о принятии их в пределы священной черты церкви и об отпущении им грехов, связанных с ересью и расколом, при условии отмены всех законов, направленных против католической религии, принятых во времена их заблуждения. Мария и Филипп обратились с ходатайством, легат после длинной речи, в которой говорилось об отеческой заботе его святейшества о благополучии Англии, от имени папы римского даровал полное отпущение грехов, которое члены парламента получили, преклонив колени; после чего король, королева и легат вместе со всеми сенаторами нации пропели *Te Deum* в часовне дворца, выражая свою радость! Папа торжественно ратифицировал акт своего легата, и новость обо всей сделке быстро распространилась по всей Европе!

В порядке подготовки к этому отпущению грехов был принят закон о *возрождении* статуты Ричарда II, Генриха II и Генриха V. против еретиков. Они должны были вступить в силу 20 января 1555 года, так что год начался с зловещего мрака. Кардинал Поул 23 января принял всех епископов в Ламбетском дворце, чтобы дать им свое благословение и указания, как управлять церковью; а 25-го по Лондону прошла торжественная процессия, состоящая из *восьми* епископов и *ста шестидесяти* священников, все в своих одеяниях; епископ Боннер нес воинство, благодаря Бога за их примирение. После этой торжественности первой мерой восстановленной церкви было то, чтобы прелаты как инквизиторы выступили против реформаторов, многие из которых были заключены в тюрьму под руководством епископа Боннера и епископа Гардинера, который был лордом-канцлером.

Епископ Бернет замечает по поводу этой жестокой политики прелатов: “Папа Павел был прав в одном - настаивать на повсеместном создании судов инквизиции как единственно верного метода искоренения ереси. И весьма вероятно, что король или его испанские министры заставили английский двор осознать, что пытки и инквизиция были единственными надежными способами искоренить ересь”.

Джон Роджерс, пребендарий собора Святого Павла в Лондоне и известный проповедник, помогавший Тиндалу в переводе Библии, стал первой жертвой. Он был сожжен дотла в Смитфилде 4 февраля 1555 года, торжествуя во Христе.

Лоуренс Сондерс был сожжен заживо 8 февраля в Ковентри, где он был священником и пользовался большим уважением.

Доктора Хупера, епископа Глостерского, понесли на казнь на костре в этом городе 9 февраля.

Доктор Тейлор был отправлен страдать подобным образом в свой собственный приход в Хэдли, графство Саффолк, 9 февраля.

Доктора Фаррара, епископа Сент-Дэвидса, понесли, чтобы запечатлеть истину Евангелия своей кровью, и он восторжествовал мученической смертью 30 марта в Кармартене.

Какими бы ужасными ни были эти чудовищные действия, они не удовлетворили ни кровожадную королеву, ни ее фанатичного канцлера епископа Гардинера. Они решили искоренить ересь и поэтому наняли местных инквизиторов. Епископ Бернет утверждает, таким образом, “в марте 1555 года мировым судьям были даны инструкции иметь в каждом приходе

одного или нескольких честных людей, которым под присягой было тайно поручено сообщать информацию о поведении местных жителей. Был сделан большой шаг к инквизиции; это установленный метод этого суда - иметь повсюду присягнувших шпионов и осведомителей, по чьим тайным объявлениям задерживаются люди; и первый шаг в их допросе - узнать о них, по какой причине они предстают перед ними; по этому поводу их пытаются до тех пор, пока они не расскажут столько, сколько инквизиторы желают знать, либо против себя, либо против других. Но им не позволено знать ни о том, что сообщается против них, ни о том, кто являются информаторами. Произвольные пытки, а теперь и тайные осведомители, кажутся двумя великими шагами, сделанными для подготовки нации к инквизиции ”.

Джон Брэдфорд, пребендарий собора Святого Павла в Лондоне, могущественный и популярный проповедник, был сожжен в Смитфилде 15 июля; епископы Латимер и Ридли были преданы огню в Оксфорде 16 октября; а архиепископ Кранмер был казнен на костре там же 24 марта 1556 года.

Подробности страданий и триумфов этих и других мучеников за Христа во время короткого правления Марии здесь не могут быть подробно описаны. *Четыре, пять, шесть, семь*, а в одном случае и *тринадцать* человек были замечены убитыми в одном пожаре! Не щадили ни пола, ни возраста, ни хромых, ни слепых, если они отказывались подчиняться предписаниям римских прелатов. Столь шокирующие варварства приводили в ужас всю нацию. Петиции королеве против них передавались от протестантских изгнанников за границей; так что даже королю Филиппу было так стыдно, что он заставил известного испанского священника проповедовать против жестокостей, хотя то же самое совершалось с его прямого разрешения в его собственных владениях в Нидерландах и Испании.

У Марии не было детей, и Филипп проводил большую часть своего времени в Нидерландах, явно отдалившись от своей королевы. Она впала в уныние из-за его недоброжелательности и огорчилась потерей Кале, так что ее здоровье пошатнулось; в то время как она была жертвой суеверия и раскаяния в своей ужасной жестокости, и она закончила свою несчастную жизнь 7 ноября 1558 года.

Из мучеников за Христа в царствование Марии, жертв инквизиции, числились *один* архиепископ, *четыре* епископа, *двадцать один* священнослужитель, *восемь* джентльменов, *восемьдесятчетыре* торговца, *сто* земледельцев, чернорабочих и слуг, *пятьдесят пять* женщин и *четверо* детей! Купер оценивает число пострадавших за Евангелие с февраля 1555 года по сентябрь 1558 года примерно в 290 человек! По словам епископа Бернета, их было 284. Наиболее точный отчет, вероятно, принадлежит лорду Берли, который в своем трактате под названием “Осуществление правосудия в Англии” подсчитывает, что число тех, кто умер в царствование Марии от тюремного заключения, пыток, голода и пожаров, составило почти 400 человек; из них сожженных заживо было 290!

Королева Елизавета унаследовала трон после смерти своей сестры Марии. Она была протестанткой по профессии и восстановила реформацию в Англии; но ее прелаты были гонителями, и им было позволено сохранить дух и власть инквизиции, но под другим названием “Суд высшей комиссии”.

Этот Верховный суд был создан именем королевы с явной целью выявления и наказания неконформистов. Этими уполномоченными были в основном епископы, и они взяли на себя

право приводить *кприсяге ex officio*, по которой заключенный был обязан отвечать на все заданные ему вопросы и даже обвинять себя или своего самого близкого друга. Многие отказались принести присягу, предпочтя скорее подвергнуться тюремному заключению, которое было определено не в соответствии с каким-либо законом, а по воле уполномоченных. Подробное описание страданий, которым подвергались добросовестные священнослужители в Суде Высшей комиссии, потребовало бы томов; их *принципы* многие из их *практик* в точности принадлежат *отвратительной* Римской инквизиции.

Архиепископ Паркер продолжал жестоко преследовать неконформистов, а другие прелаты использовали самые бесчестные методы, чтобы выследить и заключить их в тюрьму, нанимая беспринципных личностей в качестве инквизиторов и доносчиков и составляя новые статьи, противоречащие законам Англии, для более убедительного осуждения тех, кто предстал перед церковными судами.

Преследования и жестокость, характерные только для папской инквизиции, продолжались даже в Лондоне. 1575 год отличается сделкой, которая навлекает неизгладимый позор на прелатов и королеву. В день Пасхи недалеко от Олдгейта была обнаружена община голландских баптистов, в их дом вошли офицеры епископа, и *двадцать семь* верующих были схвачены и отправлены в тюрьму. *Четверо* отреклись; и, согласно папскому обычаю, *от них требовалось нести хворост во время проповеди у Креста Павла в знак того, что они заслуживают пламени!* Десять мужчин и одна женщина были приговорены церковной консисторией к сожжению на костре: но женщину заставили отречься; в то время как восемь из тех, кого не удалось убедить в ошибке, были изгнаны, а двое были преданы огню как еретики.

По этому случаю голландские резиденты в Лондоне, которым было разрешено проводить свои собрания для религиозного богослужения, заступились перед королевой за своих ошибочно принятых соотечественников; но она положительно отказала им в их просьбе. Джон Фокс, пользующийся благосклонностью ее величества благодаря своим “Деяниям и памятникам Церкви”, обратился к ней с прошением от их имени в изящном латинском письме; но хотя его аргументов кажется достаточно, чтобы убедить самое извращенное суждение, и его призывы к ее состраданию как женщины, рассчитанные растопить самое черствое сердце, они ничего не дали королеве-девственнице! Священнослужитель нашего времени спрашивает: “Что мы должны думать о тех евангелических прелатах, которые заседали в Верховном суде и за столом совета, в чьи обязанности входило консультировать королеву? Увы! что нельзя было найти никого, кто в такой чрезвычайной ситуации дал бы ей правильную информацию о воле Христа и заверил ее: ‘Он, Сын Человеческий, пришел не для того, чтобы губить человеческие жизни, но чтобы спасти их!’ Воцарилась гробовая тишина, и закон пошел своим чередом”.

Нетерпимость королевы Елизаветы в духе генерального инквизитора распространялась даже на доктора Гриндала, архиепископа Кентерберийского. Пробыв в этом высоком сане два года, он был временно отстранен королевой за отказ подавить “пророчества”, которые представляли собой собрания евангелического духовенства для распространения знаний о Священных Писаниях посредством проповеди. Он обращается к королеве: “Увы! мадам, есть ли в Писании что-либо более ясное, чем то, что Евангелие Христа должно быть обильно проповедано? Если Святой Дух предписывает, в частности, чтобы проповедники были размещены в каждом городе, то как может быть так, что трех или четырех проповедников может быть достаточно для

графства? [Таково было заявленное мнение королевы.] Публичная и постоянная проповедь Слова Божьего является обычным средством спасения человечества.

“Что касается научных упражнений и конференций среди служителей церкви — время, назначенное для этого упражнения, составляет один раз в месяц; продолжительность этого упражнения составляет два часа - некоторый текст Священного Писания, перед тем как быть произнесенным, толкуется в следующем порядке — далее следует молитва и псалом. Я вынужден со всем смирением и в то же время прямо заявить, что я не могу с чистой совестью и без оскорбления величия Божьего дать свое согласие на запрещение указанных упражнений; тем более я не могу разослать какие-либо инструкции по полному и повсеместному ниспровержению их. Если вашему величеству будет угодно по этой или какой-либо другой причине удалить меня отсюда, я со всем смирением уступлю этому. Помните, что в деле Божьем должна иметь место воля Бога, а не воля какого—либо земного создания; это антихристианский голос папы римского: *”Так я хочу — так я приказываю - моя воля достаточна для обоснования!”*

Способ аргументации Гриндала был в точности таким же, как у протестантов против папистов и у апостолов против правителей евреев. Но это обращение к Священному Писанию ничего не дало королевскому инквизитору; прелат продолжал находиться в немилости у своего государя, хотя ему было разрешено до самой смерти, в 1583 году, сохранять свое достоинство архиепископа Кентерберийского.

Доктор Уитгифт сменил архиепископа Кентерберийского Бери, и он был суровым инквизитором и преследователем. Он опубликовал *три* статьи, которые должны были подписать все священнослужители, заявляя от всего сердца о своем одобрении всей Общей Молитвы; кроме того, он составил *двадцать четыре* статьи, которые должны были использоваться при допросе тех, кто предстал перед епископами. Из-за этих ограничений было лишено большого числа благочестивых священнослужителей, среди которых были *шестьдесят четыре* в Норфолке, *шестьдесят* в Саффолке и *тридцать восемь* в Эссексе; не считая тех, кто жил в других графствах.

Эти инквизиционные разбирательства побудили лорда Берли, графов Лестера, Шрусбери и Уорика, лорда Чарльза Говарда, сэра Джеймса Крофтса, сэра Кристофера Хаттона и сэра Фрэнсиса Уолсингема, государственного секретаря, подписать 20 сентября 1584 года письмо архиепископу и епископу Лондона с жалобой на столь нетерпимую инквизицию. Но Уитгифт проигнорировал их призыв, поддержанный в своем пагубном курсе королевой.

Среди многочисленных случаев притеснения со стороны прелатов примером может служить случай с Джайлзом Виггинтоном, викарием Седбурга, Йоркшир. После того как он перенес много лишений в тюрьме из-за своего нонконформизма, его здоровье было подорвано, он был лишен средств к существованию. Но, получив свободу, его улучшившееся здоровье позволило ему навестить свою любимую паству, которой он проповедовал от дома к дому Евангелие Христа. За это он снова был заключен в тюрьму в замке Ланкастер, откуда написал своему покровителю, сэру Уолтеру Милдмэю, одному из членов тайного совета, с просьбой добиться его освобождения. Он говорит: “Я был арестован в Берроубридже *преследователем*, и доставлен в это место, на расстояние *пятидесяти* миль, этой холодной зимой. Я здесь, за железными воротами, в холодной комнате, среди преступников и осужденных заключенных, и

со мной, во многих отношениях, обращаются хуже, чем с ними или с папистами-самоотводчиками”.

В парламенте было предпринято несколько попыток положить конец этим притеснениям, которые все еще были незаконными; но епископы одержали верх, особенно в Палате лордов.

Джона Юделла в 1591 году судили за публикацию книги — “Демонстрация дисциплины, которую Христос предписал в Своем Слове” — и осудили. Судья предложил ему жизнь, если он откажется от своих показаний, добавив, что теперь он готов вынести смертный приговор. “И я готов принять это”, - воскликнул великодушный исповедник. “Ибо я протестую перед Богом, не зная, проживу ли я еще час, что дело правое, и я доволен вынесенным приговором, чтобы я мог оставить потомкам то, как я пострадал за Его дело”.

Удалл был осужден, поскольку он не захотел подписывать отречение от своей доктрины; и никто из докторов не мог заставить его на конференции отказаться от обращения в ее доказательстве к Священному Писанию. Слава его была велика, так что несколько лордов совета и даже Яков VI, впоследствии король Англии, ходатайствовали за его жизнь. Архиепископ Уитгифт испугался, что его публично казнят, и торговцы индюшатиной предложили нанять его в качестве одного из своих капелланов, и в конце концов Уитгифт согласился помиловать его при выезде из страны; но пока с архиепископом договаривались о жестких условиях, Удалл умер в тюрьме из-за длительного заключения и жестокого обращения. Доктор Фуллер замечает о нем, что “его самые мудрые враги были вполне довольны его смертью, чтобы ее не обвинили как акт жестокости по отношению к тем, кто добился этого”. Он называет его “достойным человеком, образованным человеком, безупречным в своей жизни, сильным в своих молитвах и не менее полезным, чем болезненным в своей проповеди”.

Пятьдесят девять человек в разных тюрьмах Лондона в 1592 году подали прошение о привлечении к суду лорда-казначея Берли, жалуюсь на то, что “многие умерли в тюрьмах, что они были заключены вопреки всякому закону и справедливости, многие из них на срок *два с половиной года* по единственному приказу епископа”. Среди них был Генри Барроу, адвокат из Грейз Инн, который был задержан во время посещения своего родственника Гринвуда, священнослужителя, не соблюдавшего закон, который долгое время находился в тюрьме. Их судили по обвинению в “написании и публикации различных книг, клеветующих на королеву и правительство”. Мистер Нил замечает: “Они писали только против церкви; но это была хитрая уловка архиепископа, чтобы переложить вину за их смерть с себя на гражданский магистрат”. Будучи осужденными, предпринимались попытки, но тщетно, побудить их к отречению. 31 марта они были выставлены на всеобщее обозрение под знаменитой виселицей в Тайберне; но это не произвело никакого эффекта на их благочестивые умы, и они были казнены 6 апреля 1592 года. Джон Пенри, священник, и несколько других были повешены за распространение сочинений нонконформистов.

Доктор Рейнольдс, королевский профессор богословия в Оксфорде, посетил некоторых из этих мучеников за Священное Писание; и он доложил ее Величеству о спокойном благочестии, которое они проявляли, и о том, как они благословляли и молились за нее, как за свою правительницу, и за своих врагов; и сердце Елизаветы растаяло; но главный инквизитор Уитгифт подтолкнул ее вперед, и она согласилась наказать его за фанатизм более суровым законом против нонконформистов. К этому была добавлена форма отречения; которая, если преступники отказывались подписаться, была дополнительно введена в действие, “что в течение трех

месяцев они должны *отречься от королевства и отправиться в вечное изгнание*; и если они не отбудут в назначенный срок или если они когда-либо вернутся без разрешения королевы, *они должны понести смерть без участия духовенства!!*”

Суровость по отношению к неконформистам возрастала по мере того, как королева и архиепископ становились старше. Доктор Эйлмер, епископ-гонитель Лондона, умер в июне 1594 г. Ему наследовал доктор Флетчер, который был изгнан королевой. В 1596 году доктор Бэнкрофт, надменный, бесчувственный преследователь, был назначен епископом Лондона. Элизабет умерла 24 марта 1602 года, а архиепископ Уитгифт - в 1604 году, когда они были призваны отчитаться перед Богом за свой ужасный поступок.

Королева Елизавета была великим монархом, и она пользовалась благосклонностью государственных деятелей экстраординарных способностей; но, как отмечает доктор Уорнер, “суровость, с которой она обращалась со своими протестантскими подданными в своем Верховном суде, была против закона, против свободы и прав человеческой природы. Она ничего не понимала в правах совести в вопросах религии; и, подобно абсурдному королю, своему отцу, у нее не было никакого мнения в религии, по крайней мере признанного, кроме своего собственного. Она отличалась от своей сестры; и поскольку у нее были гораздо большие способности к управлению, поэтому она больше прилагала усилий для укрепления силы и славы своего владычества, чем Мария; но в ней было столько же фанатизма и тирана, сколько и в ее сестре”.

Доктор Бэнкрофт был переведен из Лондона в Кентерберри после смерти Уитгифта в 1604 году; и его строгость была санкционирована новым сувереном, Джеймсом I., который стал жестоким фанатиком. При их правительстве неконформисты жестоко страдали. Инквизиторы преследовали их возмутительную деятельность, и двое мужчин были казнены на костре по обвинению в ереси. Один из них, Варфоломей легат из Эссекса, был осужден как еретик и публично сожжен в Смитфилде 18 марта 1612 года; другим был Эдвард Уайтман из Бертона-на-Тренте; он был осужден доктором Нилом, епископом Личфилда и Ковентри, и сожжен как еретик в Личфилде 11 апреля 1612 года. О них говорили, что они ариане и баптисты, и их обвиняли во многих абсурдных мнениях; но признано, что они были образцовыми в своей морали. Они отказались отречься даже на костре; и поскольку эти жертвы прелатов вызвали всеобщее сочувствие, они были последними, кто публично понес смерть за свои религиозные убеждения в Англии. Были и другие приговоренные к тюремному заключению, но они продолжали влачить жалкое существование в Ньюгейте.

Доктор Эббот сменил Бэнкрофта в 1611 году на посту архиепископа Кентерберийского; но, будучи непригодным для политических интриг, он был отстранен от должности в 1620 году, и Лауд, епископ Лондонский, пользовался почти неограниченной властью в церковных делах. Его фанатизм позволил бы ему стать генеральным инквизитором в Риме или Испании, а его злонамеренные советы вовлекли Англию и Шотландию в самые тяжкие неприятности, пока его нетерпимость не стала главной причиной казни его самого и его введенного в заблуждение хозяина Карла I. К удивлению всей Европы.

Доктор Уильямс, епископ Линкольнский, которому Лауд был очень обязан как своему покровителю, не одобрявший его строгость со стороны Суда Высшей комиссии, вызвал его неудовольствие, когда “самые теплые заверения в дружбе сменились самой смертельной ненавистью”. Лауд стал его преследователем, и ему удалось со второй попытки добиться его

осуждения по обвинению в подтасовке показаний королевских свидетелей. Уильямс был оштрафован на 10 000 фунтов стерлингов королем, на 1000 фунтов стерлингов сэром Дж. Моунсоном и заключен в Тауэр на время королевского соизволения. Все его имущество было конфисковано, предполагалось, что в его личных бумагах содержались некоторые размышления о Лауде, и он снова преследовал его. Он был приговорен выплатить 5000 фунтов стерлингов королю и 3000 фунтов стерлингов архиепископу. “Жажда мести Лауды перевесила его страх перед упреками”, - как заметил доктор Воан.

О духе Лауды можно более полно узнать из его преследования доктора Лейтона, написавшего “Обращение к парламенту, или Призыв Сиона против прелатства”. За это он был осужден “Звездной палатой”, которая представляла собой политическую инквизицию; и архиепископ, присутствовавший в качестве одного из судей при оглашении приговора, снял с головы шапку и громким голосом вознес торжественную благодарность Богу за это решение суда. Незаконный приговор доктору Лейтону был приведен в исполнение; и было обнаружено, что архиепископ сделал запись в своем дневнике следующим образом: “6 ноября. 1. Его выпороли, прежде чем поставить к позорному столбу. 2. Когда его поставили к позорному столбу, ему отрезали одно ухо. 3. Перерезали одну сторону носа. 4. Выжженный на щеке раскаленным железом буквами S.S. В тот день, в седьмую ночь, его язвы на спине, ухе, носу и лице еще не зажили, его снова высекли у позорного столба в Чипсайде и привели в исполнение оставшуюся часть приговора, отрезав ему другое ухо, перерезав другую сторону носа и поставив клеймо на другой щеке!”

Вероятно, дневник ни одного другого человека ни в одну эпоху и ни у одной нации никогда не содержал такой записи в его личном дневнике с его одобрения. Должно быть, он был чудовищем; и ни один язык не может в достаточной мере осудить подобную жестокость, совершенную незаконно, и это во имя оскорбленного Князя Мира!

Лейтон переносил свои страдания с кротостью и мужеством апостола. “Но стойкость страдальца омрачила политику его угнетателей. Это навлекло на *них* народное проклятие, а его удостоило почестей мученичества”.

Прелатическая тирания в конце концов утомила нацию, и люди восстали, требуя удовлетворения своих обид. В 1640 году был созван “Долгий парламент”, который издал декрет об упразднении гражданской и церковной инквизиции — Суда Высшей комиссии и Звездной палаты. Доктор Лейтон, обратившийся с петицией в парламент, был отпущен на свободу: поскольку чтение его петиции, описывающей серию его страданий в течение *одиннадцати* лет, возможно, не имевших аналогов в английской истории, довело многих сенаторов до слез; и, когда его выпустили из тюрьмы, почтенный человек едва мог ходить, видеть или слышать! Парламент разрешил этому пострадавшему слуге Божьему получать пенсию до его смерти в 1644 году в возрасте семидесяти шести лет. Все, кто был заключен в тюрьму этими судами по религиозным мотивам, были освобождены. доктора Бертон, доктора Баствика и мистера Принна, адвоката, встретила огромная толпа и с триумфом проводила в Лондон.

Преследования прекратились; религиозная свобода в значительной степени восторжествовала при Долгом парламенте и во времена Содружества. Но после реставрации Карла II принципы инквизиции в течение нескольких лет позволяли прелатам преследовать неконформистов посредством “Акта о единообразии”, “Закона о конвенциях” и “Закона о пяти милях”. Благодаря этим и другим шокирующим статутам восторжествовала тирания, пока они не были отменены

“Актом о веротерпимости”, как щит против притеснения священников, во время “СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ” при Вильгельме III.

ГЛАВА X.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ ОБВИНЯЕТ ИНКВИЗИЦИЯ.

Еретики —Открытые и тайные—Раскольники—Покровители еретиков—Препятствующие инквизиции—Лица, подозреваемые в рецидиве—Читатели запрещенных книг—Священники, помогающиеся исповеди—Богохульники—Прорицатели—Ведьмы—Многоженцы—Евреи.

Римско-католики называют трибунал инквизиции *Sanctum Officium*, или *Святая канцелярия*; делая вид, что он занимается священным служением Богу, поиском и искоренением злых людей из церкви Христа. Таким образом, инквизиторы выступают против предполагаемых еретиков, богохульников, отступников, рецидивистов иудаизма, мусульман, ведьм, колдунов и всех других лиц, обвиняемых в нарушении канонов святой Римско-Католической церкви. Эти категории предполагаемых преступников требуют упоминания, поскольку иллюстрируют нетерпимый и кровавый характер римской инквизиции.

1. Еретики.—Это, как правило, лица, которые, будучи крещены или исповедовали римскую веру, придерживаются доктрин, осужденных папой; — таких как отрицание жертвоприношения во время мессы, отпущение грехов священниками, поклонение Деве Марии, транс-обоснование или чистилище. Одни считаются *явными*, а другие - *скрытыми* еретиками. Все, кто придерживается доктрин Лютера или других реформаторов, и все протестанты, отвергающие мнимые церковные традиции и принимающие Священное Писание как единственное правило веры и долга, таким образом, паписты объявляют *еретиками*. Таких наказывают по-разному, некоторых сжигают заживо.

2. Открытые и тайные еретики.— Романисты описывают их так: “*Открытый* еретик - это тот, кто публично заявляет о чем-то, противоречащем католической вере, или кто осужден за это судьями веры. *Тайный* или скрытый еретик - это тот, кто заблуждается в своих мыслях относительно веры и намеревается быть упрямым в своей воле, но не показал этого ни словом, ни делом. Хотя еретик скрывается таким образом, все же, если он заражает других, его немедленно обнаруживают его судьи”. Их также называют *утвердительными* и *отрицательными* еретиками. Последние - это те, кто, согласно закону инквизиции, справедливо осужден судьей за какую-либо ересь, но все же исповедует католическую веру. Таковы были многие из тех, кто обратился в веру из числа евреев и мавров в Испании. Упрямые еретики должны быть обречены на сожжение заживо, преданы огню с заткнутыми ртами и завязанными языками, чтобы своими речами они не побудили других принять их принципы. Некоторые из них называются *архиеретиками* как изобретатели или главные учителя доктрин, противоречащих тем, которые установлены папой Римским. Среди наиболее выдающихся из них, паписты считают Питера Уолдо, Джона Уиклифа, Лютера, Кальвина, Зингла, Кранмера, Нокса и других, лидеров протестантской реформации. Многие из них были сожжены заживо, особенно во Франции, Испании и Англии.

3. Раскольники.—Паписты описывают их как тех, кто отступает от единства церкви и верит, что спасение и истинные таинства могут быть и без католической церкви, и мало чем отличаются от

еретиков; но другие ни в чем не виноваты и заблуждаются из-за вероятного или непреодолимого невежества. Наказаниями раскольников являются лишение церковной власти, если это священники, отлучение от церкви и, наконец, смерть.

4. Приемники или Покровители еретиков.— Это такие люди, которые, зная, что они еретики, защищают их, когда их преследует церковь, предоставляют им жилье или кров или позволяют им читать или проповедовать в своих домах. Другие покровительствуют еретикам, которые не сообщают о них епископам и инквизиторам. Их наказание - отлучение от церкви и вечное изгнание с конфискацией имущества.

5. Препятствующие работе инквизиции.—Инквизиции могут препятствовать различными способами, прямо или косвенно; и те, кто не помогает инквизиторам, считаются виновными как препятствующие. Так, в булле папы Александра IV он требует от прелатов: “Поскольку, следовательно, есть определенные монахи-предсказатели, назначенные апостольским престолом, инквизиторы против еретиков, чтобы они могли продолжать дело веры с пылким умом и постоянным сердцем, несмотря на многие невзгоды и гонения, мы увещеваем и увещеваем всех вас в Господе нашем Иисусе Христе, строго повелевая вам этими апостольскими писаниями, в силу вашего послушания, и предписывая вам, чтобы вы благосклонно помогали этим инквизиторам продолжать дело веры”. Это дело; и что, отбросив страх перед людьми, вы эффективно даете им свой совет и помогаете. Но что касается тех, кого мы будем считать презрителями, то, помимо Божественного суда, который нависнет над ними, они не избежат церковного возмездия”.

6. Подозреваемые еретики. —Подозрение может быть *легким*, *неистовым* или *жестоким*, как заявляют паписты, и инквизиция обвиняет и сажает в тюрьму большое количество людей только по подозрению в том, что они придерживаются взглядов, противоречащих римской церкви. Тем, кого слегка подозревают, предписывается церемониальное очищение; от сильно подозреваемых требуется торжественно отречься от любой ереси; а тот, кого сильно подозревают, обычно подвергается осуждению.

7. Лица, обвиненные в ереси. —Распространенный отчет, особенно если он заверен перед епископом, делает человека подозреваемым и подлежащим процессу инквизиции; и наказанием является каноническое очищение с каким-либо другим наказанием.

8. Рецидивирующие лица.— Рецидивирующие лица - это те, кто после публичного отречения от ереси уличен в повторном впадении в нее. Наказание таких людей является суровым; они передаются светской власти для беспощадного сожжения.

9. Читатели запрещенных книг. Ничто не может сравниться с нетерпимостью папистов по отношению к трудам реформаторов; и книги Вальденсов, Уиклифа, Лютера и других реформаторов разыскивались с величайшим рвением. Поэтому множество людей понесли смерть за то, что читали их труды, особенно их переводы и комментарии к Священному Писанию.

10. Те, кто не священники, совершающие Вечерю Господню. — Такие люди объявляются приближающимися к идолопоклонству, потому что они учат верующих поклоняться хлебу и вину, как если бы это были тело и кровь Иисуса Христа. Точно так же говорят, что тот, кто не является священником, но все же выслушивает исповедь и дает отпущение грехов,

злоупотребляет причастием. Такие лица должны отречься от престола, как сильно подозреваемые, а затем быть переданы светской власти для смертного приговора.

11. Священники, домогающиеся на исповеди.—Известно, что священники, страдающие неводержанностью, во время таинства исповеди, как обычная практика, домогаются и провоцируют женщин на совершение бесчестных действий. Случаи такого рода очень распространены; но обвинять исповедника в подобном преступлении опасно, поскольку доказать это очень трудно, в то время как у него есть средства немедленной мести инквизиции. Но само преступление редко наказывается, даже когда многие монахини и даже настоятельницы имели детей от своих отцов-исповедников.

12. Богохульники.—Богохульники бывают разных видов — некоторые говорят: “Я отрицаю Бога; я не верю в Бога”; или: “Я отрицаю веру на кресте или миро, которое я получил в лоб; или я отрицаю девственность Богородицы”. Еретические богохульники наказываются тем, что им связывают языки и зажимают железный или деревянный клеп; и будучи выставленными на всеобщее обозрение, каждый в позорной митре, они были выпороты и изгнаны; но если преступник был высокопоставленным лицом, его наказание было легче, хотя он и был убит. требовалось отречься от ереси.

13. Прорицатели и гадалки.Предполагается, что виновные в гадании используют или имитируют таинства или sacramентальные предметы при совершении своих мистерий; следовательно, они наказываются лишением сана, поркой, отлучением от церкви или изгнанием. И те, кто практикует астрологию, наказываются таким же образом, как и преступники против церкви.

14. Ведьмы и волшебники.—Они считались сектой, которая, как предполагалось, вступала в сношения с дьяволом, особенно накануне пятницы, когда, как говорили, он появлялся в человеческом обличье. Говорят, что они отрицают свою святую веру и крещение, Господа Бога и пресвятую Деву Марию. Подсчитано, что за эти воображаемые преступления примерно за полтора столетия жестокостью инквизиции было сожжено заживо 30 000 человек, главным образом в Испании и на Сицилии.

15. Многоженцы.—Те, кто женится на двух или более женах, подозреваются в ереси и в пренебрежении таинством брака. Такие наказываются епитимьями, постами и рабством на галерах сроком на пять, семь или десять лет. К этому преступлению в Испании относятся несерьезно, хотя римские инквизиторы считают его более серьезным.

16. Евреи и еврейские прозелиты.—Божественное пророчество провозглашает, что евреи останутся отдельным народом, рассеянным среди язычников, до обращения Израиля к Мессии, пока они еще будут терпеть гонения. Римские католики, не знающие сути Евангелия, полностью стремились уничтожить этот народ или заставить его исповедовать христианскую веру. Время от времени разные папы во Франции и Испании издавали против них эдикты, самые суровые и безжалостные. Их притесняли, штрафовали и изгоняли, если только они не обращались в христианство. Тысячи из них в Испании и Португалии исповедовали имя Христа, чтобы избежать наказания, но в душе оставались евреями, питая отвращение к идолопоклонству папистов. Поэтому инквизиторы выступили против них как еретики и вероотступники. Инквизиторы приговаривают их к различным наказаниям, в зависимости от характера или степени предполагаемых преступлений, например, к лишению всякого общения с евреями, штрафам, публичному избиению кнутом и сожжению на костре.

ГЛАВА XI.

СЛУЖИТЕЛИ ИНКВИЗИЦИИ.

Инквизиция в Spain—Inquisitors—Vicars—Counsellors—Promoters-Fiscal—Notaries—Treasurer—Executor—Familiars—Cross-Bearers—Visitors—Privileges—Jurisdiction— Запет книг—Тюремщики.

Испания, Португалия и Рим были наиболее известны своей жестокостью благодаря страшному суду инквизиции. “Святая канцелярия” в этих странах была наиболее обширной и совершенной по своему устройству; следовательно, ее служители были самыми многочисленными.

Численность офицеров испанской инквизиции оценивается примерно в *три тысячи* человек, а ее расходы для страны составляют около *миллиона фунтов* стерлингов в год!

Окружные суды были образованы во многих местах, о которых говорится: “В каждой провинции Испании должно быть два или три инквизитора, один судья по конфискованному имуществу, один душеприказчик, три нотариуса, один смотритель тюрьмы, один посыльный, один привратник и один врач. Помимо них, для обслуживания этого суда были назначены ассессоры, опытные советники, фамильяры и другие”. На это необходимо обратить некоторое внимание, чтобы лучше понять характер инквизиции.

1. Инквизиторы апостольские.— Это высшие должностные лица, делегаты от Папы Римского, для особой службы суда над еретиками. Их ранг в папстве очень высок, поскольку каждый из них носит титул “лорд”, а каждый инквизитор именуется “наиболее преподобным”. Один из них в Испании был президентом инквизиции и назывался “главный инквизитор” или “генеральный инквизитор”. Римские кардиналы также были генеральными инквизиторами.

2. Викарии.—Они назначаются инквизиторами для замещения их в случае отсутствия или болезни, и они используют всю власть своих руководителей в получении обвинений и аресте тех, кто может быть обвинен.

3. Консультанты.— Это были искусные юристы, назначенные консультировать и помогать инквизиторам, которые, как правило, ничего не знали о юридических формах. Они поклялись хранить тайну.

4. Промоутер-Фискал. — Этот сотрудник также является юристом, в обязанности которого входит изучение показаний свидетелей, предоставление информации против преступников, требование их тюремного заключения и составление обвинительного заключения против них. Он был своего рода советником Священной канцелярии.

5. Нотариусы. Эти офицеры были писцами, в чьи обязанности входило присутствовать при допросах заключенных, записывать все, что они говорили, их поведение и даже изменение выражения лица во время допроса инквизиторами. От них требуется хорошо владеть разными языками; поскольку заключенные могут быть французами, немцами или итальянцами перед испанской инквизицией.

6. Казначей.— Этот офицер называется в Испании *генеральным приемщиком* имущества заключенных; в Риме его называют *казначеем Святой канцелярии*. Он берет на себя заботу обо всем имуществе заключенных, сдавая в аренду или продавая их земли и дома; так что огромное имущество попадает в его руки.

7. Исполнитель.— Этот офицер является главой полиции, прикрепленной к инквизиции; и он руководит процессом задержания обвиняемых.

8. Должностные лица.— Это помощники исполнителя или сотрудники полиции, которые преследуют и задерживают лиц, обвиняемых перед инквизиторами.

9. Фамильяры.— Это вооруженные полицейские или солдаты инквизиции. Их называют *фамильярами*, или принадлежащими к семье инквизитора.

10. Крестonosцы.— Это также солдаты, своего рода ополчение, обученное и вооруженное для защиты инквизиции и для энергичного преследования преступников. Они наделены многими привилегиями, включая “полное отпущение всех их грехов”, чтобы поощрить их на службе инквизиции. Однако, поскольку солдаты стали менее нужны, эти офицеры, как правило, были преобразованы в монашеский орден Святого Доминика с конституциями, утвержденными папой римским.

11. Посетители.— Это были магистраты, назначенные инспектировать все провинции инквизиции и сообщать о состоянии учреждений генеральному инквизитору. Обычно их заказывают, поскольку обстоятельства, по-видимому, требуют расследования.

12. Привилегии инквизиторов. —Чрезвычайными являются привилегии, предоставляемые инквизиторам; так что “ни один делегат апостольского престола или его заместитель, ни один хранитель или исполнитель, назначенный папой, не сможет опубликовать приговор об отлучении от церкви, временном приостановлении или интердикте против них или их нотариусов, пока они заняты исполнением своих обязанностей, без специального распоряжения святого престола”. Только инквизиторы, а не епископы, могут издавать эдикты против еретиков. Аналогичным образом инквизиторы, и никто другой, могут освобождать от отлучения за ересь; и лица, находящиеся под запретом инквизитора, не могут быть освобождены ординарцем или любым другим лицом без приказа папы, за исключением смертной казни.

13. Юрисдикция инквизиции.— Это настолько обширно, что мало кто из него исключен; поскольку инквизиторы являются судьями, делегированными папой для защиты веры, чтобы искоренить всякую ересь, им дана власть против всякого рода лиц, за исключением епископов и легатов папы. Они могут возбуждать дела против священников и духовенства в целом; и мирян без различия, зараженных, подозреваемых или порочащих себя в ереси, не исключая принцев и королей. Инквизиторы сводили на нет даже договоры с монархами или их власть, если те уступали принятой власти. У нас есть замечательный пример этого в “Короле Португалии”, где Томас Мейнард был английским консулом. Он был арестован и заключен в тюрьму в Лиссабоне за высказывания против римской религии. Когда Оливеру Кромвелю сообщили об этом факте, протектор отправил нарочного к депутату, мистеру Мидоузу, с просьбой отправиться к королю и потребовать его немедленного освобождения; но суверен заявил, что у него нет полномочий оказывать милость, поскольку у него нет власти над инквизицией. Но Кромвель прислал новые инструкции, требуя от короля его немедленного освобождения, или он объявил войну

инквизиции. Перепуганные инквизиторы предложили консулу свободу, которую он принял только после того, как инквизиция с честью и публично предаст его суду. Это было немедленно удовлетворено, и мистер Мейнард продолжал жить без помех во время правления Карла II и Якова II, хорошо известных в Лиссабоне.

14. Запрещение книг.—Время от времени папы публиковали списки книг, запрещенных к прочтению, и в них особенно фигурировало Священное Писание, как фатальное для притязаний папской иерархии и инквизиции. Одно из правил "Указателя" запрещенных книг, касающееся Библии, гласит: "Поскольку из опыта ясно, что если Священные Писания повсюду и без различия разрешается читать на вульгарном языке, люди из-за своей грубости получают больше вреда, чем пользы. Пусть епископ или инквизитор вместе с приходским священником или исповедником определяют, кому разрешить чтение Библии, переведенной католическими авторами на вульгарный язык". Это правило в отношении Библии соблюдается во всех католических странах, особенно в Испании, где инквизиторы опубликовали свой запрет, сделав особый упор на Священные Писания, "со всеми их частями, печатными или рукописными, со всеми краткими изложениями и сокращениями указанной Библии, хотя бы историческими, на вульгарном языке".

15. Смотрители тюрем инквизиции.—У некоторых епископов Римской церкви есть тюрьмы для содержания нарушителей их законов. Но такие места обычно находились под опекой инквизиторов в качестве их хранителей. Каждый заключенный сначала обвиняется кем-либо, обычно двумя лицами, которые слышали его высказывания или подозревают его в том, что он придерживается мнений, которые считаются еретическими. Получив это обвинение, организатор-фискал требует от инквизиторов, чтобы такой человек был заключен в тюрьму и предан суду. Затем выдается ордер, подписываемый инквизиторами, и вручается офицеру, который приступает к аресту человека и помещению его в тюрьму. Эта тюрьма, хотя и ужасное место, в Испании и Португалии называется *Санта-каса*, или *Святой дом*.

В Португалии все заключенные, мужчины и женщины, независимо от рождения или ранга, бреются в первый или второй день заключения. У каждого заключенного ежедневно есть два горшка с водой, один для мытья, а другой для питья, и веник для уборки камеры; циновка из тростника, на которой можно лежать; и сосуд побольше для других целей с крышкой, которую нужно накрывать крышкой, которую меняют каждые четыре дня.

Насколько нетерпимыми и жестокими были инквизиторы и надзиратели в шестнадцатом веке, можно узнать из двух случаев: первый касался неких англичан, заходивших в порт Кадис. Прислужники инквизиции обыскали судно по религиозным соображениям. Они схватили нескольких человек на борту, поскольку они проявляли евангельское благочестие, и их бросили в тюрьму. Среди них был ребенок лет десяти-двенадцати, сын богатого джентльмена, владельца корабля и части груза. Под предлогом того, что у него в руках была Книга Псалмов на английском языке. Корабль и груз были конфискованы, а ребенка заключили в тюрьму в Севилье, где он пролежал шесть или восемь месяцев и сильно заболел в результате жестокого обращения. Лорды-инквизиторы, узнав о его болезни и надеясь извлечь выгоду из предполагаемого богатства его отца, перевезли его в Кардинальский госпиталь. Но он потерял способность передвигать ноги. Тюремщик часто наблюдал, как он возводит глаза к небу и молится о помощи; так что он сообщил о нем как о "уже выросшем великом маленьком еретике"! Из-за жестокого обращения в тюрьме он умер в больнице инквизиции!

Другой случай, примерно того же периода, проиллюстрирует жестокость инквизиции. У Питера аб Хереры, смотрителя башни Триада, тюрьмы инквизиции, была добрая надзирательница, а вместе с ней две дочери, но их держали в разных камерах. Они оплакивали свою разлуку и умоляли смотрителя позволить им побыть вместе четверть часа, чтобы они могли получить удовольствие от объятий друг друга. Движимый состраданием к ним, он удовлетворил их просьбу; и после того, как они в течение получаса потворствовали своей взаимной привязанности, он снова запер их в одиночных камерах. Несколько дней спустя они были допрошены с применением пыток, и смотритель, опасаясь, что из-за суровости их пыток они могут обнаружить его снисходительность к господам инквизиторам, отправился в святой трибунал и объявил о том, что он сделал; но они, вместо того, чтобы похвалить его гуманность, сочли его виновным в преступлении и немедленно приказали заключить его в тюрьму и подвергнуть пыткам. После года страданий его вывели из тюрьмы с уздечкой на шее и провели в публичной процессии, наказав *сотней* ударов плетью и приговорив к галерам как раба на шесть лет. Он сошел с ума из-за жестокого обращения и, покушаясь на жизнь альгуазилия, был приговорен к дополнительным четырем годам рабства на галерах! Какими бы ужасными они ни были, они далеко не самые впечатляющие примеры жестокости инквизиции.

16. Ужасы инквизиции.—Никакие слова не могут выразить ужас людей перед трибуналом инквизиторов. Они считают заключенных потерянными. У них так мало надежды на освобождение арестованных, что, как только они попадают в тюрьму, их друзья надевают траур и говорят о них как о мертвых, не осмеливаясь ходатайствовать об их помиловании, чтобы они также не были привлечены как соучастники и сами не стали жертвами инквизиции!

ГЛАВА XII.

СУД ИНКВИЗИЦИИ.

Эдикт веры—Процесс в Трибунале—Арест—Допрос—Обвинительный акт—Адвокат заключенного—Сбежавшие лица—Процесс прекращен—Отречение кающегося—Епитимья.

Церковные процессы начинаются с поразительной торжественностью, особенно в суде инквизиции. Поскольку суд был учрежден под властью суверена и при полной защите его должностных лиц, назначается комиссар с целью получения информации или обвинений от любых лиц против других, подчиняющийся главному инквизитору. Таким образом, ведется общественная подготовка к возбуждению против них уголовного дела в связи с предполагаемыми преступлениями.

1. Эдикт веры.—Главный инквизитор назначил воскресенье для проповеди, посвященной торжественному обнародованию предмета судебного разбирательства, и это называется “Эдикт веры”. После проповеди инквизитора о долге по искоренению ереси зачитывается рекомендательное письмо, требующее от всех лиц, под страхом отлучения от церкви, в течение шести-двенадцати дней сообщить инквизитору о любых известных им еретиках или лицах, подозреваемых в ереси. Магистратов заставляют обещать то же самое под присягой. Этот эдикт веры повторяется каждый год в главном городе, и от его исполнения никто не освобождается: так что Жанна, дочь императора Карла V. Ее отец посоветовал Жанне, дочери императора Карла V, подать требуемое заявление, даже если оно было против него самого, и она немедленно

подала заявление против определенного лица перед генеральным инквизитором, архиепископом Севильи.

2. Процесс в Трибунале.—Есть три способа судебного разбирательства —*первый*, посредством обвинения; *во-вторых*, посредством доноса; *в-третьих*, посредством инквизиции, или розыска, когда, в случае необходимости, еретики не могут быть пойманы. Вызываются свидетели, и принимаются показания жены, сыновей, дочерей и слуг против лиц, обвиняемых в ереси, но не в их пользу. Допускаются показания лиц, виновных в лжесвидетельстве, а также женщин, пользующихся дурной славой в обществе, и даже лиц, находящихся вне закона. Их показания, касающиеся характеров и мнений заключенных, даются в письменной форме.

3. Арест обвиняемого. Лица, обвиняемые в ереси, живущие в городах, обычно арестовываются глубокой ночью приближенными инквизиции. Они направляются в жилище обвиняемого, который должен немедленно встать и проследовать за ними к ожидающему его экипажу. Соппротивление бесполезно; и люди испытывают такой благоговейный страх перед ненавистным судом, что родители отдают своих детей, мужья - своих жен, а хозяева - своих слуг его должностным лицам, не смея ни в малейшей степени роптать; заключенных, как правило, долгое время содержат в одиночных камерах, пока их не признают виновными в каком-либо преступлении, в котором они могли быть виновны.

4. Допрос заключенных.—После прочтения торжественной молитвы Святому Духу заключенный предстает перед инквизитором в зале аудиенций. Он видит за столом по правую руку от себя судью-инквизитора, в дальнем конце сидит нотариус, а несчастной жертве с обнаженными руками и ногами, с бритой и непокрытой головой разрешается сидеть на бланке в нижнем конце стола. Напротив него, у стены, закреплено большое распятие, достигающее почти до потолка. Затем его допрашивает инквизитор, который использует все возможные уловки, чтобы заставить его признаться во всем, что он, возможно, сказал или сделал против католической веры. В Испании и Португалии инквизитор иногда посылает человека навестить его, увещевая его, как друга, исповедаться, чтобы он мог снискать расположение своего судьи и не разлучаться навсегда со своей женой и детьми. Таким образом, многих вынуждают признаться в вымышленных преступлениях в тщетной надежде обрести свободу.

5. Обвинительный акт. Промоутер—фискал предъявляет обвинительный акт против заключенного следующим образом: “Я, Н., фискал канцелярии Святой инквизиции, перед вами, преподобный инквизитор, уполномоченный судить по делам веры против еретической правды, обвиняю в уголовном преступлении М., который, будучи крещенным христианином и считаясь таковым среди всех лиц, отошел от католической веры”. Их различные преступления указаны в тяжких выражениях. Свидетелей допрашивают наедине, и только их показания выставляются против заключенного. Этот незаконный курс проводится повсеместно. Так что Новые христиане, как называли согласных евреев в Испании, напрасно предлагали Карлу V. сумму в 80 000 золотых монет, если он прикажет представить свидетелей против некоторых из них в суде инквизиции. В некоторых случаях заключенным разрешается подать апелляцию инквизитору до того, как суд вынесет окончательный приговор.

6. Курс для Заключенного.—Если заключенный отрицает свою вину, ему разрешается выбрать адвоката из списка, предоставленного инквизиторами, но оплачивается за счет имущества обвиняемого. Если ему меньше двадцати пяти лет, ему разрешается нанять куратора или опекуна.

7. Обвиняемые скрылись.—Если обвиняемый скрывается от суда или сбегает из тюрьмы, его публично цитируют в соборе, в приходской церкви и в его собственном доме, и светский настоятель обязан арестовать его: если это не удастся, он отлучается от церкви; а в случае задержания его бьют кнутом и применяют к нему повышенную суровость.

8. Процесс завершен.—Приговоры выносятся в соответствии с решениями инквизиторов. Те, кто признан невиновным, получают отпущение грехов; а те, кого подозревают, подвергаются отречению, очищению, штрафам или изгнанию. Когда заключенного обвиняют в ереси, но он не признан виновным на основании юридических доказательств или его собственного признания, он должен подвергнуться каноническому очищению в виде суровой епитимьи, налагаемой епископом. Тем, кто пользуется высокой репутацией в народе — как епископы, священники и проповедники, — в основном предписывается некоторое очищение: а те, кто осужден, объявляются еретиками или отступниками и понесли наказание в соответствии с законом; его имущество конфискуется; его мнения и труды осуждаются; и он лишается всех церковных или общественных должностей и почестей, в то время как он передается светской власти для наказания. Если он будет упорствовать в своем мнении, приговор будет немедленно вынесен, и он будет передан офицерам для сожжения. Наибольшая суровость применяется к лютеранам, поскольку они считаются самыми решительными врагами папства.

9. Отречение Кающегося.—Еретик, против которого была выдвинута информация, исповедующий свою ересь епископу или инквизитору, обещающий вернуться в лоно церкви, отрекающийся от всякой ереси, не передается светской власти, но наказывается инквизиторами. Он вынужден публично отречься от престола перед всеми людьми в церкви; при этом от него требуется возложить руки на Евангелие с непокрытой головой и, упав на колени, прочитать форму торжественного отречения или повторить его, пока оно читается нотариусом. Когда это будет сделано, он освобождается от отлучения при условии, что вернется с искренним сердцем и верой, чтобы соблюдать все заповеди католической церкви; но если он их не соблюдает, он лишается преимуществ своего отпущения грехов. Таким образом, отречение предписывается всем, кто возвращается из ереси, даже четырнадцатилетним мальчикам и двенадцатилетним девочкам не освобождается, особенно лицам с достоинством и рангом священников; и врачам, которых они называют *догматиками, догматистами и архиеретиками*.

10. Покаяние тех, кто отрекается.—Хотя отречение примиряет с церковью, все же покаяние требуется как полезное наказание. В некоторых случаях от кающегося требуется совершить паломничество в черном одеянии с письмами инквизитора, которые должны быть возвращены вместе с письмами от монахов-предсказателей или других официальных лиц, подтверждающими истинность такого посещения. В других случаях кающийся должен идти в процессии без всякой одежды, кроме рубашки и бриджей; и в этом состоянии подвергнуться публичному наказанию со стороны епископа или священника, быть изгнанным из церкви и стоять с зажженной свечой в руке, босиком и с недоуздом на шее у ее главных ворот во время торжественной мессы, в какой-нибудь святой день или когда колокол звонит к богослужению. Другие наказываются публичным избиением розгами, а если священнослужители, то их собственным братством, в присутствии нотариуса Святой канцелярии. Но самым распространенным наказанием является ношение крестов на их покаянных одеждах, из-за чего они становятся объектом насмешек и оскорблений людей. Тот, кто сбрасывает это одеяние,

подвергается более суровому наказанию, некоторые на всю жизнь; от которого трудно добиться освобождения без денег, по ходатайству друзей к главным инквизиторам.

ГЛАВА XIII.

ПЫТКИ В ИНКВИЗИЦИИ.

Пытки с целью получения признания—Зал пыток—Раздевание—Связывание—Расправление—Огонь-сковорода—Дыба—Лошадь—Игральные кости—Мокрая ткань—Различные приспособления.

Заклученные инквизиции имеют разные характеры; и многие из них, естественно, отрицают свою вину. Другие лишь частично признаются в своих ошибках и преступлениях, используя разные термины на последующих допросах. Другие, опять же, будучи невиновными в преступлении, в котором их обвиняли, не могли признаться в своей вине. В то время как другие, твердо придерживаясь учения Христа, были готовы скорее претерпеть смерть, чем отрицать Евангелие своего Господа и Спасителя.

Если заключенный не признается в соответствии с показаниями свидетелей против него или не удовлетворяет инквизиторов, применяются пытки, главным образом для того, чтобы побудить обвиняемого признаться в отношении друзей или соратников, которые могут придерживаться мнений, считающихся еретическими. Преисполненные решимости унижить своих жертв, они широко применяют самую жестокую систему пыток, записи о которой справедливо придали инквизиции характер *кровавых и дьявольских*. Несомненно, никто, кроме злого духа, “дьявола, который был убийцей с самого начала”, не мог изобрести таких отвратительных методов жестокости и побудить людей с помощью самых хитроумных приспособлений настолько нарушить все предписания человечества, чтобы действовать в соответствии с системой, которая практиковалась римскими инквизиторами. Они все же пытаются оправдать это, ссылаясь на то, что “Павел предал коринфянина сатане на истребление плоти, чтобы дух мог быть спасен в день Господа Иисуса”. (1 Кор. ст. 5.) Павел не причинял телесных мучений, но таково римское извращение Священного Писания.

Эти пытки инквизиции необходимо будет здесь кратко описать, чтобы читатель мог яснее понять характер этой жестокой системы.

1. Зал пыток.— В Испании это подземная камера в центре тюрьмы, так что крики страдальца не могут быть услышаны никем снаружи. В него можно попасть по проходу через несколько дверей; в одном конце его воздвигнут трибунал, на котором восседают инквизиторы, инспектор и нотариус. Когда в этой темной комнате зажигают лампы, заключенного приводят и доставляют к палачу, который имеет ужасный вид; поскольку он весь покрыт черной льняной одеждой до пят и плотно привязан к телу, в то время как его голова и лицо полностью скрыты капюшоном, в котором есть только два маленьких отверстия, через которые он может видеть. Все это предназначено для того, чтобы вселить ужас в несчастного, когда он увидит себя во власти того, кто имеет облик адского духа.

От тех, кто используется в качестве палачей, требуется, чтобы они были выходцами из “древних христиан” — несомненных католиков; и они поклялись хранить в тайне то, что говорится и делается в этом ужасном месте наказания.

2. Раздевание.—Всех, кого пытаются, раздевают догола, как мужчин, так и женщин, без учета приличий или чести; и у заключенного нет никакой одежды, кроме пары бельевых подштанников. Этот процесс для некоторых является невыразимой мукой. Пока его раздевают, его убеждают признаться и рассказать всю правду, предупреждая, что если он умрет под пытками, тосуды будут свободны от вины, которая останется только с ним самим, как с преступником. Присутствующий нотариус записывает все, что было сказано или сделано во время акта пытки. Если инквизиторы не удовлетворены признанием, заключенному угрожают различными наказаниями, орудия которых ему демонстрируют в зале.

3. Привязка.— Это делается с помощью веревок, стягивающих руки за спиной, запястья связаны вместе, к ногам привязаны гири; так что заключенный не может вырваться из-под власти палача.

4. Шкив.—С помощью этого инструмента, когда крюк пропускают под веревку на запястьях, жертву подтягивают вверх до тех пор, пока его голова не окажется рядом со шкивом, закрепленным на крыше зала. Таким образом, он подвешен; так что под тяжестью тела с тем, что подвешено к ногам, все суставы истощенного тела ужасно растянуты, а кости вывихнуты.

5. Приседание.— Выполняется рывком за веревку, но без того, чтобы подвешенное тело не касалось земли. При этом все тело подвергается ужасной тряске, а руки и ноги разъединяются, что причиняет страдальцу сильнейшую боль. Шок, полученный таким образом, часто приводит к смерти. Римские авторы отмечают по поводу этого режима: “Когда сенат приказывает: ‘Пусть его допросят с применением пыток’, человека поднимают или сажают на скамью подсудимых, но не сажают в клетку. Если сенат прикажет ‘Подвергнуть его пыткам’, то он должен будет немедленно подвергнуться расправе, предварительно допросив его, когда он будет висеть на веревке и двигателе. Если он приказывает: ‘Пусть его хорошенько помучают’, то подразумевается, что он должен понести два наказания. Если он приказывает: ‘Пусть его подвергнут жестоким пыткам’, - то подразумевается три задержания в разное время в течение часа. Если там написано ‘Очень сильно’, то подразумевается, что это должно быть сделано с помощью скручивания и отягощений в ногах. Когда там написано “Очень сурово, даже до смерти”, то жизнь преступника находится в непосредственной опасности”.

6. Жаровня. - Это применялось к заключенному, когда он был закован в колодки, когда жаровню, полную горящего угля, подносили к подошвам его ног. Они становились все более восприимчивыми к боли, когда их натирали жиром, так что они буквально поджаривались, и страдания были самыми мучительными. Во время процесса заключенного убеждали признаться; и если он обещал это, между его ногами и огнем клали доску; но если он их не удовлетворял, доску убирали, и пытка возобновлялась. Преподобный Арчибальд Бауэр, некогда инквизитор, а впоследствии священнослужитель Англиканской церкви, утверждает, что часто инквизиторы и другие офицеры, невзирая на стоны и слезы несчастного страдальца, обсуждают при нем городские новости или усугубляют его страдания, умоляя всем святым о минутном облегчении ужасных мучений.

7. Стойка. — Так называлось несколько инструментов: один представлял собой доску с прикрепленной к ней лебедкой, имеющей два блока. Заключенного, почти голого, положенного спиной на доску, тянули за веревку, привязанную к железному кольцу на каждом запястье; так что его руки были стянуты до тех пор, пока они не вывихнулись, что причиняло жертве невыносимые мучения.

8. Лошадь.—Это была деревянная рама — что-то вроде желоба, поперек которого была круглая перекладина, похожая на ступеньку лестницы. На эту перекладину укладывали пленника, поднимая его ноги выше головы. Затем его привязывали к лошади веревкой, трижды обмотанной вокруг каждой руки и такой же веревкой вокруг каждой ноги. С помощью палочек, на манер шурупов, когда веревка была скручена, она была таким образом тугозатянута и, врезавшись в плоть, вызвала большое кровопролитие. Затем веревку сняли с более здоровых частей тела, и пытка повторилась, вызывая невыносимую агонию.

9. Игральные кости. —Иногда железные игральные кости прикрепляли к пяткам ног, когда винты проталкивались сквозь плоть до самых костей, причиняя неопишуемые страдания.

10. Влажная тряпка.—В некоторых случаях заключенный, будучи привязанным к лошади, набрасывал на лицо тонкую ткань, образуя мешочек для прохода в рот, так что он едва мог дышать; и в то же время очень слабая струя воды попадала в рот, погружая мешок в его горло. Таким образом, на одного человека было вылито шесть или семь английских пинт воды, и вызванные этим конвульсивные муки были похожи на чувство удушья. Иногда ткань снимали с лица, чтобы дать возможность несчастной жертве ответить на вопросы, предложенные инквизиторами; когда боль, вызванная снятием мешка с горла, была такой, как будто кишечник вытягивался через рот, и обнаруживалось, что он пропитан кровью так же, как водой. В своих отчаянных попытках дышать страдалец разрывал кровеносный сосуд и, в немалых случаях, умирал под ужасными пытками.

В некоторых судах, согласно воле инквизиторов, применялись различные другие виды жестокости. Некоторые использовали трости, которые клали между пальцами, которые затем прижимали друг к другу, чтобы вывихнуть суставы и вызвать сильную боль. Другие обвязывали большие пальцы маленькими веревочками так туго, что из-под ногтей сочилась кровь. К обнаженной груди прижимали раскаленные докрасна утюги, а на ноги надевали нагретые железные тапочки, чтобы прожечь плоть до костей. И, совершая эти чудовищные поступки, особенно в отношении женщин, инквизиторы вели себя самым бесчеловечным и отвратительным образом, указывая на отвратительный характер римской “тайны беззакония”.

ГЛАВА XIV.

ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ.

Жертв—1. Juan de Salas—2. Донна Джоанна Бохоркес — 3. Донна Мария Бохоркес —4. Melchior Hernandez—5. Льюис Пезоа.

“Справедливость и милосердие” - это слова, выбранные Римской инквизицией как составляющие принципы этого суда при разбирательстве дел против еретиков. Но применяемые пытки фальсифицируют профессию. Ни один судебный процесс ни в одну эпоху и ни в одной стране не был признан настолько противоречащим этим принципам или проводимым способом, столь явно противоречащим справедливости и гуманности. Несколько избранных случаев их замученных жертв еще больше проиллюстрируют дьявольскую жестокость инквизиторов: эти случаи приведены от самых несомненных авторитетов.

1. Juan de Salas.—Этой жертвой был молодой человек, и, судя по всему, офицер инквизиции в Испании. Его обвинили в использовании языка ереси, и поэтому он был замурован в темнице.

Инквизиция нарушила свои собственные правила по отношению к нему, отказавшись заслушать свидетелей, которых он хотел допросить в свою пользу. Он категорически отрицал, что использовал приписываемые ему слова, из-за чего его подвергли пыткам, чтобы добиться от него признания. Подробности его страданий при инквизиторах Морисе и докторе Альварадо содержатся в следующем протоколе, составленном нотариусом инквизиции:

“В Вальядолиде 21 июня 1527 года лицензиат Морис, инквизитор, вызвал к себе лиценциата Хуана де Саласа. После оглашения упомянутый лицензиат Салас заявил, что *он не говорил того, в чем его обвиняли*; и упомянутый лицензиат Морис немедленно приказал отвести его в камеру пыток, где, раздев до рубашки, Саласа за плечи посадили в *шевалет*, где палач Педро Поррас связал его за руки и ноги пеньковыми веревками, из которых он сделал по одиннадцать оборотов вокруг каждой конечности. Саласа, в течение того времени, пока упомянутый Педро связывал его таким образом, несколько раз предупреждали говорить правду; на что он всегда отвечал, что *он никогда не говорил того, в чем его обвиняют*. Он прочел символ веры ‘*Quicumque vult*, и несколько раз благодарил Бога и Богородицу; и сказал Салас будучи еще привязан, как и прежде, мужчиныотмечается, тонкой влажной тканью был поставлен на лицо, и около пинты воды было налито в его рот и ноздри от глиняный сосуд с отверстием внизу, и содержащий около двух литров; тем не менее, Салас упорно отрицает это обвинение. Затем Педро Поррас затянул веревку на правой ноге и вылил вторую порцию воды на лицо; веревки были затянуты еще раз на той же ноге, но Хуан де Салас по-прежнему упорно отрицал, что когда-либо говорил что-либо подобное; и, хотя его несколько раз принуждали сказать правду, он по-прежнему отрицал обвинение. Затем упомянутый лицензиат Мориц, заявив, что *пытка была начата, но не закончена*, приказал прекратить ее. Обвиняемый был отведен от *chevalet*, или *стойки*, на которой я, Генри Паз, присутствовал от начала до конца.—*Генри Паз, нотариус*”.

Хуан де Салас был осужден, несмотря на его отрицание; и Льоренте делает следующие замечания по всему делу о возмутительной несправедливости и жестокости: —

“Мы можем составить представление о гуманности инквизиции в Вальядолиде из окончательного приговора, вынесенного лиценциатом Морисом и его коллегой, доктором Альварадо, без каких-либо других формальностей, после того, как они последовали (если мы можем им верить) совету лиц, известных своей образованностью и добродетелями, но без отсрочки, которая должна была предшествовать этому, и без согласия епархиального ординарца. Они заявили, что фискал не полностью одобрил обвинение и что подсудимому удалось опровергнуть некоторые обвинения; но что из-за подозрений, возникших в ходе судебного процесса, Хуан де Салас был приговорен к публичному *аутодафе* в рубашке, без плаща, с непокрытой головой и с факелом в руке; что он должен публично отречься от ереси; и что он должен заплатить десять дукатов золотом инквизиции и отбыть епитимью в назначенной церкви. Из приведенного впоследствии свидетельства видно, что Хуан де Салас совершил свое *аутодафе* 24 июня 1528 года и что его отец заплатил штраф. Других особенностей в этом испытании нет. Это дело и несколько других подобного характера побудили верховный совет опубликовать в 1558 году указ, предписывающий не применять пытки без приказа совета”.

2. Донна Джоанна Бохоркес.—Лимборх из "Гонсалвиуса" приводит следующий отчет об этой благородной молодой леди, которая на самом деле была убита инквизиторами во время их пыток около 1569 года нашей эры.

“Почти в то же время инквизиция в Севилье задержала благородную даму Джоанну Бохоркес, жену дона Франсиса де Варгоса, очень выдающегося человека и сеньора Хегеры, и дочь Питера Гарсии Ксересиуса, богатого гражданина Севильи. Поводом для ее заключения стало то, что ее сестра Мария Бохоркес, молодая леди выдающегося благочестия, которая впоследствии была сожжена за свое благочестивое признание, заявила во время пыток, что она несколько раз беседовала со своей сестрой относительно ее учения. Когда она впервые попала в тюрьму, ей было около шести месяцев беременности, из-за чего ее не держали так строго и не использовали с той жестокостью, с какой обращались с другими заключенными, из-за младенца, которого она носила. Через восемь дней после родов они забрали у нее ребенка, а на пятнадцатый заперли ее наглухо и заставили подвергнуться участи других заключенных, после чего начали вести ее дело со своим обычным искусством и суровостью. В столь ужасном бедствии у нее было только то утешение, что некой благочестивой молодой женщине, которая впоследствии была сожжена инквизиторами за свою религию, позволили стать ее компаньонкой. Это юное создание в определенный день было подвергнуто пыткам; и, вернувшись оттуда в свою тюрьму, она была так потрясена, а ее конечности были так ужасно раздроблены, что, когда ее уложили на тростниковую постель, это скорее усилило ее страдания, чем дало ей отдых, так что она не могла повернуться без сильнейшей боли. В этом состоянии, поскольку Бохоркес была не в силах проявить к ней хоть какую-то внешнюю доброту, но очень мало, она попыталась утешить свой разум большой нежностью. Девушка едва начала приходить в себя после пыток, когда Бохоркеса подвергли тому же упражнению, и на дыбе его пытали с такой дьявольской жестокостью, что веревка в нескольких местах пронзила самые кости; и в таком виде ее вернули в тюрьму, она была при смерти, изо рта у нее обильно текла кровь. Несомненно, у нее разорвался кишечник, так что на восьмой день после пыток она умерла. И когда, в конце концов, они не смогли собрать достаточных доказательств для ее осуждения, хотя и искали и добыли их всеми своими инквизиторскими уловками — все же, поскольку обвиняемая родилась в этом месте, где они были обязаны дать некоторый отчет об этом деле народу, и, действительно, никоим образом не могли скрыть это — в первом триумфальном акте, назначенном после ее смерти, они приказали произнести ей приговор в следующих словах: “Потому что эта леди умерла в тюрьме (без сомнения, скрывая причину этого), и была признана невиновной после проверки и тщательного расследования”. Поэтому, изучив ее дело, святой трибунал объявляет ее свободной от всех обвинений, выдвинутых против нее налоговыми органами, и освобождает ее от любого дальнейшего судебного процесса, восстанавливает ее как в том, что касается ее невиновности, так и репутации, и приказывает вернуть все ее имущество, которое было конфисковано, тем, кому оно по праву принадлежало.” И таким образом, после того, как они убили ее пытками, с дикой жестокостью, они объявили ее невиновной!”

Льоренте добавляет: “Под какой огромной ответственностью эти монстры предстанут перед судом Всемогущего!”

Этот пример утонченного варварства инквизиторов поразительно демонстрирует их лицемерие как исповедников благой религии Христа и их злобу по отношению к тем, кто осмеливался прислушиваться к доктринам Священного Писания, затем осужденным под названием лютеранства.

3. Донна Мария Бохоркес.—Эта дама была сестрой Иоганны, убитой во время инквизиции. Она погибла в огне в Севилье. В отчете о ней говорится: “Ей исполнился двадцать один год, когда ее

арестовали по подозрению в том, что она лютеранка. Под руководством Д. Хуана Хилья, епископа Тортосы, она в совершенстве овладела латинским языком и значительно продвинулась в греческом. Она знала Евангелие наизусть и была глубоко погружена в те комментарии, которые объясняют в лютеранском смысле текст, относящийся к оправданию верой, добрым делам, таинствам и характеристикам истинной церкви.

“Донна Мария была заключена в тайные тюрьмы инквизиции, где она исповедовала вменяемые ей доктрины, защищала их от доводов священников, которые посещали ее, и смело говорила инквизиторам, что вместо наказания за вероучение, которого она придерживалась, им было бы гораздо лучше подражать ее примеру. Что касается показаний ее обвинителей, то, хотя она признала основные моменты, она упорно отрицала некоторые вещи, которые касались мнений других людей; и это отрицание дало инквизиторам возможность предать ее казни. Этой пыткой они лишь добились признания в том, что ее сестра, Джоанна Бохоркес, знала о ее чувствах и не осуждала их; и поскольку она упорствовала в своем исповедании веры, ей был вынесен приговор как упрямой еретичке. В промежутке между ее осуждением и *аутодафе*, на котором она должна была пострадать, инквизиторы приложили все усилия, чтобы вернуть ее к римской вере. Они послали к ней последовательно двух иезуитов и двух доминиканских священников, которые с большим рвением трудились над ее обращением; но они вернулись, не достигнув своей цели, полные восхищения проявленными ею талантами и сожаления об упрямстве, с которым она упорствовала в том, что они считали отвратительной ересью. Вечером накануне *аутодафа* к покушению присоединились двое доминиканцев, за которыми последовали несколько богословов других орденов. Донна Мария приняла их вежливо, но отговорила от безнадежного занятия. На заявления, которые они делали о своей заинтересованности в благополучии ее души, она ответила, что верит в их искренность, но что они не должны предполагать, что она, будучи главным заинтересованным лицом, проявляет меньший интерес к этому делу, чем они. Она сказала им, что попала в тюрьму, полностью убежденная в ортодоксальности вероучения, которого придерживалась, и что ее утвердила в своей вере очевидная тщетность аргументов, выдвинутых против него.

“На костре дон Хуан Понсе де Леон, отрекшийся от лютеранских доктрин, призвал донну Марию последовать его примеру. Слабость этого отступника на мгновение овладела ею, и она заставила его замолчать, выражая скорее презрение, чем жалость. Однако, опомнившись, она сказала ему, что время для споров прошло и что самым мудрым их планом было бы занять несколько оставшихся им минут размышлениями о смерти своего Искупителя, чтобы утвердить ту веру, которой только и можно оправдаться. Все, чего добился бедный Хуан Понсе де Леон своим отступничеством, так это того, что его не сожгли заживо, а сначала задушили, а затем сожгли. По этому случаю сопровождающий священник, тронутый молодостью и талантами донны Марии, предложил ей более мягкую смерть, если она просто повторит Символ Веры. На это предложение она охотно согласилась; но, закончив его, она сразу же начала объяснять его статьи в соответствии с пониманием реформаторов. Это исповедание веры было немедленно прервано. Палач задушил донну Марию, и впоследствии ее тело превратилось в пепел!”

4. Мельхиор Эрнандес.— Эта жертва была купцом из Толедо, откуда он переехал на жительство в 1564 году н.э. в Мурсию, где был арестован офицерами инквизиции по обвинению в иудаизме. Свидетели, известные как его враги, выступили против него, но их показания были противоречивыми; тем не менее он был заключен в тюрьму. Будучи опасно болен, он потребовал аудиенции у инквизиторов, которым сказал, что год назад присутствовал на

собрании, где предметом разговора был закон Моисея. Несколько дней спустя, при повторном допросе, он заявил, что то, что было сказано на встрече, было шуткой, и он не помнит подробностей разговора. Сказав посетителю трибунала, что то, что он заявил, его побудил высказать перед судьями страх смерти, он был подвергнут пыткам, чтобы заставить его признаться в том, что ему было известно относительно определенных лиц; но он перенес жестокое истязание, не произнеся ни слова. 18 октября 1565 года он был объявлен еврейским еретиком, виновным в сокрытии своего признания, и приговорен к сожжению. Его казнь была назначена на 9 декабря, а 7-го от него потребовали полного признания. Он ответил, что признался во всем, что знал; и на следующий день, когда его попросили приготовиться к смерти, он заявил, что видел упомянутых им людей и некоторых других на собрании; что они беседовали о законе Моисея, но что он рассматривал их общение как простое времяпрепровождение. Между этим и началом аутодафена следующий день он сделал несколько сообщений в надежде избежать смерти, назвав имена различных лиц в качестве своих сообщников. Поскольку это разоблачение не смогло побудить инквизитора приостановить казнь, Мельхиор заявил, что он действительно верил в течение года в то, что проповедовалось в синагоге, хотя и не признавался в этом факте, поскольку считал, что в показаниях свидетелей нет доказательств ереси. Его казнь была приостановлена, и он был подвергнут новым вопросам, на которых он сделал необычные и противоречивые заявления, поставившие в тупик его судей; трое из которых проголосовали за его наказание, а двое - за примирение. Совет постановил, что Мельхиор должен быть сожжен 8 июня 1567 года; и в каждый из трех предыдущих дней его вызывали и призывали объявить о своих сообщниках. К нему привыкли, как к заключенному, подлежащему сожжению, когда он заявил, что может назвать других сообщников, и инквизитор отправился, чтобы получить его признание. Он назвал еще одну синагогу и семь других мест с именами четырнадцати человек, которые часто посещали их. Поскольку это не было сочтено удовлетворительным, его вместе с другими привели к месту казни, где он упомянул еще два дома и двенадцать еретиков; на второй аудиенции он назвал еще семь человек; а на третьей аудиенции - еще два дома и шесть человек. Как он и надеялся, его снова заключили под стражу; но 23 июня, отчаявшись в успехе, он обратился к своим судьям: “Что еще я мог сделать, кроме как ложно обвинить себя? Знайте, что меня никогда не вызывали ни на какие собрания; что я посещал их только по коммерческим соображениям”. После долгих аудиенций он был в третий раз приговорен к смертной казни, и ему снова удалось спастись от огня. На пяти последующих аудиенциях он обличал различных лиц; но его объявили *“по-прежнему виновным в сокрытии, в том, что он не упомянул нескольких лиц, не менее выдающихся и хорошо известных, чем те, которые уже были обличены, и что нельзя предположить, что он забыл их”*.

Пораженный этим злобным предположением, Мельхиор разразился негодующей бранью в адрес инквизиторов и всех, кто присутствовал на суде, а затем сказал: “Что вы можете со мной сделать? — сжечь меня? Что ж, пусть будет так. Я не могу признаться в том, чего не знаю. Все, что я сказал о себе, верно, но то, что я заявлял о других, полностью ложно. Я выдумал это, *потому что понял, что вы хотите, чтобы я осудил невинных людей; и, будучи незнакомым с именами и качествами этих несчастных людей, я назвал всех, о ком мог вспомнить, в надежде найти конец своим страданиям. Теперь я понимаю, что мое положение не сулит облегчения, и поэтому я отказываюсь от всех своих показаний; а теперь, выполнив свой долг, приступайте к сожжению меня, как только вам будет угодно.*” Документы, относящиеся к судебному процессу, были отправлены в верховный совет, который

подтвердил приговор о сожжении и сделал выговор инквизиторам за задержку. Вместо того чтобы подчиниться этому решению, инквизиторы снова вызвали Мельхиора к себе, заявив ему, что его заявления содержат много противоречий и что для блага его души необходимо, чтобы он наконец сделал признание, уважая себя и всех своих виновных знакомых. Это искусное обращение не поколебало его постоянства. Мельхиор заверил, что они найдут всю правду в заявлении, которое он сделал перед посетителем, сеньором Айорой. Было обнаружено, что Мельхиор заявил, что *“он ничего не знал о предмете, по которому его допрашивали”*. Затем инквизитор сказал: “Как это заявление может быть правдой, когда вы несколько раз заявляли, что посещали еврейские собрания, верили в их доктрины и упорствовали в этой вере в течение одного года, пока священник не развеял ваш обман?” Мельхиор ответил: “Я говорил неправду, когда заявлял против самого себя”. “Но как получилось, - спросил инквизитор, - что то, в чем вы признались сами, и многое другое, что вы сейчас отрицаете, являются результатом показаний множества свидетелей?” “Я не знаю, - ответил Мельхиор, - правда это или ложь, потому что я не видел протоколов судебного процесса; но если свидетели сказали то, что им вменяется, то это было *потому, что они были поставлены в то же положение, что и я*”. Они любят меня не больше, чем я люблю себя; и я, конечно, заявил против себя как правду, так и ложь”. “Тогда какой мотив у вас был, - спросил инквизитор, - объявлять вещи вредными для себя, если они были ложными?” Мельхиор заявил: “Я ожидал извлечь из них большую пользу, потому что видел, что, если я ни в чем не признаюсь, меня сочтут нераскайвшимся, и правда приведет меня на эшафот. Я подумал, что ложь была бы мне наиболее полезна, и обнаружил это в *двух автографах*.”

Теперь не следовало ожидать ничего, кроме смерти, и 6 июня 1568 года ему было приказано подготовиться к ней к следующему дню. В два часа ночи он пожелал аудиенции у инквизитора, который вместе со своим нотариусом удалился в свою камеру. Затем Мельхиор сказал ему, “что, предстояло предстать перед судом Всемогущего, и без всякой надежды избежать смерти из-за новых отсрочек, он счел себя обязанным заявить, что он никогда ни с кем не беседовал о законе Моисея; что все, что он сказал по этому поводу, было основано на желании сохранить жизнь и вере в то, что его признания были приятны инквизиторам; что он просил прощения у причастных лиц, чтобы Бог простил его и чтобы их чести и репутации не был нанесен ущерб”.

Таким образом, Мельхиор Эрнандес был принесен в жертву фанатизму инквизиторов, сначала его задушили, а затем сожгли. Что касается его выдумок и ложных обвинений в адрес других, ничто не может его оправдать; но такие попытки сбежать от ужасного трибунала, по-видимому, обычное дело среди несчастных узников этого ужасного суда, который не знает пощады.

5. Льюис Пезоа. Примерно в 1650 году Льюис Пезоа, новообращенный христианин, его жена, двое сыновей и одна дочь, а также несколько родственников, живших с ним, были брошены в тюрьму инквизиции в Португалии. Некоторые из их врагов обвинили их в том, что они евреи. Пезоа отрицал это обвинение и опровергал его, но тщетно; он потребовал, чтобы ему открыли его обвинителей, чтобы он мог уличить их во лжи. Он был осужден как отрицательный еретик и предан светскому суду для сожжения. Ему стало известно об этом за пятнадцать дней до вынесения приговора судом.

Пезоа был богатым человеком, герцог де Кадаваль знал его и пожелал узнать от своего близкого друга, герцога д'Авиеры, генерального инквизитора, как с ним будут обращаться; и понимая, что, если он не сознается до выхода из тюрьмы, ему не избежать костра, потому что он был

осужден по законам инквизиции, он умолял и получил от генерального инквизитора обещание, что если он сможет убедить Пезоа признаться, даже после вынесения приговора и его совершения акта веры, он не должен был умирать, хотя это и противоречило законам. Поэтому в тот торжественный день, когда был совершен акт веры, он отправился с несколькими своими друзьями и несколькими друзьями Пезоа в инквизицию, чтобы убедить его, если возможно, признаться. Его вели в процессии в печально известном одеянии и митре, что свидетельствовало о принесении в жертву его жизни. Его друзья со слезами умоляли его от имени герцога Кадаваля и всего, что было ему дорого, сохранить ему жизнь и намекнули ему, что если он сознается и раскается, герцог даст ему больше, чем он потерял, поскольку он получил свою жизнь на этом условии от генерального инквизитора. Но все напрасно; Пезоа постоянно заявлял, что он невиновен и что обвинение было выдумкой его врагов, которые стремились его уничтожить как виновного в преступлениях. Когда процессия завершилась и акт веры был почти завершен, были зачитаны приговоры тем, кто был приговорен к определенным покаяниям, а с приближением вечера начали зачитываться приговоры тем, кто должен был быть передан светскому суду, его друзья повторили свои мольбы, которыми они, наконец, преодолели его постоянство; так что, пожелав аудиенции и встав, чтобы его могли услышать, он сказал: “Тогда пойдем и признаемся в преступлениях, в которых меня ложно обвиняют, и тем самым удовлетворим желания моих друзей”. друзья”.

Дав признательные показания, он был заключен под стражу. Но два года спустя его отправили в Эвору, и он прошел процессией в другом акте веры, надев позорную одежду, на которой был нарисован перевернутый огонь, согласно обычаю португальской инквизиции; и еще через пять лет, в течение которых он содержался в тюрьме инквизиции, он был приговорен к галерам, как раб, на пять лет.

ГЛАВА XV.

АКТЫ ВЕРЫ ИНКВИЗИЦИИ.

The Аутодафе—Акт веры в Мадриде—Акт веры в Лиссабоне—Свидетельство преподобного мистера Уилкокса.

The Аутодафе, или акт веры, в Римской церкви - это грандиозная церемония, проводимая инквизицией для наказания еретиков и отпущения грехов тем, кто был объявлен невиновным. Обычно это устраивается на большие церковные праздники, чтобы вся процедура повергла зрителей в величайший трепет. Аутодафе можно назвать *последним актом инквизиционной трагедии*. Это своего рода доставка в тюрьму, поскольку часто значительное количество заключенных инквизиции осуждается за ересь либо на основании их собственного добровольного признания, либо на основании вымогательства, либо на основании показаний определенных свидетелей. Процесс, как правило, заключается в следующем:—

Утром пленников приводят в большой зал, где они надевают определенные одеяния, которые должны быть надеты во время процессии и по которым они узнают о своей участи. Процессию возглавляют монахи-доминиканцы, за которыми следуют кающиеся, все в черных плащах без рукавов, босиком, с восковыми свечами в руках. За ними следуют те кающиеся, которые чудом избежали сожжения и у которых поверх черных плащей нарисованы языки пламени, обращенные остриями вниз. Следующими идут *негативные и рецидивирующие*, которые

обречены на сожжение, поскольку языки пламени на их привычках направлены вверх. За ними следуют такие, которые исповедуют доктрины, противоречащие вере Рима, у которых, помимо языков пламени, направленных вверх, на груди нарисованы изображения собак, змей и дьяволов, как у разъяренных. За каждым заключенным ухаживает фамилляр инквизиции; а у тех, кого предстоит сжечь, с каждой стороны также есть по иезуиту, призывающим их отречься от престола. За заключенными следует отряд приближенных верхом на лошадях, а затем инквизиторы и другие судебные чиновники верхом на мулах: последним на белом коне - генеральный инквизитор, ведомый двумя мужчинами в черных шляпах с зелеными повязками.

По этому случаю воздвигается эшафот, достаточно большой для двух или трех тысяч человек; на одном конце его находятся заключенные, на другом - инквизиторы. После проповеди, состоящей из восхвалений инквизиции и инвектив против еретиков, священник поднимается на стол рядом с эшафотом и, приняв отречение от раскаявшихся, зачитывает окончательный приговор тем, кто должен быть приговорен к смерти, и передает их в руки светских властей, искренне умоляя власти не прикасаться к их крови и не подвергать их жизни опасности! Заключенные, находящиеся, таким образом, в руках гражданского магистрата, в настоящее время закованы в цепи и препровождены сначала в светскую тюрьму, а оттуда, через час или два, предстают перед гражданским судьей; который, спросив, в какой религии они намерены умереть, выносит приговор тем, кто заявляет, что они умирают в общении с Римской церковью, что они должны быть сначала задушены, а затем сожжены дотла! или такие, которые умирают в какой-либо другой вере, чтобы их сожгли заживо! Обоих немедленно доставляют к месту казни, где устанавливают столько кольев, сколько заключенных подлежит сожжению, используя для этого топливо в виде высушенного дрока. Колья для исповедующих или тех, кто отвергает римскую веру, имеют высоту около четырех ярдов, а наверху у них есть небольшая доска, на которую можно посадить заключенного. Отрицательных и впавших в рецидив сначала душат и сжигают, исповедующие поднимаются на свои колья по лестнице, и иезуиты, после нескольких повторных призывов примириться с церковью, удаляются, говоря им, что они оставляют их дьяволу, который стоит рядом с ними, чтобы принять их души и унести их в адское пламя. При этом поднимается громкий крик, который звучит как "Пусть собакам отрастят бороды"; это делается путем прижигания пылающих мехов, закрепленных на длинных шестах, к их лицам, пока они не опалются и каждая черта не будет уничтожена; и это сопровождается самыми громкими возгласами дикой радости. Наконец, огонь подносят к поленнице у основания столба, к которому привязывают жертву так высоко, что пламя едва достигает сиденья, и таким образом страдальца заставляют пережариваться. Не может быть более прискорбного зрелища; страдальцы кричат, пока могут: "Сжальтесь, ради любви к Богу!" или взывают к милосердию и сочувствию в подобном роде; и все же оба пола суеверного населения созерцают это с восторгом и удовлетворением, иллюстрируя подлинный дух папизма.

АКТ ВЕРЫ В МАДРИДЕ, 1680 г. н. э.

Управление Испанией и Португалией в большей степени, чем любыми другими странами, основывалось на принципах папства. Чтобы понять его истинную гениальность, мы должны взглянуть на ужасную церемонию сожжения инакомыслящих под названием еретиков. Следующий отчет относится к акту веры, совершаемому в честь Карла II по случаю его публичного въезда в Мадрид после женитьбы в 1680 году нашей эры.

Карл II Испанский родился в 1662 году н.э. и взошел на трон почти в возрасте четырех лет, 7 октября 1665 года. В феврале 1680 года он женился на Марии Луизе Орлеанской. Это было публично отпраздновано под руководством священнослужителей со всей возможной пышностью в Мадриде и стало *актом веры* инквизиции 3 мая 1680 года.

За месяц до всеобщей казни офицеры инквизиции, предшествоваемые своими штандартами, с большой торжественностью проехали от дворца Святой Канцелярии на открытую площадь, где в присутствии толпы людей они провозгласили под звуки труб и барабанов, что в этот день месяца состоится акт веры, или всеобщая казнь еретиков. Когда провозглашение закончилось, были сделаны обширные приготовления к ужасным торжествам под предлогом того, что ужасное жертвоприношение было совершено в честь благословенного Иисуса и его религии, Евангелия мира. Перед этим кровавым торжеством на большой площади был воздвигнут эшафот длиной в пятьдесят футов, поднятый на ту же высоту, с балконом на нем, где стояли сиденья для короля, королевы и королевской семьи. В конце и по бокам амфитеатром были расставлены места для совета инквизиции, на виду у короля. С одной стороны, под великолепным балдахином, была воздвигнута трибуна для великого инквизитора, а с противоположной стороны находился возвышенный помост, на котором должны были стоять заключенные. В центре эшафота были возведены две ограды, или клетки, открытые наверху, в которых содержались заключенные, пока им выносили смертный приговор. Также были установлены три кафедры, две из которых предназначались для тех, кто зачитывал приговор, а третья - для проповедника; и, наконец, рядом с трибуной, где сидели несколько советников, был воздвигнут алтарь. Места, на которых сидели их католические величества, были расставлены таким образом, что королева находилась по левую руку от короля, а по правую - королева-мать. Остальная часть эшафота была заполнена фрейлинами обеих королей; балконы были также возведены для иностранных послов и для придворных лордов и леди, а также эшафоты для народа.

В торжественный день, через месяц после возгласа, церемония открылась в следующем порядке. Шествию предшествовала сотня торговцев углем, вооруженных пиками и мушкетами, что указывало на их обязанность поставлять топливо для сожжения преступников. За ними следовали монахи-доминиканцы, перед которыми несли белый крест. За ними шел герцог Мендини Чели, неся знамя инквизиции - привилегию, передающуюся по наследству в его семье. Штандарт был из красного булата, на одной стороне которого был изображен обнаженный меч в лавровом венке, а на другой - герб Испании. Затем был вынесен зеленый крест, обтянутый черным крепом, за которым последовали несколько вельмож и других знатных лиц, приближенных инквизиции, одетых в черные плащи, отмеченные черно-белыми крестами, окаймленными золотой проволокой. Шествие замыкали пятьдесят алебардщиков, или стражников инквизиции, одетых в черно-белые одежды, под командованием маркиза Понара, наследственного протектора инквизиции в провинции Толедо.

Процессия, прошествовав в таком порядке перед дворцом, проследовала на площадь, где знамя и зеленый крест были водружены на эшафот, где не осталось никого, кроме доминиканцев, остальные удалились. Эти доминиканские монахи провели ночь, распевая псалмы, и с рассвета до шести утра в алтаре было отслужено несколько месс. Примерно через час появились король, королева и королева-мать со всей королевской семьей, лордами, леди и придворными чиновниками и в восемь часов взошли на эшафот. Торговцы углем расположились слева от королевского балкона, а его стража - справа. Затем пришли тридцать

человек с картонными изображениями размером в натуральную величину, некоторые из которых изображали тех, кто умер в тюрьме, и чьи кости были привезены в сундуках с нарисованными на них языками пламени, а остальные - тех, кто сбежал и был объявлен вне закона.

Эти фигуры разместили в одном конце амфитеатра, а затем вышли двенадцать мужчин и женщин с веревками на шеях, факелами в руках и картонными колпаками на головах высотой в три фута, на которых были написаны их преступления. За ними последовали пятьдесят других, также с факелами в руках, одетые в желтые плащи, на которых сзади и спереди были изображены кресты святого Андрея Х. Это были евреи, которые раскаялись в своих преступлениях и желали быть принятыми в церковь как верующие в Иисуса Христа. Затем последовали двадцать евреев обоего пола, которые трижды возвращались к своим прежним заблуждениям и были приговорены к сожжению. Те, кто проявил какие-либо признаки раскаяния, должны были быть задушены перед сожжением; но остальные, упорствовавшие в своих заблуждениях, должны были быть сожжены заживо. Эти последние были одеты в льняные одежды, на которых были нарисованы дьяволы и языки пламени, и шапки в том же стиле. Пятерым или шестерым из них, более упрямым, чем остальным, заткнули рот клепом, чтобы помешать им произносить то, что римские католики называют богохульными догматами.

Приговоренные к смерти были окружены четырьмя доминиканцами и двумя приближенными инквизиции. Эти несчастные прошли описанным выше способом под балконом короля Испании и, обойдя эшафот, были помещены в амфитеатр, стоявший слева, и каждое из них было окружено монахами и приближенными, которые их сопровождали. Среди этих приближенных были некоторые вельможи Испании, и они, руководствуясь присущей им национальной гордостью, уселись на высокие скамьи, воздвигнутые специально для этой цели. Духовенство прихода Святого Мартина, выйдя вперед, встало у алтаря; чиновники верховного совета инквизиции, инквизитор и несколько других выдающихся лиц, как постоянных, так и светских, все верхом, с большой торжественностью прибыли позже и расположились по правую руку амфитеатра и по обе стороны трибуны, на которой должен был воссесть великий инквизитор. Последним пришел великий инквизитор, одетый в пурпурную рясу, в сопровождении председателя совета Кастилии и нескольких других офицеров, которые в данном случае были бы причислены к числу еретиков, если бы не превратились в более чем подобострастных рабов священников.

Затем они начали служить мессу, в разгар которой священник, совершавший богослужение, сошел с алтаря и сел на стул, который был поставлен для него. Великий инквизитор спустился со своего места, отсалютовал алтарю и, надев митру на голову, направился к королевскому балкону. Затем он поднялся по ступенькам в конце балкона в сопровождении нескольких офицеров, которые несли крест, Евангелие и книгу, содержащую клятву, которой короли Испании обязались защищать католическую веру, искоренять еретиков и поддерживать святую инквизицию всеми силами.

Король, стоя с непокрытой головой, в окружении испанского гранда, держащего королевский меч острием вверх, поклялся соблюдать клятву, которую только что зачитал ему советник инквизиции. Король оставался в этой позе до тех пор, пока великого инквизитора не вернули обратно на его место, где он снял свое папское облачение. Затем один из секретарей инквизиции взошел на кафедру, предназначенную для этой цели, и зачитал клятву того же

содержания, которую он произнес перед всеми присутствовавшими тогда вельможами; и за этой частью церемонии доминиканец поднялся на кафедру и произнес проповедь, полную лести в похвалу инквизиции.

Около двух часов дня они начали зачитывать приговоры осужденным преступникам; и начали они с тех, кто умер в тюрьме или был объявлен вне закона. Их картонные фигурки отнесли на маленький помост и посадили в клетки, а затем они зачитали приговоры каждому из оставшихся в живых преступников, и их одного за другим посадили в клетки, чтобы каждый присутствующий мог их узнать. Всего было сожжено двадцать человек обоего пола; и из них шестерых мужчин и двух женщин невозможно было убедить ни сознаться, ни раскаяться в своих ошибках. Молодая женщина была отправлена в тюрьму, потому что она всегда самым решительным образом заявляла о своей невинности, и поэтому они сочли уместным пересмотреть доказательства, которые были представлены против нее. Наконец, они зачитали приговоры тем, кто был признан виновным в двоеженстве или колдовстве, а также в ряде других преступлений, и это продолжалось примерно до девяти вечера, когда месса закончилась.

По окончании мессы великий инквизитор, облаченный в свое папское облачение, торжественно произнес отпущение грехов всем тем, кто хотел покаяться; а затем, когда король удалился, преступники, приговоренные к сожжению, были переданы гражданским властям и, будучи посажены на ослов, пронесены таким образом через ворота, называемые Фонкурал. Примерно в трехстах шагах от него их приковали цепями к столбам и казнили вскоре после полуночи. Те, кто упорствовал в своих заблуждениях, были сожжены заживо; но те, кто раскаялся, были сначала задушены, прежде чем был зажжен огонь. Приговоренные к меньшим наказаниям были заключены в тюрьму, а инквизиторы вернулись домой, в свой дворец!

Нам, в наше просвещенное время, должно казаться очень удивительным, что столь бесчеловечные и шокирующие действия могли быть засвидетельствованы и санкционированы великим монархом и его могущественной знатью. Тем не менее, эти бесчинства продолжались, но не без жалоб на инквизицию со стороны некоторых представителей знати и государственных деятелей, так что в правление Карла II насчитывается не менее 9 216 жертв этого суда, с 1666 по 1700 год н.э.: из них 1728 были сожжены заживо; 576 были сожжены как чучела; и 6 912 были подвергнуты суровому наказанию в Испании.

АКТ ВЕРЫ В ЛИССАБОНЕ, 1682 ГОД н.э.

Доктор Майкл Геддес, выдающийся английский богослов и капеллан фабрики в Лиссабоне в течение нескольких лет, пока он не был схвачен инквизицией в 1686 году, когда ему запретили исполнять обязанности священника, и он вернулся в Англию, был свидетелем *аутодафе* в 1682 году, и он описывает это следующим образом:—

Утром того же дня всех заключенных приводят в большой зал, где на них надевают привычки, которые они должны надеть для участия в процессии, которая начинает выходить из Инквизиции около девяти часов утра. Первыми в процессии идут монахи-доминиканцы, которые несут знамя инквизиции, на одной стороне которого изображен их основатель Доминик, а на другой - крест между оливковым листом и мечом с девизом "*Справедливость и Мизерикордия*". Следующими за доминиканцами идут кающиеся, у некоторых есть *benitos*, у некоторых нет, в зависимости от характера их преступлений; все они в черных сюртуках без рукавов, босиком, с восковой свечой в руке. Далее следуют кающиеся, чудом избежавшие

сожжения, у которых поверх черной одежды нарисованы языки пламени, обращенные остриями вниз, в знак того, что они спасены, но так, чтобы их можно было использовать как огонь: португальцы называют это *fuego revolto*, или пламя, перевернутое вверх ногами. Следующими идут отрицательные и рецидивирующие, которые подлежат сожжению, с языками пламени на их одежде, направленными вверх; и следующими идут те, кто исповедует доктрины, противоречащие вере римской церкви, и у кого, помимо языков пламени на их одежде, направленных вверх, на груди нарисован их рисунок, который был нарисован за два или три дня до этого, с собаками, змеями и дьяволами, все с открытыми пастями. Пекуа, знаменитый испанский инквизитор, называет эту процессию *Horrendum ac tremendum spectaculum*; и так оно и есть на самом деле, во взглядах всех заключенных, помимо тех, которые должны быть сожжены, есть нечто ужасное и безутешное, превосходящее все, что можно себе представить; а в глазах и выражении лиц тех, кого должны сжечь, есть что-то свирепое и нетерпеливое.

“Заключенные, подлежащие сожжению заживо, помимо фамильяра, который есть у всех остальных, имеют по иезуиту с каждой стороны, которые постоянно проповедуют им отречение от их ересей; но если они предлагают сказать что-либо в защиту учения, за исповедание которого их ждет смерть, им немедленно затыкают рот и не позволяют произнести больше ни слова. Я видел, как это сделали с заключенным вскоре после того, как он вышел из ворот инквизиции, после того, как он поднял глаза к солнцу, которого он не видел раньше несколько лет, и воскликнул в восторге: “Как это возможно, чтобы люди созерцали это великолепное тело, поклонялись какому-либо существу, кроме Того, кто его создал?” За заключенными следует отряд приближенных верхом, а за ними инквизиторы и другие судебные чиновники верхом на мулах, и последним из всех следует генеральный инквизитор на белом коне, ведомый двумя мужчинами в черной шляпе с зеленой лентой, и сопровождаемый всеми дворянами, которые наняты в качестве приближенных в процессии.

“В *Терсейро-де-Пако*, который может быть так же далек от инквизиции, как Уайтхолл от Темпл-Бара, воздвигнут эшафот, который может вместить две или три тысячи человек; на одном конце сидят инквизиторы, а на другом - заключенные, и в том же порядке, в каком они шли в процессии, те, кто подлежит сожжению, сидят на самых высоких скамьях позади остальных, и которые могут находиться на высоте десяти футов над полом эшафота. После нескольких молитв и проповеди, состоящей из восхвалений инквизиции и инвектив против еретиков, светский священник поднимается на стол, стоящий почти посередине эшафота, и который, сначала приняв все отречения кающихся, которые преклоняют перед ним колени, один за другим, в том же порядке, в каком они шли в процессии, наконец, произносит окончательный приговор инквизиции тем, кто должен быть предан смерти, следующими словами:

“Мы, инквизиторы еретической правды, с согласия самого прославленного *Н.*, сеньора архиепископа лиссабонского, или его заместителя, *М.*, призвали имя своего Господа Иисуса Христа и Его славной матери, Девы Марии, и заседаем в нашем трибунале, и судим, опираясь на лежащие перед нами святыя Евангелия, дабы наш суд был пред очами божьими, и наши очи могли узреть справедливость во всех делах между достопочтенным доктором *Н.*, адвокатом-фискалом. , с одной стороны, и вы, *Н.*, стоящий сейчас перед нами, с другой; мы предопределили, что в этом месте и в этот день вы должны получить свой окончательный приговор. Таким образом, мы настоящим нашим приговором, изложенным в письменной

форме, определяем, объявляем и приговариваем тебя, *Н.*, из города Лиссабона, как осужденного, признавшегося, утвердительного и исповедуемого еретика, и быть переданным нами как таковой светскому суду; и мы этим приговором изгоняем тебя из церковного суда как осужденного, признавшегося, утвердительного и исповедуемого еретика, и мы оставляем и передаем тебя светскому суду и власти светского суда, но в то же время тайм *самым искренним образом умоляю суд смягчить приговор, чтобы не касаться твоей крови и не подвергать твою жизнь какой-либо опасности.*

“Есть ли во всей истории, - спрашивает доктор Геддес, - пример столь грубой и самоуверенной насмешки над Богом и миром, как инквизиторы, искренне умоляющие гражданские власти не предавать смерти еретика, которого они осудили и передали им в руки?” Ибо были ли они серьезны, когда обращались со своим торжественным прошением к светским магистратам, почему они выводят своих заключенных из инквизиции и доставляют их этим магистратам в плащах, разрисованных языками пламени? Почему они учат, что все еретики, прежде всего другие злоумышленники, должны быть наказаны смертью? И почему они никогда не возмущаются тем, что светские власти так мало внимания уделяют их серьезному и совместному прошению, как никогда не забывают сжигать всех еретиков, доставляемых им инквизицией, в течение часа или двух после того, как они попадают к ним в руки? И почему в Риме, где высшая гражданская и церковная власть сосредоточена в одном лице, это ходатайство инквизиции, которое подается там, как и в других местах, никогда не удовлетворяется? Конечно, не обращать внимания на старый канон, который запрещает духовенству марать руку в крови какого бы то ни было человека, было бы гораздо меньшим позором для инквизиции, чем делать вид, что продолжаешь соблюдать этот канон, подавая петицию, которая, как известно, настолько противоречит их принципам и желаниям.

“Как только заключенные попадают в руки гражданского магистрата, на них надевают цепи и они предстают перед глазами инквизиторов; и, будучи сначала доставлены в светские тюрьмы, в течение часа или двух предстают оттуда перед лордом-верховным судьей, который, ничего не зная ни об их конкретных преступлениях, ни о свидетельствах, которые были против них, спрашивает их одного за другим, *в какой религии они намерены умереть?* Если они ответят, что умрут в общении с римской церковью, он приговаривает их *доставить к месту казни и там сначала задушить, а затем сжечь дотла.* Но если они говорят, что умрут в протестантской или любой другой вере, противоречащей римской, он приговаривает их к тому, чтобы *доставить к месту казни и там сжечь заживо.* На месте казни, которое находится в Лиссабоне, в долине Рибера, установлено столько кольев, сколько заключенных подлежит сожжению, и вокруг них набросано большое количество сухой ветки. Колья *исповедуемых*, как называют их инквизиторы, могут быть около четырех ярдов в высоту и иметь небольшую доску, на которой должен сидеть заключенный, в пределах половины ярда от их вершины. Отрицательных и впавших в рецидив сначала душат и сжигают, исповедующие поднимаются по лестнице между двумя иезуитами, которые сопровождали их весь день, и когда они поравнялись с вышеупомянутой доской, они поворачиваются к народу, и иезуиты действительно тратят около четверти часа на то, чтобы увещавать исповедующих примириться с Римской церковью; что, если исповедующие отказываются, иезуиты спускаются, и поднимается палач, и, скинув исповедующих с лестницы на сиденье, приковывает их тела цепями близко к трону. когда его сажают на кол, он покидает их, и иезуиты подходят к ним во второй раз, чтобы возобновить свое увещание, и на прощание говорят им, что они оставляют их дьяволу, который стоит рядом с ними, чтобы принять их души и унести их с собой в пламя адского пламени, как только они

выйдут из своих тел. После этого поднимается громкий крик, и как только иезуиты спускаются с лестницы, раздается крик: "*Пусть собакам отрастят бороды! Пусть собакам отрастут бороды!*", что делается путем прикладывания к их мордам пылающих мехов, прикрепленных к длинному шесту; и это бесчеловечие обычно продолжается до тех пор, пока их лица не будут сожжены до углей, и всегда сопровождается такими радостными возгласами, каких не услышишь ни по какому другому поводу; бой быков или фарс - всего лишь скучные развлечения, которые столь бесчеловечно использует провозглашенный еретик.

После того, как бороды так называемых были сделаны, как они называют это в шутку, огонь подносят к поленнице, которая находится у основания столба и над которой так называемые прикованы цепью так высоко, что верхушка пламени редко достигает выше сиденья, на котором они сидят; и если случается, что дует ветер и которому это место сильно подвержено, он редко достигает их колен; так что, хотя и стоит штиль, так называемые обычно умирают через полчаса после того, как поленница подожжена; однако, если случается, что дует ветер и это место сильно подвержено воздействию ветра, он редко достигает их колен. , если будет ветрено, они после этого не умрут через полчаса или два часа, и поэтому действительно поджариваются, а не сгорают заживо. Но хотя в аду не может быть более прискорбного зрелища, чем это, когда ты соединяешься со страдальцами, пока они в состоянии говорить, выкрикивая: "*Misericordia, por atos de Dios*" (*Милосердие, ради любви к Богу*), тем не менее, люди обоих полов и всех возрастов наблюдают за этим с такой радостью и удовлетворением, каких не встретишь ни в каком другом случае. И чтобы читатель не подумал, что эта нечеловеческая радость может быть следствием естественной жестокости, присущей этим людям, а не духа их религии, он может быть уверен, что нигде насильственная смерть всех общественных преступников, за исключением еретиков, не оплакивается с такой нежностью, как среди тех же самых людей, и даже тогда, когда в способе их смерти нет ничего, что казалось бы бесчеловечным или жестоким.

“В течение нескольких дней после казни фотографии всех, кто был сожжен и которые были сняты с груди, когда их вели к столбу, вывешиваются в церкви Святого Доминго, западный конец которой, хотя и очень высокий, весь увешан подобными трофеями инквизиции, повешенными там в честь Доминика, который, чтобы осуществить мечту своей матери, был первым изобретателем этого суда. Матери Доминика, когда она должна была вот-вот родить, приснилось, что она была рождена не человеком, а свирепой собакой с горящим факелом во рту!”

Чудовищность жестокого фанатизма, столь поистине шокирующая, вполне может потребовать подтверждения самыми неоспоримыми свидетельствами. Это было дано. Письмо преподобного мистера Уилкокса, капеллана английской фабрики в Лиссабоне во времена правления королевы Анны, а впоследствии епископа Рочестерского, в ответ на запрос епископа Бернета, подтверждающее заявления доктора Геддеса от 15 июня 1706 года. Часть его письма выглядит следующим образом: —

“Милорд, повинуюсь приказу вашей светлости от 10—го ультимо, я отправил сюда все, что было напечатано о последнем *аутодафе*. Я видел весь процесс, который согласуется с тем, что опубликовано Лимборчем и другими авторами по этому вопросу. Из пяти осужденных только четверо были сожжены; Антонио Тавансес, благодаря необычной отсрочке приговора, был спасен после процессии. Хейтор Диас и Мария Пинтейра были сожжены заживо, а двое других

сначала задушены. Казнь была очень жестокой. Женщина была жива в огне полчаса, а мужчина - больше часа. Нынешний король и его братья сидели у окна так близко, что человек, который горел, довольно долго обращался к ним в очень трогательных выражениях. Но хотя одолжение, о котором он просил, заключалось всего лишь в еще нескольких вязанках хвороста, все же он не смог его получить. Те, кого здесь сжигают заживо, сидят на скамейке высотой в двенадцать футов, прикрепленной к шесту, и более чем на шесть футов выше хвороста. Ветер был немного свежее, задние части тела мужчины были совершенно опустошены; и когда он повернулся, его ребра раскрылись, прежде чем он перестал говорить, огонь разгорался по мере того, как он угасал, чтобы поддерживать в нем ту же степень тепла. Но все мольбы не могли снабдить его большим запасом дров, чтобы сократить его страдания и отправить на тот свет!"

ГЛАВА XVI.

СОВРЕМЕННЫЕ ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ.

Галилей—Доктор Оробио де Кастро—Граф Олавидес—Беата—Жозеф да Коста.

“Папство неизменно”. Такова профессия его величайших защитников. Они заявляют, что “Святая Римско-Католическая Апостольская Церковь” всегда одна и та же в своем божественном основании, своих принципах веры и своем церковном порядке. Но история, как мы видели, фиксирует длинный ряд изменений в его доктринах и институтах, приспособленных к меняющейся политике его иерархии, которая является антихристианской; и развитие общества в области знаний и религии вынудило соблюдать гораздо большее уважение, чем раньше, к диктату человечества. Отсюда отмена ужасного обычая публично сжигать людей за их религиозные убеждения. Дух нетерпимости и фанатизма, однако, существенен для романизма как системы священнических притязаний; но даже этот дух был сдержан, как явствует из следующих примеров его современных жертв.

1. Галилей, замученный инквизицией.—Галилео Галилей, сын флорентийского дворянина, родился в 1564 году нашей эры. Он стал известным математиком и астрономом в Пизе и Падуе и с помощью своего недавно изобретенного телескопа сделал ценные открытия, так что в 1615 году нашей эры он учил, что солнце, а не земля, является центром нашей системы. Папа и кардиналы сочли это ересью, и он был схвачен инквизицией и осужден как еретик. Он отрекся и был освобожден под обещание больше не оскорблять; но, будучи уверенным в правильности своей науки, он опубликовал в 1632 году от Рождества Христова свои “Диалоги о системе мира Птолемея и Коперника”, когда он был снова арестован и приговорен этим судом к пожизненному заключению, а его книги были сожжены, как будто наука могла нанести вред религии. пытки в тюрьме вынудили его подписать следующее отречение от престола; и, чтобы его смерть не поставила под угрозу инквизицию, он был сослан во Флоренцию. “Я, Галилей, сын покойного Винченция Галилея, флорентинец, в возрасте *семидесяти* лет, находясь здесь лично во время моего судебного разбирательства и стоя на коленях перед вами, наиболее выдающимися и преподобными господами кардиналами, генеральными инквизиторами всемирного христианского содружества против еретической правды, имея перед глазами Святейшие Евангелия, к которым я прикасаюсь своими надлежащими руками, клянусь, что я всегда верил, и сейчас верю, и с Божьей помощью в будущем буду верить всему тому, чего придерживается святая Католическая и апостольская Римская церковь, - говорится в заявлении. проповедуйте и учите. Но поскольку после того, как эта Святая Канцелярия

юридически предписала мне полностью отказаться от этого ложного мнения, согласно которому солнце является центром и неподвижно; и что я не должен ни придерживаться, ни защищать, ни каким-либо образом, ни словом, ни письменно, учить вышеупомянутому ложному учению; и после того, как мне было сообщено, что вышеупомянутое учение противоречит Священному Писанию, я написал и напечатал книгу, в которой я трактую упомянутое учение, уже осужденное, и привожу очень веские доводы в его пользу, не давая никакого ответа на этот вопрос. следовательно, Святая канцелярия судит меня как сильно подозреваемого в ереси, *а именно* в том, что я придерживался и верил, что солнце является центром мира и неподвижно, а земля не является центром, но движется.

“Желая, следовательно, выбросить из головы ваших высокопреосвященств и каждого христианина-католика это яростное подозрение, законно зародившееся против меня, я с искренним сердцем и верой отрекаюсь, проклинаю и ненавижу вышеупомянутые ошибки и ереси и, в целом, все другие заблуждения и секты, противоречащие вышеупомянутой святой церкви; и я клянусь, что в будущем я никогда больше не буду говорить или утверждать, ни словом, ни письменно, ничего, что давало бы повод для подобных подозрений; но что если я знаю какого-либо еретика или человек, подозреваемый в ереси, я сообщу о нем в эту Святую Канцелярию, или инквизитору, или ординарцу того места, в котором я буду находиться. Более того, я клянусь и обещаю, что буду выполнять и полностью соблюдать все епитимьи, которые налагаются или будут налагаться на меня этим Священным Служением. Но если, не дай Бог, случится так, что я какими-либо своими словами буду действовать вопреки своим обещаниям, протестам и клятвам, я подвергаю себя всем наказаниям, которые были предписаны и опубликованы против таких нарушителей священными канонами и другими конституциями, общими и частными. Да поможет мне Бог и Его Святые Евангелия, к которым я прикасаюсь своими собственными руками.

“Я, вышеупомянутый Галилей Галилей, отрекся, поклялся, обещал и обязал себя, как указано выше; и в подтверждение всего этого подписал своей собственной рукой настоящее письмо о моем отречении и повторил его слово в слово в Риме, в монастыре Минервы.

“Я, Галилей Галилей, отрекаюсь, как указано выше, своей собственной рукой”. 22 июля 1633 года.

Галилей, возмущенный своими угнетателями за то, что они вынудили его поклясться в ошибке, поднялся с колен и сказал: “Оно все еще движется!” Перенесенные пытки измучили его, но он прожил семь лет и умер в январе 1642 года нашей эры.

2. Доктор Бальтазар Оробио де Кастро.—Лимборч приводит следующий отчет “о методе пыток и степени их применения в настоящее время в испанской инквизиции”, который он получил от доктора Оробио де Кастро, еврея, около 1680 года нашей эры. Этот выдающийся человек родился в Севилье и стал профессором метафизики в Саламанке и в Севилье, где инквизиция обвинила его в еврейской религии. Это обвинение было выдвинуто его слугой, мавром, который ранее был осужден и выпорот по его приказу за воровство; а впоследствии некий враг снова обвинил его перед этим трибуналом по другому факту, который доказал бы, что он еврей. Но Оробио упрямо отрицал свои еврейские убеждения, и поэтому был замурован в тюрьме инквизиции.

“Я приведу здесь отчет о его пытках, - говорит Лимборч, - так, как я услышал это из его собственных уст. После целых трех лет, которые он провел в тюрьме, и нескольких допросов, и раскрытия ему преступлений, в которых его обвиняли, с целью получения его признания и постоянного отрицания их, его, наконец, вывели из тюрьмы и через несколько поворотов привели к месту пыток ближе к вечеру. Это было большое подземное помещениесо сводчатым потолком и стенами, покрытыми черными драпировками. К стене были прикреплены подсвечники, и вся комната освещалась вставленными в них свечами. В одном конце его было закрытое помещение, похожее на чулан, где инквизитор и нотариус сидели за столом, так что это место казалось ему самым обителью смерти, где все казалось таким ужасным. Здесь инквизитор снова увещевал его признаться во всей правде, прежде чем начнутся его мучения. Когда он ответил, что сказал правду, инквизитор серьезно возразил, что, поскольку он был настолько упрям, что перенес пытки, Святая канцелярия будет невиновна, если он прольет свою кровь или даже скончается в муках. Когда он сказал это, они накинули на его тело льняную одежду и так плотно стянули ее с обеих сторон, что почти сдавили его до смерти. Когда он был при смерти, они ослабили края одежды, и после того, как он снова начал дышать, внезапная перемена повергла его в самые тяжкие мучения и боль. Когда он преодолел эту пытку, было повторено то же самое предостережение, что он сознается во всей правде, чтобы предотвратить дальнейшие мучения. И поскольку он упорствовал в своем отрицании, они так туго перевязали ему большие пальцы маленькими веревочками, что их кончики распухли, а из-под ногтей хлынула кровь. После этого его прислонили спиной к стене и усадили на скамью. В стену были вделаны маленькие железные блоки, через которые были протянуты веревки и обвязаны вокруг его тела в нескольких местах, особенно вокруг рук и ног. Палачи, с большой силой натянув эти веревки, привязали им его тело к стене, так что его руки и ноги, и особенно пальцы на руках и ногах, будучи так крепко связанными ими, причиняли ему самую сильную боль, и ему казалось, что он просто растворяется в огне. В разгар этих мучений палач внезапно выдернул скамью из-под него, так что несчастный повис на веревках, не имея ничего, что могло бы его поддержать, и тяжестью своего тела затянул узлы еще туже. После этого последовал новый вид пыток. Был один инструмент, похожий на маленькую лестницу, сделанный из двух вертикальных кусков дерева и пяти поперечных, заточенных ранее. Палач приставил его к нему и определенным правильным движением с большой силой ударил им по обеим его голеним, так что он получил по каждой из них сразу по пять сильных ударов, которые причинили ему такие невыносимые страдания, что он потерял сознание. После того как он пришел в себя, они подвергли его последней пытке. Палач обвязал веревками запястья Оробио, а затем обвязал веревками его собственную спину, которая была обтянута кожей, чтобы он не причинил себе вреда. Затем, упав навзничь и упершись ногами в стену, он тянул их изо всех сил, пока они не рассекли плоть Оробио до самых костей; и эта пытка повторилась трижды, веревки были привязаны на расстоянии двух пальцев от прежней раны и перетянуты с той же силой. Но случилось так, что, когда веревки натягивались во второй раз, они скользнули в первую рану, что вызвало такое сильное кровотечение, что ему показалось, что он умирает. После этого из соседней квартиры были вызваны врач и хирург, которые всегда наготове, чтобы спросить их совета, можно ли продолжать пытку без смертельной опасности, чтобы церковные судьи не были виновны в нарушении правил, если преступник умрет в своих мучениях. Они, которые были далеки от того, чтобы быть врагами Оробио, ответили, что у него достаточно сил, чтобы выдержать остальную часть пыток; и этим уберегли его от повторения пыток, которые он уже перенес; потому что его приговор состоял в том, что он должен перенести их все одновременно, одну за другой, так что, если в какой-то момент они будут вынуждены прекратить из-за страха

смерти, все пытки, которые уже были перенесены, должны быть применены последовательно, чтобы удовлетворить приговор инквизиторов. По этому решению врача пытка была повторена в третий раз, а затем прекращена. После этого его завернули в его собственную одежду и отвели обратно в его тюрьму; и он едва исцелился от своих ран за семьдесят дней. И поскольку он не признался под пытками, его приговорили, не как осужденного, а по подозрению в иудаизме, носить целых два года печально известную одежду, называемую *Сан-бенито*, а по истечении этого срока - к вечному изгнанию из Севильского королевства. Вернув себе свободу, он поселился в Амстердаме, объявил себя евреем, был обрезан, взял имя Исаак и умер в 1687 году нашей эры”.

3. Граф Д'Олавидес.—Дон Пауль, граф д'Олавидес, был необыкновенным человеком. Он предпринял удобрение Сьерра-Морены, или Черной горы, на которой он основал колонии немцев. Они были протестантами, и он был схвачен как еретик в 1776 году нашей эры. Лимборч говорит: “Жертвой, отмечающей этот период, был знаменитый Олавидес, арест которого приостановил прогресс колонизации Сьерра-Морены. Этот инцидент был вызван теми же причинами, которые способствовали отстранению от должности его защитника (д'Аранда). Обладая подобным духом свободомыслия, который он перенял от модных философов того времени, он был в равной степени оскорблен препятствиями, с которыми сталкивался в своих благотворных замыслах, со стороны предрассудков и институтов Испании. Поскольку большинство колонистов были протестантами, он сопротивлялся всем попыткам их обращения и выступал против попыток заставить их соблюдать обряды католического богослужения. Установив закон, запрещающий монахам находиться в окрестностях поселения, он получил приказ о сносе монастыря и построил на этом месте свой собственный дом. Он часто позволял себе высмеивать праздность и распущенность монахов и слишком вольно отзывался об уменьшении численности населения и других бедах, вызванных безбрачием духовенства.

“Неосторожность Олавидеса пробудила ревность в испанской церкви. Его поведение было тщательно изучено; его дела были отмечены и преувеличены; и против него было выдвинуто официальное обвинение в ереси перед тем трибуналом, который считается оплотом религии. Устранение его покровителя дало полный простор махинациям его врагов. Он был вызван в Мадрид под предлогом представления отчета о находящемся под его опекой учреждении. Предупрежденный об опасности, он предпринял несколько безуспешных попыток заручиться королевской защитой и успокоить хранителей веры; но после того, как он прожил год в столице, он был внезапно арестован и препровожден в тюрьмы инквизиции; его бумаги были изъяты, а имущество конфисковано”. После двух лет непроницаемого уединения процесс над ним был закрыт, и приговор был публично объявлен. Мы приводим отчет об этой церемонии со слов очевидца: -

“*аутодафе* по-прежнему отмечается в трибунале инквизиции с большей или меньшей оглаской, в зависимости от того, какое впечатление предполагается произвести. Огромное количество лиц всех рангов, гражданских, военных и церковных, были приглашены, я бы скорее сказал, вызваны в Святую Канцелярию в восемь часов утра 24 числа прошлого месяца. Все они были в полном неведении о причине, по которой их призвали. Прождав некоторое время в помещении, предназначенном для их приема, они были допущены в трибунал — длинную, темноватую комнату с окнами под самым потолком, обставленную распятием под черным балдахином; столом с двумя стульями для инквизиторов; табуретом для заключенного; двумя

стульями для его охраны; и скамьями для зрителей. Приближенные инквизиции Абрантес, Мора и другие, гранды Испании, присутствовали при этом в качестве слуг, без шляп и шпаг.

Вскоре появился Олавидес в сопровождении своих братьев в черном, вид у него был совершенно удрученный, руки сложены вместе, в руках он держал зеленую свечу. Одет он был в оливкового цвета сюртук, белые холщовые бриджи и нитяные чулки, а волосы были зачесаны назад и собраны в пучок. Он сидел на приготовленном для него табурете. Затем секретари в течение трех часов зачитывали обычные обвинения и судебные разбирательства против него. Они состояли из более чем ста статей, таких как его владение бесплатными книгами, разрозненными картинами, рекомендательными письмами от Вольтера, его пренебрежение некоторыми внешними обязанностями благочестия, произнесение поспешных выражений, его невнимание к изображениям, а также все особенности его жизни, рождения и образования - все это было отмечено. Оно завершилось признанием его виновным в ереси. В этот момент он потерял сознание, но был приведен в чувство, чтобы услышать вынесенный ему приговор. Это было не что иное, как лишение его всех должностей, неспособность занимать какие-либо должности в будущей жизни или получать какие-либо королевские милости, конфискация его имущества, изгнание на тридцать лье от Мадрида, из всех мест королевской резиденции, из Севильи, новой колонии, и Лимы, места его рождения; запрещение ездить верхом или носить золото, серебро или шелк; и восьмилетнее заключение в монастыре и монашеская дисциплина. Из уважения к Святому Яго его ношение креста этого ордена не упоминалось, и он был освобожден от необходимости надевать *Сан-бенито*.

“После оглашения приговора его подвели к столу, где, стоя на коленях, он отрекся от своих ошибок и признал свою безоговорочную веру в догматы римско-католической веры. Затем вошли четыре священника в стихарях и с жезлами в руках. Они неоднократно клали свои волшебные палочки ему на плечи, пока пели “Скрягу”. Затем он ушел из инквизиции.

“Каким бы строгим ни казалось это наказание, все же оно мягкое по сравнению со строгостью, с которой инквизиция ранее расследовала аналогичные преступления. Ничто иное, как личное вмешательство самого монарха и милосердие великого инквизитора, вероятно, не могло бы предотвратить повторения тех ужасных сцен, которые сделали этот грозный трибунал объектом всеобщего ужаса; ибо исповедник и многие из подчиненных ему членов настаивали на необходимости *аутодафе*, в ходе которого Олавидес был бы безошибочно предан огню”.

Олавидес сбежал из монастыря, в котором он был заключен, и удалился во Францию. Там он написал книгу под названием “Торжествующее Евангелие, или обращенный философ”, за которую получил прощение и разрешение вернуться в Испанию.

4. Страдания Беаты.—*Беаты*, или *благословенные женщины*, являются приверженцами римской церкви. Одна из них, дама необычайного благочестия и мужества, погибла на костре инквизиции в Севилье примерно в 1780 году. Она приняла принципы Майкла де Молиноса, римского священника из знатной семьи в Испании, основателя *квиетистов*. Они поместили религию в духовное чувство, в противоположность церемониям, выводя его принципы из Священных Писаний. Молинос опубликовал книгу под названием “Духовный наставник” в Риме в 1675 году н.э., он был заключен в тюрьму инквизицией, осужден как еретик и умер под пытками.

В “Письме испанской инквизиции”, написанном примерно в 1810 году, автор говорит об этой даме: “Заключение Беаты длилось три или четыре года, в течение которых едва ли был хоть один выпускник какого-либо ордена, который, в свою очередь, не предпринял обращение еретички. Заседатели инквизиторов исчерпали все возможности силлогистического искусства, но какой бы закаленной она ни была, она не уступала их мощным аргументам и авторитетам. Бедняжка не осознавала, что ее опасно не убеждать, и дело близилось к завершению. Это произошло, и она настаивала на своем в споре. Трибунал объявил ее упрямой еретичкой и назначил время для *аутодафе*. Едва ли хоть один житель Севильи не пошел посмотреть на это торжественное действо. Это продолжалось с раннего утра до ночи. Преступницу провели, заткнули ей рот кляпом и посадили на осла посреди богословов, которые пытались усмирить ее упрямство новыми доводами и соперничать с толпой в оглушении ее повторяющимися криками “*Вива ла фе*” (да здравствует вера). Ее дело было зачитано с кафедры в главной доминиканской церкви попеременно с непристойностями, выраженными в самых грубых выражениях. Теперь ничего не оставалось, как передать ее светскому судье, чтобы она была наказана смертью. Опровержение, предшествовавшее этому поступку, могло бы спасти ей жизнь, но несчастная фанатичка упорно не хотела этого делать и была выдана. Приближающееся наказание и подавленное настроение, вызванное утомительным днем, заставили ее отказаться от своего упрямства, когда было уже слишком поздно. Она была обращена, к удовлетворению присутствовавших монахов; но наказание не могло быть даже отложено. Она одна добилась в качестве милости, чтобы ее сожгли после смерти; и была *задушена* вечером, среди слез всех набожных душ, которые восхищались благочестивой уловкой, с помощью которой была использована эта возможность отправить ее на небеса, чтобы предотвратить ее повторное впадение в ересь”.

“Вам не составит труда, - говорит автор, - убедить себя, что это произошло всего *тридцать лет* назад. Но помните, что те же законы действуют и сейчас во всей их силе, и что не прошло и года с тех пор, как знаменитый *Кемадеро*, [костер, на котором сжигают преступников], где была изображена эта сцена, был разрушен в Севилье, потому что он стоял на пути укреплений, которые возводились против французов. *Кемадеро*, на котором погибло много тысяч человек и который, несомненно, из-за частых обращений к нему, был построен из прочных материалов, в отличие от других лесов, которые возводятся просто по мере необходимости. Представьте себе, что большая часть людей все еще склонна спокойно взирать на повторение подобных сцен; и скажите мне тогда, можно ли рассматривать инквизицию в том свете, в каком вы ее представляете?

Правда, прошло то время, когда эти сцены демонстрировались ежедневно; когда жертвы стонали в подземных застенках и по ночам оглашали зал трибунала криками, которые исторгали из них пытки; время прошло, хотя и не так давно. Это прошло, хотя восстановление этого зависит от воли трех человек. Это прошло: —тогда к чему вся эта декламация? Предоставьте этот вопрос тем, кто, вынужденный обстоятельствами времени скрывать свои склонности и мнения, облачается в овечьи шкуры, с нетерпением ожидая того дня, когда они смогут отомстить тем, кто вынудил их проявить мягкость и снисходительность. Вы, иностранцы, недавно посетившие Испанию, не имеете возможности составить правильное представление о медленном и бесконечном угнетении, которому подвергается этот трибунал, даже в состоянии его фактического бездействия”.

5. Жозеф да Кошта, Перейра Фуртадо де Мендония. — Да Кошта был уроженцем *Колонии да Сакраменты*, на реке Ла-Плата; но он пострадал от инквизиции в Португалии. В своем “Повествовании” он говорит: “Прошло три или четыре дня после моего прибытия в Лиссабон из Англии в июле 1802 года, когда в мои апартаменты внезапно вошел магистрат и, назвавшись мне, кто он такой, сообщил, что у него приказ изъять все мои бумаги и отвести меня в тюрьму, где я должен был строго держаться в стороне от любых контактов. Я сомневался, был ли он тем человеком, за которого себя выдавал, не только из-за его грубых манер, но и потому, что у него не было ни официального посоха, ни каких-либо других признаков власти; и хотя я знал, что это ошибка, имеющая существенные последствия для магистрата, что это оправдывало меня в том, что я ставил под сомнение его авторитет и рассматривал его просто как нарушителя священного убежища моего жилища, я вежливо пригласил его сесть и попросил показать мне приказ, которым он якобы обладал, или сказать мне, чьими полномочиями он был издан. Затем он показал мне письмо от генерального интенданта полиции, в котором предписывалось мое заключение под стражу, изъятие моих бумаг и что следует предпринять усилия, чтобы найти на мне или около меня какие-нибудь масонские награды. Мотивом этого разбирательства, как указано в *постановлении*, было то, что я был в Англии без предыдущего паспорта.

“Когда я прочитал эту роковую записку, все печальные последствия тюремного заключения обрушились на мой разум, я понимал, что ярость моего преследователя не будет знать границ. Однако у меня хватило хладнокровия заявить этому мирмидону правосудия, что жестокое обращение генерального интенданта, не имея никакой предварительной информации о моем случае, было немалым сюрпризом, поскольку я не только не поехал в Англию без паспорта, но и предварительно получил его у его Королевского Высочества принца Регарда, разрешения на что я испросил, поскольку был нанят на королевскую службу в качестве одного из литературных руководителей королевской типографии, и я не считал уместным покидать королевство безразрешения моего государя; что я не имел права покидать королевство без разрешения моего государя. только получил письменный отпуск в канцелярии государственного секретаря и получил официальный паспорт у министра иностранных дел, но министр финансов поручил мне, по повелению государя, провести некоторые дела, связанные с королевской службой в Лондоне; и что в доказательство этого я могу показать ему официальные письма, некоторые из которых были направлены мне в Лиссабон перед моим отъездом, а другие были пересланы в Лондон после моего прибытия в этот город. Таким образом, я сослался на свое право ожидать, что генеральный интендант полиции должен был быть проинформирован обо всем этом, прежде чем он начал действовать против меня с такой суровостью или выдвинул в качестве причины своего преследования меня обвинение в том, что я уехал в Англию без паспорта.

“Коррехидор, желая показать мне, что в его действиях не было поспешности, обвинил меня в опрометчивости за то, что я думал, что такой превосходный судья, как генеральный интендант, чья честность была равна его знаниям и образованности, взялся бы за дело такой важности без зрелого обдумывания; и он показал мне другое письмо. Интендант полиции приказал ему позаботиться обо всех вещах, которые я мог привезти из Англии, принадлежащих королевской службе, таких как коллекция книг, которые я приобрел для публичной библиотеки Лиссабона, некоторые инструменты, предназначенные для производства в Англии, и некоторые книги и другие вещи, принадлежащие королевской типографии.

“Чтение этого второго письма вызвало во мне чувства, расходящиеся с теми, которые я испытывал по поводу первого; ибо, если мысль о несчастьях, которые мне предстояло испытать,

вызвала в моем уме естественное уныние, то теперь я размышлял о низости душ, которые могли отдавать приказы, столь явно противоречащие друг другу. Это размышление внушило мне такое презрение к приказам и к тем, кто санкционировал их и должен был привести в исполнение, что воспоминание об этом стало немалым утешением для меня во время моих невзгод.

Итак, заключенный в одиночную камеру в тюрьме под названием Лимоэйро, лишенный какой-либо иной компании, кроме общества печальных мыслей, мучимый неуверенностью в своей судьбе и терпя все возможные неудобства, сопутствующие подобным тюрьмам, я оставался там восемь дней; пока однажды ночью тюремщик не пришел в мою темницу и не сказал мне, что у него приказ отвести меня к коррехидору, моему судье, который желает провести необходимые допросы, готовясь к моему суду. Я предстал перед судьей в маленькой комнате тюрьмы, когда попросил его распорядиться об освобождении меня из одиночной камеры. Он заявил, что генеральный интендант полиции имел обыкновение содержать своих заключенных в одиночных камерах в течение нескольких дней, месяцев и лет - фактически, до тех пор, пока он считал это удобным; и что магистраты были предоставлены сами себе, с неограниченными полномочиями расследовать преступления и привлекать виновных к ответственности.

“Прошло шесть месяцев моего одиночного заключения, когда однажды ночью в камеру вошел тюремщик в сопровождении четырех или шести человек. Этот таинственный и абсурдный способ действий дал мне понять, что я отправляюсь в тюрьму инквизиции; событие, которого я давно ожидал. Меня отвели в оковах в карету, где я нашел молчаливым спутником, и, будучи окружен конконюшниками, офицеров инквизиции, который шел со стороны каретки, я была донесена до Санкт-Антон ворота. Там, чтобы никто не догадался, куда я направляюсь, мне приказали выйти и повели по переулку к воротам дворца инквизиции, которые сообщаются с тюрьмой. Затем меня отвели в комнату, где они внесли мое имя в книги, составили опись той немногочисленной одежды, которая у меня была, и спросили меня, есть ли у меня какой-нибудь нож, бритва, ножницы или любой другой инструмент; также, есть ли у меня золото, серебро или драгоценности; и, когда они сказали, что в этом отношении они будут полагаться на мое слово, я предъявил несколько золотых монет, самым глупым образом полагаясь на их утверждение; но как только они получили это и обнаружили, что мне больше нечего предъявить, они начали самый тщательный обыск каждой части моего тела.

“Тюремщик, который для пущего достоинства носит имя *алкайд*, то есть хранитель замка, обратился ко мне почти с небольшой проповедью, рекомендуя мне вести себя в этом респектабельном доме очень пристойно; заявив также, что я не должен шуметь в своей комнате и громко разговаривать, чтобы другие заключенные случайно не оказались в соседних камерах и не услышали меня, с другими подобными инструкциями. Затем он отвел меня в мою камеру, маленькую комнату, 12 футов на 8, с дверью в коридор: в этой двери были две железные решетки, расположенные далеко друг от друга и занимающие толщину стены, которая составляла три фута, а за этими решетками, кроме того, была деревянная дверь; в верхней части этой было отверстие, которое пропускало в камеру позаимствованный свет из коридора, который получал свет из окон, выходящих в узкий двор, но имеющих напротив, на очень небольшом расстоянии, очень высокие стены. В этой маленькой комнате находилось нечто вроде деревянного каркаса без ножек, на котором лежал соломенный матрац, который должен был стать моей постелью; маленький кувшин для воды; и еще одна посуда различного назначения, которую опорожняли только раз в восемь дней, когда я ходил на мессу в личную часовню заключенных. Это была единственная возможность подышать свежим воздухом в

течение такого периода; и они устроили семь отделений в часовне таким образом, что заключенные никогда не могли видеть друг друга или знать, скольким из них была оказана милость пойти на мессу. Наверху камера была сводчатой, пол был кирпичным, а стена - каменной и очень толстой. Вследствие этого зимой в этом помещении было очень холодно и так сыро, что очень часто решетки покрывались каплями воды, похожими на росу; и моя одежда в течение зимы постоянно пропитывалась влагой. Таково было мое жилище в течение почти трех лет!

“На следующий день после моего поступления в эти тюрьмы тюремщик пришел в девять часов с другим надзирателем и сказал, что я должен сопровождать его на слушание моего дела лордом-инквизитором, назначенным святым трибуналом моим судьей, и тем, кого они называют репортером дела, которым оказался первый инквизитор и президент малого совета, Мануэль Станислао Фрагозо. Приветливость, с которой этот священник отнесся ко мне, когда я впервые заговорил с ним, не ослабевала во время моего заключения, за исключением одного или двух случаев, когда он выходил из себя.

“Я должен признать, в назидание другим, что моя детская доверчивость в надежде найти в Святой канцелярии кротость, милосердие или оперативность в ходе моего судебного разбирательства не имела под собой никакой другой основы, кроме популярных слухов во всех уголках Португалии, что Святая канцелярия сильно изменилась и теперь не практикует тех жестокостей, которые совершала раньше. Инквизитор находился в комнате для аудиенций с другим священником, который выполнял обязанности секретаря, или, как они это называют, нотариуса, и он начал допрос, во-первых, с выяснения моего имени, происхождения и места рождения; затем, применял ли ко мне какое-либо насилие фамильяр, доставивший меня в тюрьмы Святой Канцелярии; или знал ли я причину, которая привлекла ко мне внимание инквизиции. Затем он заметил мне, что я предстал перед самым справедливым и милосердным судом на земле; но чтобы получить его милость и прощение за мои преступления, было необходимо, чтобы я по своей собственной воле и согласию признался во всех преступлениях, в которых я был виновен, не скрывая своих сообщников, мошенничества или каких—либо других обстоятельств, и что это признание должно быть немедленным; потому что настоящее время было самым благоприятным моментом для заключенного инквизиции - ибо, признайся я впоследствии в том, что я мог отрицать вначале, мягкость трибунала была бы совсем иной.

“Я ответил инквизитору, что, будучи впервые заключен в тюрьму полицией на том основании, что отправился в Англию без паспорта, хотя меня не допрашивали по этому поводу, а только в отношении моего вступления в орден франкмасонства, я пришел к предположению, что то, что я франкмасон, было причиной моего суда инквизиции. Если, действительно, это было преступление, в котором меня обвиняли, я был склонен признаться в нем, не только потому, что это было правдой, что я был масоном, но и с целью, чтобы я мог получить милосердие, которое он, инквизитор, обещал мне; но если я ошибся в своем предположении, и преступление, в котором меня обвиняли, было другим, я умолял, чтобы мне раскрыли его природу, и я ответил бы на обвинение, как это будет необходимо. Инквизитор ответил, что он не мог поступить иначе, как похвалить мою похвальную решимость признаться в своих преступлениях; но его долгом было снова предостеречь меня (и он сказал это с большой долей очевидного милосердия), что я должен тщательно изучить свою совесть и не оставить ничего невысказанным из всего, что я сделал в любой период моей жизни; что я совершил преступления, которые были подсудны этому святому трибуналу, и что я был обвинен в них и донесен на этот счет; что я должен

помнить его рекомендацию, что признание в моих преступлениях было чрезвычайно важно для очищения от моей совести; за спасение моей души и успешное завершение моего дела; и чтобы он, оказав мне услугу, отправил меня обратно в мою одиночную тюрьму, чтобы у меня было время разобраться со своей совестью. Я сказал ему, что величайшая возможная услуга, которую он мог мне оказать, заключалась в том, чтобы ускорить мое дело; ибо проведя более шести месяцев в тюрьме, где мне не разрешалось ни с кем общаться, мое здоровье было настолько серьезно подорвано, что все, чего я хотел, это получить приговор, чтобы освободиться от моего тягостного положения и неизвестности; и каким бы строгим ни был этот приговор, по моему мнению, он всегда был бы предпочтительнее, чем нахождение в одиночной камере при обстоятельствах, которые могли привести только к неизбежной гибели, чего следовало опасаться еще больше, поскольку я буквально по дюймам медленно умирал. мучения.

Затем я был немедленно отправлен в мою тюрьму; и тюремщик пришел сообщить мне, что доброта лордов инквизиторов простирается настолько далеко, что они распорядились, чтобы мне, помимо обычного рациона, давали немного кофе на завтрак и, учитывая состояние моего здоровья, ежедневную порцию вина. Обычная норма, о которой он говорил, составляла полфунта вареного мяса — кости входят в вес этих полфунта, и в некоторые дни эта норма очень мизерна — несколько ложек риса, чашка подливки и немного хлеба. Единственные люди, которым разрешен какой-либо доступ к заключенному или которые могут видеть его и говорить с ним, — это тюремщик и четверо охранников, называемых ‘верными заключенного’, которые водят заключенного взад и вперед перед аудиторией и в то же время являются палачами, применяющими пытки. Эти охранники также обслуживают заключенных и приносят им все, что они хотят, — например, еду, воду и тому подобное. Но здесь необходимо отметить, что эти охранники, собственно говоря, шпионы, приставленные к заключенному, чтобы наблюдать за всем в тюрьмах и сообщать инквизиторам не только то, что они могут получить, подслушивая разговоры заключенных, но и то, что они могут видеть через маленькие отверстия, которые они проделывают в потолке, прямо по углам камер”.

Таким образом, Да Кошту продержали в тюрьме три года, в течение которых его мучили повторными допросами, но приговор ему не был вынесен. Обнаружив, что его здоровье ухудшается, он принял отчаянное решение попытаться сбежать из тюрьмы; и, к счастью, ему это удалось, и он наконец добрался до Англии. Рассказ о его страданиях в инквизиции побудил его друзей попросить его рассказать о них общественности; и поэтому он опубликовал в Лондоне “Рассказ о своих преследованиях” в 1811 году.

ГЛАВА XVII.

БРИТАНСКИЕ ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ.

Уильям Литгоу—Элизабет Васконеллос—Джон Кустос—мистер Бауэр.

Испанский и португальский фанатизм не мог быть удовлетворен принесением в жертву местных подданных. Местная инквизиция обрушилась на беспомощные народы других стран, которых Провидение, время от времени, оказывало в ее власти. Предотвратить их страдания не всегда было во власти иностранных правительств; и даже британские подданные страдали от этого ужасного суда. Ужас перед именем Оливера Кромвеля, лорда-протектора Англии, вынудил

инквизиторов освободить английского консула Томаса Мейнарда и воздать ему почести. (См. Главу XI.) Но сколько людей было замучено и убито прикрываясь инквизицией, мы не сможем установить до судебного дня. Однако можно привести несколько случаев таких страдальцев, чтобы еще больше проиллюстрировать нетерпимость и жестокость папства.

1. Уильям Литгоу. Уильям Литгоу был шотландским джентльменом, и во время пешего путешествия по Европе он прибыл в Малагу, в Испании, в 1620 году, когда его задержали как шпиона, связанного с английским флотом, находившимся тогда в этом порту. О его жестоком обращении со стороны губернатора и его страданиях в инквизиции лучше всего можно судить по его собственным словам, следующим образом: —

Узнав, что меня тайно заключают под стражу во дворце губернатора, вошел господин сержант и попросил у меня денег и разрешения на обыск; получив свободу, он нашел в моих карманах одиннадцать филиппо или дукатов; а затем, раздев меня у них на глазах, вплоть до рубашки, и, обыскав мои штаны, он нашел в вырезе моего камзола, крепко заткнутого между двумя полотнищами, сто тридцать семь двойных золотых монет. После чего коррехидор встал и, пересчитав мои золотые, которых оказалось пятьсот сорок восемь дукатов, сказал сержанту: ‘Оденьте его снова и запирайте там, в шкафу, до окончания ужина’. Тем временем сержант раздобыл одиннадцать дукатов серебра, а моим золотом, которое должно было доставить меня в Эфиопию, губернатор завладел; впоследствии он выделил из него двести крон на новое основание тамошнего монастыря капуцинов, а остальное, то есть триста сорок восемь дукатов, приберег для своих корыстолюбивых целей.

Сделав это, и наступила полночь, сержант и два турецких раба, выпустив меня из нижней комнаты, провели по определенным восходящим коридорам в комнату прямо над его летней кухней; где сержанты и два раба прикрепили к каждой щиколотке по тяжелому засову, при этом мои ноги могли двигаться в полную силу с помощью крепкого железного стержня длиной гораздо больше ярда; на концах которого висели два засова, которые были закреплены вокруг моих ног; так что я никогда не мог ни сесть, ни ходить, ни встать, ни повернуться, а постоянно лежал на спине. два утюга были в три раза тяжелее моего тела. Они оставили меня со словами утешения, а стрейт вернулся с едой: фунтом вареной баранины, пшеничным хлебом и небольшой пинтой вина, которое было первым, лучшим и последним такого рода, которое я когда-либо получал в этом печальном особняке. Сержант оставил меня, и я больше не видел его до тех пор, пока не увидел еще более неприятное зрелище, он приказал рабам, чтобы после того, как я утолю свой неудовлетворенный аппетит, они заперли дверь и отнесли ключи Арете, испанке, хранительнице серебряной посуды. На следующий день комендант вошел в мою тюрьму один, умоляя меня признаться, что я шпион, и он был бы моим другом и добился бы моего помилования; при этом я не должен испытывать недостатка ни в чем необходимом. Но я все еще доказывал свою невиновность, и он гневно поклялся, что я больше не увижу его лица, пока тяжкие муки не заставят меня сделать это; и, оставив меня в ярости, он слишком хорошо заметил свое состояние.

Но при этом, как я слышал, он приказал Арете, чтобы никто не приближался ко мне, кроме рабыни, и чтобы мне не давали никакой еды, кроме трех унций черного хлеба с сахарной пудрой каждый второй день и фулето, или английскую пинту воды, и чтобы мне не давали ни кровати, ни подушки, ни покрывала. ‘И заделайте,’ сказал он, ‘это окно в его комнате известью и камнем; заткните отверстия в дверях двойными циновками, повесьте на него еще один замок; и чтобы

лишить его видимого и осязательного утешения, пусть рядом с ним не слышно ни языка, ни шагов, пока я не завершу свои замыслы. А тебе, Хейзер, я приказываю при твоём появлении не вступать с ним в переговоры и при твоих отъездах за границу не сообщать о нём английским факторам, поскольку ты ответишь ценой своей жизни и самыми страшными пытками, какие только можно придумать'. Эти указания были выполнены, и, увы! слишком соучастная в этом представлении, моя комната превратилась в темную тесную темницу, мое тело - в анатомию безжалостного голода, мой неуютный слух - вместилище звенящих колоколов, мой глаз, жаждущий света, отвратительно томящийся отчаянием, а мое распростертое на земле тело - в печальное зеркало несчастий, каждый час желающее прихода другого, каждый день - ночи и каждую ночь - утра. Мое тело стало слабым и немощным до такой степени, что губернатор, получив ответы из Мадрида, поспешил привести в исполнение свой кровавый и безжалостный план до рождественских праздников, чтобы до истечения двенадцатого дня я не умер от голода и не смог пройти испытание, не погибнув при этом. С Божьего соизволения, на сорок седьмой день после моего первого заключения и за пять дней до Рождества, около двух часов ночи, я услышал шум кареты на улице; через некоторое время я услышал, как открылись замки на двери моей тюрьмы; после чего, вверив свою душу Богу, я смиренно умолял его о милосердии и прощении моих грехов; ибо ни прошлой ночью, ни этой я не мог уснуть, такова была сила моего голода и тяжесть на моей предчувствующей душе.

Тем временем девять сержантов в сопровождении скривана молча вошли в комнату и, вынеся меня оттуда, положили на спину в карету, где двое из них сели рядом со мной. Прибыл Баптиста, кучер, негр-индеец, и меня отвезли на запад, почти за лигу от города, к стоявшему отдельно виноградарскому цеху, где меня заперли в комнате до рассвета, потому что дыбу привезли накануне вечером. Вся эта секретность была использована для того, чтобы ни англичане, ни французы, ни фламандцы не увидели и ничего не узнали о моем судебном процессе, моих тяжких пытках и ужасном отправлении. На рассвете пришли губернатор, дон Франсиско и алькайда, и я, приглашенный к ним, умолял о переводчике, на что они категорически ответили отказом; они также не потерпели бы и не предоставили бы мне назначение в Мадрид. После новых допросов с утра до глубокой ночи, обнаружив, что мои первое и второе признания сливаются в одно, губернатор поклялся: "Возможно ли, чтобы он в таком отчаянии и так долго соблюдал, так строго, во всех отношениях, пункты своего первого признания?"

Допрос губернатора и мое признание были взаимно подтверждены, и они с доном Франсиско горячо умоляли меня вовремя признать свою вину, говоря: 'Ты все еще в моей власти, и я могу пощадить тебя, при условии, что ты признаешь себя шпионом и предателем нашей нации'. Но, убедившись, что я твердо стою на своем в своей безупречной невинности, он, оскорбительный и злобный, после множества ужасных угроз, приказал писцу составить ордер для верховного судьи; когда это было сделано, он приложил к этому руку и, взяв меня за руку, передал меня и ордер в руки алькайдо-майора, чтобы его пытали, ломали и жестоко истязали. После чего, когда меня отвели в конец каменной галереи, где была установлена дыба, энкарнадор, или мучитель, начал снимать с меня кандалы, которые он долго не мог снять, после чего оскорбленный верховный судья отбил болтом более дюйма моей пятки; после чего я тяжело застонал, будучи чрезвычайно слабым, и без моих трех унций хлеба и небольшого количества воды в течение трех дней подряд, алькайд сказал: "О, предатель, все это не что иное, как залог моего спасения". у вас в руках более выгодная сделка!"

После этого алькаид и скриван, оба сидевшие на стульях, один для допроса, другой для записи моего признания и пыток, раздели меня догола, подвели к дыбе и водрузили на нее; где вскоре после этого меня подвесили за голые плечи на двух маленьких веревках, которые проходили у меня под мышками и натягивались на два железных кольца, прикрепленных к стене над моей головой. Затем, когда меня подняли на назначенную высоту, мучитель спустился ниже и, просунув мои ноги через две стороны трехпалубной решетки, обвязал веревкой каждую мою лодыжку; а затем, взобравшись на решетку, он потянул веревку вверх и с большой силой прижал оба моих колена к двум доскам, отчего сухожилия двух моих окороков разорвались на части, а колени были раздавлены, и веревки крепко затянуты, я провисел так в течение большого часа. Наконец, когда энкарнадор сообщил губернатору, что у меня на правой руке знак Иерусалима, соединенный с именем и короной короля Якова и нанесенный на святую могилу, коррехидор отдал приказ разорвать имя и корону, как он сказал, этого короля-еретика и заклятого врага святой католической церкви. Затем мучитель, положив правую руку поверх левой и макушкой вверх, перекинул веревку через обе руки, семь раз подряд; а затем, лежа на спине и поставив обе ноги на мой впалый сжатый живот, он атаковал и яростно тянул руками, заставляя мою утробу поддерживать силу его ног, пока несколько веревок не соединились в одном месте моей руки; и, разрезав макушку, сухожилия и плоть до голых костей, он втянул мои пальцы близко к ладони; левая рука, которая все еще хромает, так сильно, что я не могу двигаться. и так будет всегда.

Теперь мои глаза начали заслезиться, изо рта пошла пена, а зубы застучали, как при удвоении барабанных палочек. О странная бесчеловечность людей-чудовищ-калек! превышение пределов их национального закона; шестьдесят пыток - это суд над государственной изменой, который я испытал и должен был вынести; и все же таким образом я нанес семикратный избыток более невыносимых жестокостей; и, несмотря на то, что мои дрожащие губы в этой огненной страсти, мои неистовые стоны и кровь, хлещущая из моих рук, ломали сухожилия, окорока и колени, да, и мой зависящий вес от веревок, режущих плоть, все же они били меня дубинками по лицу, чтобы утихомирить и прекратить грохочущий шум взрыва. мой борцовский голос. Наконец, освободившись от этих вершин боли, я был, крепко держась за руки, опущен на пол с их мольбами: 'Сознайся, сознайся, сознайся вовремя, ибо за этим последует твое неизбежное'; когда, не найдя от меня ничего, кроме того, что я по-прежнему невиновен: 'О, я невиновен; о Иисус! Агнец Божий, смилуйся надо мной и укрепи меня терпением перенести это варварское убийство".

Затем, по приказу судьи, мое дрожащее тело было уложено сверху и вытянуто в длину, лицом к дыре, головой вниз, заключенное в круглое отверстие, животом вверх, к верху дыры; мои ноги и руки были разведены в стороны и прикреплены булавками и веревками к обеим сторонам внешних досок, ибо теперь мне предстояли величайшие мучения.

Теперь, когда алькаид дал поручение, палач накинул веревку на икру моей ноги, затем еще одну на середину моего бедра; и третью веревку на большую часть моей руки, которая была проделана по отдельности с обеих сторон моего тела, пропустив концы веревок из шести разных мест через отверстия, проделанные во внешних досках, которые были прикреплены к булавкам, а булавки были закреплены с помощью специального приспособления: ибо он должен был нанести удар по внешней стороне досок таким количеством булавок, сколько будет отверстий и веревок, причем веревки сначала накладывались рядом с моей кожей; и на каждую из этих шести частей моего тела я должен был получить семь различных пыток, каждая пытка

состояла из трех закручивающих бросков каждой булавки, что составило двадцать один бросок в каждую из этих шести частей. Затем мучитель, неся горшок, полный воды, на дне которого была дырочка, придержал большим пальцем, пока вода не дошла до моего рта, и все-таки вылил ее мне в живот; мерой была английская кастрюля. Первую и вторую услуги я принял с радостью, такова была обжигающая засуха моей мучительной боли, а до этого я ничего не пил в течение трех дней. Но при третьей атаке, восприняв эти порции воды, применяемые ко мне как пытку, я закрыл рот; после чего разъяренный алькаид разломал мне зубы парой железных кувшинов, после чего мой переполненный голодом живот раздулся, стуча как барабан; поскольку это была удушающая боль, из-за того, что моя голова свисала вниз, и вода с трудом текла мне в горло, она душила и перекрывала дыхание от воя и стонов.

“Между каждым из этих семи круговых обвинений меня всегда перепроверяли полчаса; каждые полчаса - ад адской боли; а между каждым мучением - долгий отрезок времени, лишаящий жизни. Так пролежал я шесть часов на дыбе, между четырьмя часами дня и десятью часами вечера, после того как мне причинили шестьдесят семь мучений. Тем не менее, они продолжали меня еще добрых полчаса, после всех моих пыток, при полном сгибании, когда все мое тело было залито кровью и прорезано насквозь, до раздробленных и ушибленных костей; я жалобно ревел, выл, пускал пену и скрежетал зубами, издавая невыносимые крики, прежде чем боли прекратились и мое тело освободилось. Это правда, это превосходит способность человека либо здраво постичь, либо меня терпеливо выразить невыносимую тревогу ума и телесные страдания, которые я пережил в то ужасное время. Наконец, когда их руки подняли мою голову, а мое тело сняли с дыбы, изо рта у меня обильно полилась вода; затем они снова одели мое разбитое, окровавленное, холодное и дрожащее тело, поскольку все это время я был совершенно обнажен, я дважды впадал в звучащий транс; который они снова освежили небольшим количеством вина и двумя теплыми яйцами — не из милосердия, а чтобы я был прибережен для дальнейшего наказания; и если бы не было хорошо известно, что эти страдания настоящие, многим показалось бы почти невероятным, что человек, униженный такими жестокими поступками, может быть убит. изнуряющий голод и крайняя жестокость могли бы продержаться дольше, сохранив жизнь.

И вот, наконец, они надели на мои сломанные ноги мои прежние пугающие глаза кандалы и отнесли меня в карету, а затем тайно доставили в мою бывшую темницу, не имея никаких сведений о городе, кроме моих незаконных и безжалостных мучителей. Я лежал, высоко подняв голову и пятки, на своих прежних камнях. В конце этой горестной ночи бедный скорбящий турок Хейзер был послан стеречь меня; а на следующее утро комендант вошел в мою комнату, угрожая мне еще большими пытками, чтобы я признался; и так он заставлял меня каждое утро думать, что меня снова будут пытать, заставляя признаваться во лжи; и так продолжалось каждый день в течение пяти дней до Рождества.

“На Рождество Марина, камеристка, получила разрешение навестить меня, и со своей вольностью она пролила много слез, преподнесла мне также блюдо с медом, сахаром, какими-то сладостями и изюмом в большом количестве, к моему немалому утешению, помимо того, что произнесла много сладких речей в утешение. Истек двенадцатый день Рождества, и они начали угрожать мне еще большими пытками, вплоть до Сретения Господня. Все это безрадостное время я был прискорбно поражен звериной напастью грызущих паразитов, которые комками ползали внутри, снаружи и вокруг моего тела; да, гроздьями обвисали на моей бороде, губах, ноздрах и бровях, почти закрывая мне зрение. И для большего удовлетворения их безжалостных

умов, губернатор позвал Арету, свою хранительницу серебряных тарелок, чтобы она дважды за восемь дней собрала и вымести на мне паразитов, которые замучили меня почти до смерти, будучи вечным наказанием; тем не менее, бедный неверный несколько раз, когда предоставлялась возможность, крал ключи у Ареты, а около полуночи входил в мою комнату с палками и горящим маслом и, собрав их в кучи, сжигал большую часть, к моему великому освобождению; или, несомненно, я был с несчастным видом съеден ими”.

Более дьявольскую жестокость, по-видимому, трудно себе представить, чем та, что была применена к этому несчастному шотландцу. И все же его сохранили для еще больших страданий. Ибо, находясь теперь во власти инквизиторов, они делали вид, что беспокоятся о спасении его души; и поэтому они умоляли его обратиться в римско-католическую веру, чтобы он мог избежать приговора к сожжению на костре как еретик. Когда инквизитор допросил его о его трудностях, ошибках и неверии, Литгоу ответил, подобно северному британцу, которого учит Библия, что “он был уверен в обетованиях нашего Спасителя, веря богооткровенным доктринам Евангелия, исповедуемым реформированной католической церковью; что, будучи подтвержденным благодатью, он обладал непогрешимой уверенностью в своей собственной душе в истинном слове Христа”. “На эти слова, ” как замечает Литгоу, “ он ответил: ‘Ты не христианин, а абсурдный еретик и, не обратившись, обречен на гибель’. На что я ответил: ”Преподобный сэр, природа милосердия и религии не заключается в оскорбительных речах; а потому, если вы хотите обратить меня, как вы говорите, убедите меня аргументами; если нет, то все ваши угрозы костра, смерти или мучений не заставят меня уклониться от истины слова Божьего в Священном Писании”, После чего безумный инквизитор ударил меня ногой по лицу, осыпая множеством ругательств; и если бы иезуиты не перехватили его, он пырнул бы меня ножом. ; где, когда меня уволили, я его больше никогда не видел”.

Еще одна беседа с инквизитором так же мало повлияла на Литгоу; он не сделал никакого признания, и его приговорили к повторным пыткам. Поэтому он говорит: “В ту ночь я был приговорен подвергнуться одиннадцати пыткам удушением в своей темнице; а затем, после пасхальных каникул, меня должны были тайно перевезти в Гранаду и там около полуночи сжечь, превратив тело и кости в пепел, а мой прах развеять в воздух. Итак, в ту же ночь писарь, сержанты и молодой английский священник вошли в мою унылую тюрьму, где священник на английском языке, уговаривая меня изо всех сил, хотя он мало что мог сделать, и не уговаривая, снял с меня кандалы, раздел до нитки, поставил на колени и крепко держал их руками; где, мгновенно разорвав мне зубы железными скобами, они наполнили мой живот водой, набрав ее даже до горла; затем они крепко связали мне горло подвязкой, пока я не почувствовал, что у меня болит горло. белок моего глаза поднялся кверху; когда меня уложили на бок, два сержанта семь раз прокатали взад и вперед по комнате, пока я чуть не задохнулся. Сделав это, они обвязали по маленькой веревочке вокруг каждого из моих больших пальцев на ногах и, подняв меня с их помощью на крышу высокого чердака (потому что веревки соединялись в два кольца, закрепленных наверху), перерезали подвязку, и там я висел головой вниз, испытывая мучительную тяжесть, пока вся хлещущая вода не растворилась. Покончив с этим, я был спущен с чердака совершенно без чувств и долгое время лежал холодным мертвецом у них на руках; узнав об этом, губернатор взбежал по лестнице с криком: ‘Он мертв? О тьфу, негодяи, принесите мне вина!’ - которое они влили мне в рот, восстановив таким образом слабое дыхание.

“Эти удушающие муки прекратились, и я снова оделся и быстро заперся на задвижку, они оставили меня лежать на холодном полу, восхваляя моего Бога и распевая псалом. На

следующее утро жалкий турок, навестивший меня с хлебом и водой, принес мне также тайком, в рукаве своей рубашки, две пригоршни изюма и инжира, положив их на пол, среди ползающих паразитов; поскольку я не пользовался оружием, голод и нехватка времени заставляли меня слизывать одно с другим языком. Эту милостыню из инжира раб делал раз в неделю или две, иначе я долго умирал с голоду”.

Случай мистера Литгоу каким-то образом стал известен английским факторам в Малаге; и поэтому они немедленно объединились с консулом в обращении к королю и совету Испании. Их ходатайство было удовлетворено, и губернатору был выдан ордер на освобождение несчастного узника. Его великодушные друзья приняли раненого исповедника, отнесли к нему с добротой и обеспечили ему проезд в Англию на военном корабле в 1621 году. Когда о его деле стало известно при дворе, его посетили многие представители знати и король Яков I. Который приказал отправить его к испанскому послу, находившемуся в то время в Лондоне. Этот вельможа пообещал, что ему будут возвращены деньги и ценности, которые были отобраны у него в Малаге, а также компенсация за травмы, которые он получил в тюрьме. Эти заверения, однако, не были соблюдены; и мистер Литгоу, упрекнув посла в том, что тот обманул его и, как некоторые говорят, ударил его, поддавшись на провокацию, был заключен на несколько месяцев в тюрьму Маршалси в Лондоне.

2. Элизабет Васконеллос. Эта дама, освобожденная от инквизиции в Лиссабоне, дала следующие показания в декабре 1706 года:

“Элизабет Васконеллос, находящаяся сейчас в городе Лиссабоне, 10 декабря 1706 года в присутствии Джона Милнера, эсквайра, генерального консула ее величества в Португалии, и Джозефа Уиллокса, управляющего английской фабрикой в Лиссабоне, заявляет и свидетельствует:

Что она родилась в Арлингтоне, в графстве Девон, и была дочерью Джона Честера, эсквайра, воспитанного в Англиканской церкви; и на одиннадцатом году ее жизни ее дядя Дэвид Морган из Корка, намеревавшийся уехать и поселиться на Ямайке в качестве врача, с согласия ее отца, у которого было несколько детей, взял ее с собой, чтобы обеспечить ее.

В 1685 году они плыли на английском корабле, и недалеко от острова на них напали два турецких корабля; в бою был убит ее дядя, но корабль благополучно добрался до Мадейры, и она, хотя и осталась без средств к существованию, была угощена мистером Бедфордом, купцом-антоном, с которым и другими англичанами она жила в качестве служанки до 1696 года. В том же году капеллан английского военного корабля выдал ее замуж за Кордосу Васконеллосу, врача с этого острова, и она прожила с ним восемь лет, но так и не приняла римской церкви.

“В 1704 году, когда ее муж отправился в путешествие в Бразилию, она опасно заболела, и, поскольку у нее кружилась голова, священник причащал ее, как ей сказали впоследствии, поскольку она ничего об этом не помнила. Богу было угодно, чтобы она выздоровела, и тогда они сказали ей, что она сменила религию и должна подчиниться римской церкви, которую она отрицала и отказывалась подчиняться; и после этого епископ этого острова заключил ее в тюрьму на девять месяцев, а затем отправил пленницей инквизиции в Лиссабон, куда она прибыла 19 декабря 1705 года. Секретарь палаты представителей забрал ее вещи, всего более 500 фунтов стерлингов; затем ее поклялись, что это все, чего она стоила, а затем поместили в

тесную темную комнату площадью около пяти квадратных футов и продержали там девять месяцев и пятнадцать дней.

“ Что первые девять дней у нее были только хлеб и вода и мокрая соломенная подстилка, на которой она могла лежать. На девятый день, будучи допрошенной, она признала себя протестанткой и будет продолжать в том же духе; ей сказали, что она приняла римскую церковь и должна упорствовать в ней или сгореть; затем ее отвели в ее комнату, а по прошествии месяца снова вывели, и, настаивая на своем ответе относительно ее религии, они связали ей руки за спиной, раздели догола и довольно долго хлестали плетью из веревок с узлами, а потом сказали ей, что она должна преклонить колени перед судом и поблагодарить за их милосердное обращение с ней, а также за то, что они не изменили ей. что она категорически отказалась делать.

Через пятнадцать дней ее снова вывели и допросили, и перед ней поставили распятие, ей было приказано поклониться ему, что она отказалась сделать, ей сказали, что она должна ожидать, что ее предадут огню и сожгут вместе с евреями на следующе*маутодафе*, которое было уже близко; после этого ее снова отправили в тюрьму на тридцать дней, а когда ее вывели, приготовили раскаленный докрасна утюг и поднесли ей в жаровне с горящими углями, после чего ее отправили в тюрьму. когда ей вскрыли грудь, палач одним концом раскаленного докрасна железа, которое было величиной с большого тюленя, прожег ее до кости в трех местах на правом боку, одно сильно за другим, а затем отправил ее в тюрьму без какого-либо бинта или другого применения, чтобы залечить язвы, которые причиняли ей сильную боль.

Через месяц после этого ее подвергли еще одной жестокой порке, как и в прошлый раз; а в начале августа ее привели к столу, на котором присутствовало большое количество инквизиторов, и допросили, будет ли она исповедовать римскую религию или сожжена. Она ответила, что всегда была протестанткой и являлась подданной английской королевы [Анны], которая могла защитить ее, и она сомневалась, что не сделала бы этого, если бы англичанам, проживающим в Лиссабоне, было известно о ее состоянии; но поскольку она ничего об этом не знала, ее решение состояло в том, чтобы продолжать быть протестанткой, даже если бы ее за это сожгли. На это они ответили, что то, что она подданная английской королевы, ничего не значит во владениях короля Португалии; что англичане, проживающие в Лиссабоне, еретики и, несомненно, будут прокляты; и что милосердие этого трибунала состоит в том, чтобы попытаться спасти ее из адского пламени; но если она решит скорее сгореть, чем исповедовать римскую религию, они заранее подвергнут ее испытанию. Соответственно, офицерам было приказано усадить ее на стационарный стул и связать ей руки и ноги, чтобы она не могла ни сопротивляться, ни двигаться; и к ней приставили врача, чтобы он указал суду, как долго они могут пытаться ее без опасности для жизни, ее левую ногу обнажили, и немедленно принесли железную туфлю, раскаленную докрасна, в нее была вделана ступня, которая продолжала обжигать ее до костей, до тех пор, пока из-за сильной боли она не потеряла сознание, и врач, заявивший, что ее жизнь в опасности, они сняли ее и приказали надеть железную туфлю, которая продолжала обжигать ее до костей., до тех пор, пока из-за сильной боли она не потеряла сознание, и врач, заявивший, что ее жизнь в опасности, они сняли ее и приказали ее снова отправили в ее тюрьму.

“19 августа ее снова вывели и жестоко выпороли, и вся ее спина была разорвана; и ей угрожали все большими и большими пытками, а с другой стороны, обещали выпустить на свободу, если

она подпишет такую бумагу, какую они ей дадут, хотя она могла бы умереть, но не будучи в состоянии вынести жизнь, полную таких страданий, она согласилась подписаться так, как они от нее хотели, и соответственно, как ей было указано, написала внизу большого листа бумаги, в котором содержалось неизвестно что; после чего они посоветовали ей избегать общества всех английских еретиков, и, не вернув ей ничего из всей посуды, товаров или денег, которые она привезла с собой, и взяв с нее клятву хранить в тайне все, что с ней было сделано, выставили ее за дверь, лишенную всякого облегчения, кроме того, что она получила от помощи и сострадания милосердных христиан.

“Вышеупомянутая Элизабет Васконеллос торжественно подтвердила и заявила, что вышеуказанные показания соответствуют действительности в указанный выше день и год.

“Джон Милнер“,
Джозеф Уилкоккс.

“Лиссабон, 8 января 1707 г., Северная Каролина”

3. Джон Кустос. — мистер Кустос, сбежавший от инквизиции, опубликовал рассказ о своих страданиях вскоре после возвращения в Англию в 1744 году. Из его рассказа вкратце приводится следующее:—

“Я уроженец Берна в Швейцарии и гранильщик. В 1716 году мой отец приехал и поселился в Лондоне; и, прожив в этом городе двадцать два года, я отправился в Париж, чтобы работать в галереях Лувра. Через пять лет после того, как я переехал в Лиссабон в надежде отправиться в Бразилию, чтобы разбогатеть; но король Португалии, узнав о моем умении обращаться с бриллиантами, отклонил мое прошение, сочтя неподобающим допускать иностранного гранильщика в страну, изобилующую несметными сокровищами.

“Я познакомился с несколькими ювелирами и другими уважаемыми лицами в Лиссабоне, чьи щедрые предложения я принял, имея перспективу содержать свою семью и компетентность, если бы не избежал жестоких инквизиторов. Они приобрели такую огромную власть в Испании и Португалии, что посягают на привилегии королей и останавливают на почте письма всех, кого они подозревают. Таким образом, меня обслужили за год до того, как инквизиторы приказали схватить меня, чтобы раскрыть секреты масонства. Они не сочли, что это нанесло удар поримской религии или имело тенденцию беспокоить правительство — тем не менее, они решили схватить одного из главных масонов Лиссабона; и на меня напали как на мастера ложи, и на мистера А. Дж. Мутона, огранщика алмазов, родившегося в Париже и романиста. Он шесть лет проработал эконошкой в Лиссабоне, где его честность снискала ему всеобщее одобрение.

“Мы не знали, что наше искусство запрещено в Португалии, и были обнаружены варварским рвением дамы на исповеди. Офицеры инквизиции наняли ювелира, знакомого со Святой Канцелярией, послать за мистером Мутонем под предлогом починки бриллианта весом в четыре карата. Это был всего лишь предлог познакомиться с Мутонем лично. Мне довелось быть с ним, что доставило ювелиру величайшую радость. Он доложил обо всем инквизиторам, и два дня

спустя мистер Мутон отправился один за бриллиантом, стоимость которого оценивалась в сотню муидоров. С этим фамильяром было пять младших офицеров инквизиции; и, заведя его в заднюю лавку, они схватили его как заключенного именем короля.

Понимая, что он не совершил никакого преступления, чтобы навлечь на себя неудовольствие его португальского величества, он сложил шпагу, когда на него набросились несколько приближенных и заявили, что они арестовали его именем инквизиции. Запретив ему роптать, они потащили его к маленькой карете, стоявшей у черного хода, и препроводили в тюрьму инквизиции, распространив слух, что он сбежал с алмазом. Его друзья, потрясенные клеветой, пошли и предложили ювелиру полностью расплатиться, но тот отказался от суммы, притворившись, что владелец был очень богат.

“Четыре дня спустя я был предан португальским другом, и 5 марта 1743 года девять офицеров инквизиции схватили меня, притворившись, что я дал слово насчет бриллианта, который забрал мистер Мутон. Тщетны были мои попытки оправдаться: негодяи отобрали у меня шпагу, надели на меня наручники и силой усадили в карету. Они приказали мне не раскрывать рта; но я громко позвал друга. Они втолкнули меня в тюрьму и передали одному из служащих мнимого святого места. Этот офицер приказал стражникам обыскать меня и забрать все золото, серебро, бумаги, ножи, ножницы, пряжки и т. Д., Которые были при мне. Затем они отвели меня в уединенную темницу, категорически запретив мне громко разговаривать. Именно тогда, пораженный всеми ужасами этого места, я погрузился в самую черную меланхолию. Я провел целый день и две ночи в этих ужасах, которые с каждым разом усиливались жалобами, воплями и глухими стонами, эхом отдававшимися в этих ужасных особняках, нескольких других заключенных, моих соседей, и которые ночная тишина делала бесконечно более ужасающими. Эти шестьдесят часов показались мне долгими годами. Однако я постарался вооружить свою душу терпением. Я полагал, что, будучи протестантом, я неизбежно должен был почувствовать всю ту ярость и варварское рвение, которые могли вселить в грудь монахов, которые жестоко гордились тем, что предавали огню огромное количество несчастных жертв, единственным преступлением которых было отличие от них в религиозных взглядах.

“Через несколько дней, после того как я был побрит и подстрижен по их приказу, меня с непокрытой головой привели к президенту и четырем инквизиторам, которые попросили меня преклонить колени и поклясться отвечать правдиво на все вопросы, которые они должны будут задать. Они сообщили мне, что бриллиант был всего лишь предлогом, чтобы получить возможность схватить меня. Теперь я умолял их сообщить мне истинную причину моего заключения; что, будучи рожденным и воспитанным в протестантской религии, я был научен исповедовать себя Богу, а не человеку. Они заявили, что от меня потребуют признания. Они отдали приказ перевести меня в другую глубокую темницу; я был подавлен горем и полностью признал себя погибшим.

“За время моего пребывания в этом подземелье меня трижды приводили в инквизицию, и я заболел. Меня навестил врач, и другого заключенного отправили ухаживать за мной в другую темницу, в которую проникал слабый дневной свет. Придя в себя, я был приговорен к пыткам, применяемым Святой Канцелярией. Меня отвели в комнату пыток, где не было света, кроме того, что давали две свечи; и, чтобы ужасные крики и шокирующие стоны несчастных жертв не достигали ушей других заключенных, двери завешены чем-то вроде лоскутного одеяла.

“Меня охватил ужас, когда, войдя в это адское место, я увидел себя окруженным шестью негодяями, которые раздели меня догола до подштанников и уложили на спину. Сначала они надели мне на шею железный ошейник, который был прикреплен к эшафоту; затем они прикрепили по кольцу к каждой ноге; и, сделав это, они обмотали две веревки толщиной с чей-то мизинец вокруг каждой руки и по две вокруг каждого бедра, пропустили под эшафот через отверстия и туго затянули четырьмя мужчинами. Мои боли были невыносимыми; веревки пронзили мою плоть до самой кости, заставляя кровь хлестать из восьми разных мест. Я упорно отказывался открывать что-либо еще; веревки были стянуты вместе четыре раза, но через определенные промежутки времени их подвешивали по приказу лечащего врача и хирурга.

“Испытывая такие страдания, они варварски заявили, что, если я умру под пытками, я буду виновен в самоубийстве. И в последний раз, испытывая страдания, я потерял сознание, и меня, не замечая этого, отнесли в мою темницу. Обнаружив, что чем больше они заставляли меня страдать, тем больше я молила небеса о терпении, эти варвары подвергли меня другому виду пыток. Они заставили меня вытянуть руки так, что ладони были вывернуты наружу; затем веревкой, которая связывала их вместе у запястий и которую они вращали с помощью двигателя, они вытянули их таким образом, что тыльная сторона каждой кисти соприкоснулась; оба моих плеча были вывихнуты, и изо рта вытекло значительное количество крови. Эта пытка повторилась трижды, после чего врач и хирурги, вправляя мне кости, подвергли меня в моей темнице невыносимой боли.

“Два месяца спустя, когда я немного пришел в себя, меня снова отвели в комнату пыток, где они обернули вокруг моего тела толстую железную цепь, которая, пересекая мой живот, заканчивалась на запястьях. Затем они прислонили меня спиной к толстой доске, на каждом конце которой был блок, через который была пропущена веревка, зацеплявшая концы цепей на моих запястьях. Эти веревки с помощью валика давили мне на живот или оставляли синяки, так что мои запястья и плечи были вывихнуты из суставов. Вскоре хирурги вправили мне кости, и варвары заставили меня подвергнуться этой пытке во второй раз, которую я перенес с таким же упорством. Меня отправили в мою темницу под присмотром хирургов, которые перевязали мои синяки; и здесь я оставался до *ихаутодафе*.

“Девять разных раз они подвергали меня пыткам, когда большая часть моих конечностей была вывихнута из суставов и покрыта такими синяками, что в течение нескольких недель я не мог поднести руку ко рту. Я боюсь, что буду ощущать последствия этой жестокости до конца своих дней, время от времени испытывая мучительные боли, от которых я никогда не страдал, пока не попал в безжалостные и окровавленные руки инквизиторов.

“В день *аутодафе* меня заставили идти в процессии вместе с другими жертвами этого трибунала. В церкви Святого Доминика был зачитан мой приговор о том, что я был приговорен к четырем годам каторги. Через четыре дня после этого меня перевели на галеры, и на следующий день я присоединился к занятию моих товарищей-рабов. Однако свобода общения с моими друзьями, после того как я был лишен возможности видеть их во время моего жалкого пребывания в тюрьме инквизиции, открытый воздух и избавление от дурных предчувствий, которые всегда переполняли мой разум, помогли мне найти тяжелую работу на галере более приемлемой.

“Из-за пыток, которым подвергли меня в инквизиции, я был непригоден к возложенной на меня мучительной работе, а именно к ношению воды в городские тюрьмы; но страх перед

бесчеловечностью надзирателей заставил меня напрячься, и я заболел. Затем меня отправили в лазарет на два месяца; затем меня посетили первые монахи монастыря Корпо Санто, которые предложили добиться моего освобождения при условии, что я обращусь в католичество. Я заверил их, что ожидаю расширения своих полномочий от Всевышнего; и, имея свободное время, я попросил друга написать моему шурину мистеру Барберу, проинформировав его о моем плачевном состоянии и умоляя его обратиться за моей помощью к графу Харрингтону, поскольку он имеет честь жить в семье его светлости. Этот дворянин обратился к его светлости герцогу Ньюкаслскому, государственному секретарю, умоляя нашего государя разрешить его посланнику в Лиссабоне потребовать меня как подданного Великобритании.

“Его величество был настолько милостив, что заступился за меня. мистер Комптон, британский посланник в Лиссабоне, потребовал моей свободы у короля Португалии от имени его британского величества; и я получил ее в конце октября 1744 года. Офицер забрал меня с камбуза по приказу инквизиторов и привел к ним, когда президент сказал мне, что кардинал де Кунья приказал освободить меня, но я должен вернуться через три дня.

“Я чувствовал, что шпионы инквизиции следили за мной. Я посетил нашего посланника и нашего консула; и через пять дней после того, как я вернулся к инквизиторам, председатель объявил, что трибунал не позволит мне больше оставаться в Португалии и что я должен назвать город и королевство, куда я намереваюсь удалиться. Я ответил, что “поскольку моя семья находится в Лондоне, я намерен отправиться туда”, и они предложили мне сесть на первый корабль, который отплывет в Англию”.

Голландский адмирал любезно принял мистера Кустоса на борту его корабля, находившегося тогда в порту Лиссабона, и разрешил ему послать за своим другом мистером Мутонем, будучи тронутым рассказом об их страданиях. Они прибыли в Лондон 15 декабря 1744 года. Он добавляет,

“Здесь я от всей силы моей души благодарю Всевышнего за то, что он так явно защитил меня от этой адской банды монахов, которые использовали свои различные пытки, чтобы заставить меня отступить от моей святой религии. Я передаю нашему государю Георгу II самую искреннюю и уважительную благодарность за его столь милостивое вмешательство в пользу злополучного галерного раба. Я сохраню, пока у меня есть дыхание, глубочайшее чувство привязанности и верности к его священной особе и всегда буду готов пожертвовать своей жизнью ради его величества и его августейшей семьи”.

Мистер Бауэр.—Мистер Арчибальд Бауэр был не столько жертвой, сколько подвергнут пыткам, поскольку ему позволили вырваться из-под власти инквизиторов; но его биография иллюстрирует характер инквизиции. Он родился в 1686 году недалеко от Данди, в Шотландии. Его родители, будучи католиками, отправили его в возрасте пяти лет к дяде в Италию на образование. Сначала в Дуэ, а затем в Риме его успехи были необычными. Он стал иезуитом и был назначен профессором риторики и логики в колледже Мачерата в Италии. В этом городе он сблизился с генеральным инквизитором Святой канцелярии, от которого получил повышение в должности советника инквизиции. Там было двенадцать советников, у каждого из которых была резиденция с доходом около 200 фунтов стерлингов в год, помимо обширных привилегий.

Вступив в должность, он получил рукописную книгу указаний для инквизиторов для своего личного руководства. Эти правила требовали крайней бесчеловечности; и его присутствие на

испытаниях Святой Канцелярии казалось ему самым мучительным, так что он часто издавал возгласы ужаса. Генеральный инквизитор, хотя и не был заподозрен, однажды с большой горячностью, ударив кулаком по столу, заметил: “Мистер Бауэр, вы всегда возражаете против доказательств”. В другой раз, глядя на лицо несчастной жертвы, подвергавшейся пыткам, он почувствовал признаки смерти и потерял сознание, когда его выносили из зала; а по возвращении обер-инквизитор сделал ему выговор, заявив, что “то, что делается с телом, делается для блага души”. Мистер Бауэр извинился, сославшись на “слабость своей натуры, с которой он ничего не мог поделать”. “Природа!” - воскликнул инквизитор. “Вы должны победить природу благодатью!” Но беседа прекратилась, так как несчастная жертва в этот момент умерла под пытками!

Обдумывая, как бы ему сбежать с этой ужасной должности, мистер Бауэр был вынужден “победить природу”, арестовав дворянина, который был его личным другом. Его предполагаемое преступление заключалось в каком-то пустяковом выражении относительно особого одеяния двух монахов, один из которых донес на него инквизиции. Получив приказ арестовать своего лучшего друга в Мачерате, он обратился с протестом к генеральному инквизитору, настаивая: “Милорд, вы знаете связь—” когда инквизитор со всей строгостью своего официального характера прервал его: “Связь! что, говорить о *связи*, когда речь идет о святой вере? И, удаляясь, он приказал: “Проследите, чтобы это было сделано; охрана подождет снаружи”, добавив: “Это способ победить природу, мистер Бауэр”. Не имея возможности спасти или предупредить своего друга, он последовал за стражниками, получил доступ в свою резиденцию и спальню и обнаружил, что дворянин и его дама спят. Дама, проснувшись, закричала, увидев незнакомцев, когда один из негодяев-офицеров нанес ей удар по голове, от которого потекла кровь. Дворянин был поражен тем, что его друг был арестован таким образом, но не осмелился упрекнуть его; в то время как Бауэр не мог смотреть ему в лицо, совершая столь постыдный поступок.

Мистер Бауэр объявил об аресте на следующее утро, передавая ключ обер-инквизитору, который похвалил его: “Это сделано как человек, желающий победить слабость природы”. Вскоре дворянин был подвергнут пытке с помощью шкива и умер через три дня после ее применения. Затем его поместья были конфискованы инквизицией, небольшая пенсия была назначена только его вдове, которой инквизитор написал, желая, чтобы она помолилась за душу своего покойного мужа, в то же время предостерегая ее от жалоб на несправедливость или жестокость в отношении Святой Канцелярии.

Мистер Бауэр больше не мог выносить своего положения и решил попытаться бежать из Италии. Поэтому он попросил разрешения совершить паломничество к дому Девы Марии в Лоретто; и, получив это разрешение от генерального инквизитора, он отправился верхом со своим чемоданом, спрятав свои ценные бумаги. Он направился через Адриатические государства в Швейцарию; но документы, которые он взял с собой, вскоре были пропущены генеральным инквизитором, который предложил награду за его голову в размере около 600 фунтов стерлингов английскими деньгами, или 800 фунтов стерлингов, если он доставит инквизицию живым. Эта прокламация навлекла на него неминуемую опасность, поскольку он нашел на почте ее копию и двух своих соотечественников, одному из которых он был известен. Он бросил вызов этому человеку и пригрозил ему; вскочив на коня, он сбежал, так что после многих трудностей добрался до Кале. В отеле он встретил двух иезуитов, носивших красный крест инквизиции; когда он поспешно вышел из номера, то обнаружил, что посылка прибывает за

три дня до отплытия в Англию. Он обратился к рыбаку, который не осмеливался пересечь Ла-Манш; и он был в отчаянии, особенно когда по возвращении хозяйка сказала ему в ответ на его запрос об иезуитах: “О, сэр, с прискорбием сообщаю вам, что они наверху, обыскивают ваш чемодан”. В этот момент он услышал громкие голоса в соседней комнате и, предположив, что это англичане, он вошел и узнал в одном лорде Балтиморе, которого видел в Риме. Он умолял его о защите, но этот аристократ воскликнул: “Мистер Бауэр, вы погибли; я не могу защитить вас: они обыскивают вашу квартиру”. Однако он и его друзья проводили его до своей лодки и с четырьмя парами весел вскоре добрались до яхты, совершавшей короткий круиз; при попутном ветре они благополучно доставили его в Дувр.

Теперь мистер Бауэр отказался от своей прежней религии, присоединился к англиканской церкви и женился. Он стал наставником в семье лорда Эйлмера и нашел щедрого покровителя в лице лорда Литтлтона. Многочисленные враги из числа католиков выдвинули против него тяжкие обвинения; но он отстоял себя от их клеветы и снискал себе высокую репутацию несколькими литературными произведениями, особенно своей “Жизнью пап” в семи томах quarto. Он умер в Англии, в 1766 году, как полагают, искренним протестантом.

ГЛАВА XVIII.

ИНКВИЗИЦИЯ В ГОА.

Положение инквизиции в Гоа—доктор Страдания Деллона в инквизиции — визит доктора Бьюкенена в Гоа.

Португальский фанатизм полностью восторжествовал в Гоа. По своему процветанию ничто в Индии не могло сравниться с ним по величию. Столица была городом церквей, одна из которых была возведена с необычайным великолепием в честь Франциска Ксаверия, “Апостола Индии”, как его называют романисты, поскольку он умер там в 1552 году нашей эры.

Этот некогда знаменитый город теперь почти покинут всеми, кроме священников; а страна, некогда густонаселенная, превратилась в несколько малонаселенных деревень. Их жители большей частью крещены в римскую веру, и уроженцу язычества, или мусульманину, не разрешается жить в городе; но несчастные люди, погрязшие в суевериях, прискорбно невежественны в христианстве.

Мы уже видели (гл. VIII.) как инквизиция была учреждена в Гоа кардиналом Генрихом по просьбе Франциска Ксаверия при Иоанне III, короле Португалии. Его действия по жестокости и террору были похожи на действия аналогичных учреждений в Европе, когда множество его жертв приносились в жертву в тюрьмах, а многие и публично, посредством *аутодафе*. Но они лучше всего проявятся в своем истинном облике, судя по рассказу Деллона.

Доктор Деллон был французским врачом, путешествовавшим по Индии. Некоторое время, в 1673 году, он проживал в Дамуане, городе Гоа, принадлежащем португальцам. Из его разговора выяснилось, что он не был строгим католиком, и, следовательно, инквизиторы предъявили ему обвинение. Опасаясь, что против него будет возбужден судебный процесс, он явился в комиссариат, обвинил себя и заявил о своем желании подчиниться воле святого суда. Этот офицер знал его, и тот обращался с ним вежливо; так что он был вынужден предположить, что ему ничего не угрожает; но священники устроили его гибель из-за ревности к нему, когда он

посетил даму из тех мест, любимицу губернатора Дамуана, а также черного священника, секретаря инквизиции.

Деллон был арестован инквизиторами и брошен в тюрьму. Напрасно он подавал прошение о том, чтобы ему сообщили причину его ареста, или об освобождении, или о судебном разбирательстве. На его дело не будет обращено никакого внимания до окончания *аутодафе*, которое вот-вот будет отпраздновано. Он был предназначен для следующего ужасного праздника примерно через три месяца; и соответственно его держали в сырой и отвратительной тюрьме, лишенной удобств и кишасей паразитами. Оттуда его подняли на борт галеры, нагруженной железом, и доставили в Гоа, где он был заключен в тюрьму инквизиции, которую Деллон описывает так:

Дворец инквизиции, называемый португальцами "*Санта-Каса*" или "*Святой дом*", расположен на одной стороне большой площади, напротив собора, посвященного Святой Екатерине. Он обширен и великолепен; в передней части находятся три входа, из которых центральный - самый большой, выходящий на парадную лестницу, ведущую в холл. Два других портала по отдельности ведут в покои инквизиторов, которые достаточно просторны для крупных заведений. Внутри находятся различные квартиры для офицеров палаты представителей, а проходя через внутренние помещения, можно увидеть обширное здание, разделенное на отдельные массивы, или квадраты зданий, по два этажа в каждом, разделенные небольшими дворами. На каждом этаже есть галерея, напоминающая спальню, состоящая из семи или восьми небольших комнат площадью десять квадратных футов; общее число которых составляет около двухсот. В одном из этих общежитий камеры темные, без окон, меньше и ниже остальных; как я имел случай узнать из того, что меня привели посмотреть на них после жалобы на слишком строгое обращение со мной, чтобы убедить меня, что мне могло быть хуже. Остальные камеры квадратные, сводчатые, побеленные, чистые и освещаются маленьким решетчатым окошком, расположенным на высоте выше досягаемости самого высокого человека. Все стены толщиной в пять футов. Каждая камера защищена двумя дверями, одна открывается внутрь, а другая наружу; внутренняя дверь состоит из двух частей, прочна, хорошо подогнана и открывается нижней половиной на манер решетки; в верхней части есть маленькое окошко, через которое заключенные получают пищу, белье и другие вещи. В это отверстие ведет дверь, запертая на крепкие засовы. Внешняя дверь не такая толстая и прочная, как другая, но она целая и без какого-либо отверстия. Обычно ее оставляют открытой с шести часов утра до одиннадцати, чтобы проветривать помещение через щели во внутренних дверях".

С Деллона, поступившего в инквизицию, сняли кандалы; и вскоре после этого он был вызван к инквизитору, сидевшему за столом со своим секретарем в зале для аудиенций, в конце которого было большое распятие, достигавшее потолка. Деллон бросился к ногам грозного офицера, чтобы разжалобить его, но тщетно. Он велел ему встать и занять свое место, а затем поинтересовался его именем и профессией, а также знает ли он причину своего заточения? Деллон заявил, что, по его предположению, он знал причину и признал бы это; но инквизитор отложил его до более свободного времени, поскольку дела более важные требовали его внимания в настоящее время. Его отвели в его камеру; когда принесли его сундук, была составлена опись нескольких предметов его имущества. У него забрали все, кроме одежды и нескольких золотых монет, которые он зашил в свои подвязки; но его заверили, что все будет возвращено после его освобождения. В камере ему не разрешалось пользоваться книгами или

какими-либо развлечениями, хотя еды ему давали в достаточном количестве, а стражники, которые дежурили днем и ночью, ночуя на галереях, были готовы прийти по его зову.

Спустя значительное время его снова привели в зал для аудиенций с обнаженной головой и ступнями. Когда его поклялись возвещать истину и призвали признаться во всех своих заблуждениях, он признался во всем, что говорил против католических форм религии. Он подписал это признание в том виде, в каком оно было записано, а затем его отвели обратно в камеру. Еще дважды он предстал перед трибуналом, но без какой-либо пользы для себя; и он пытался покончить с собой, воздержавшись от пищи. Вспомнив некоторые другие выражения, которые он употреблял в отношении Святой Канцелярии, он получил разрешение произнести их; но это не удовлетворило инквизиторов; он снова был заключен в свою темницу. Он впал в отчаяние и снова предпринял попытку самоубийства различными способами. Притворившись больным, местный врач пустил ему кровь; но чернокожий лекарь оставил его, он сорвал бинты, чтобы вытекла кровь, и упал почти замертво. В этом он раскаялся и исповедался; но затем он сломал один из своих золотых кусочков и, заострив его, вскрыл им артерию, чтобы у него могло истечь смертельное кровотечение. Это не удалось, когда они надели ему на шею ошейник и сильно погладили его руки и ноги, чтобы предотвратить подобные попытки в будущем. В отчаянии он ударился головой о землю, но его охранники не спускали с него глаз и успокаивали его добрыми выражениями лица и надеждой на скорое освобождение.

Деллон ждал в надежде на следующее *аутодафе*; и, спустя некоторое время, однажды ночью его разбудили тюремщики с фонарями в руках. Одевшись сам, в черную одежду в белую полоску и пару панталон, которые они принесли для него, его повели на галереи, где он присоединился примерно к двум сотням других заключенных, выстроившихся вдоль стен. В основном это были цветные мужчины, среди них было всего около двенадцати белых. В другой галерее находились заключенные женщины и несколько мужчин в камере, а их духовники увещевали их вернуться к истинной вере, поскольку они должны были быть сожжены как еретики. Затем нескольким заключенным принесли *Сан-бенито* и картонные шляпы, каждый из которых нес по желтому восковому светильнику. Заключенным дали немного хлеба и инжира, пока они сидели в ожидании процессии, но Деллон отказался от них, так как не был голоден, и офицер убедил его положить их в карман, так как они понадобятся ему до того, как он вернется в свою камеру. Это его несколько утешило, поскольку он пришел к выводу, что не обречен страдать в огне.

На рассвете граждане Гоа были созваны для участия в *аутодафе* под звон большого соборного колокола; когда они были собраны, заключенных поодиночке провели через зал, где каждый был передан на попечение жителю, который отвечал за его безопасность, как его "*крестный отец*". Процессия, возглавляемая доминиканцами, прошла по главным улицам города; и церемонии этого шокирующего представления были похожи на те, которые использовались в Португалии и Испании.

Поскольку Деллон был признан виновным в отрицании действительности крещения и в утверждении, что изображениям не следует поклоняться, он был приговорен к отлучению от церкви, конфискации своего имущества, изгнанию из Индии и пятилетнему рабству на португальских галерах, помимо епитимий по усмотрению инквизиции.

Два человека, чернокожие мужчина и женщина, коренные христиане, но обвиненные в колдовстве, были сожжены по этому случаю, помимо изображений и костей *четырёх* других; из

которых один умер от рук инквизиции, а другой завершил свою жизнь в собственном доме, но, оставив большое имущество, инквизиторы извлекли его кости для суда, когда он был признан виновным в иудаизме; так что его имущество было конфисковано. Жертвы были сожжены на берегу реки, а остальных отвели обратно в тюрьму, где мнимые служители милосердного Искупителя подвергли их различным наказаниям.

Приговоренный Деллон был отправлен на следующий день в религиозный дом для получения наставлений. Инквизиторы наложили на него епитимью, и он был отправлен в Португалию, где его сделали галерным рабом; но, встретившись с влиятельным французским джентльменом, он заручился его услугами в поисках свободы, которая была обеспечена правительством, и ему удалось бежать обратно во Францию.

В показаниях Деллона относительно самого себя ничего не говорится о том, что его пытали в тюрьме Гоа; но он утверждает, что часто слышал крики тех, кого заставляли так страдать во время той ужасной инквизиции.

ДОКТОР К. БЬЮКЕНЕН ИЗ ИНКВИЗИЦИИ ГОА.

Доктор Клавдиус Бьюкенен, капеллан Ост-Индской компании и вице-проректор колледжа Форт-Уильям в Бенгалии, посетил Гоа в 1808 году. Его целями были: *“1. Установить, действительно ли инквизиция отказывалась признавать Библию среди римских церквей Британской Индии. 2. Изучить состояние и юрисдикцию инквизиции, особенно в том, что касалось британских подданных.”* Из-за его высокого характера и как друга полковника Адамса, британского резидента, он был вежливо принят португальским вице-королем графом де Кабралем и архиепископом Гоа. Полковник Адамс считал, что подвергает себя опасности, поскольку все, что касалось этого суда, хранилось в такой тайне, что самые респектабельные португальские миряне оставались в неведении о его действиях, в то время как вице-король не имел власти над его должностными лицами.

Доктор Бьюкенен приступил к осуществлению своего намерения; и 19 января 1808 года он был очень учтиво принят в монастыре августинцев Джозефой Долорibus, второй по достоинству среди инквизиторов. “Мне выделили апартаменты, - отмечает он, - в колледже, примыкающем к монастырю, рядом с помещениями инквизиции. На следующий день после моего прибытия я был представлен архиепископу Гоа. Мы нашли его читающим латинские буквы святого Франциска Ксаверия. Когда я упомянул о долголетию города Гоа, в то время как другие города европейцев в Индии пострадали от войны или революции, архиепископ заметил, что сохранение Гоа произошло благодаря молитвам святого Франциска Ксаверия.

“В тот же день я получил приглашение отобедать с обер-инквизитором в его загородном доме. Второй инквизитор сопровождал меня, и мы нашли респектабельную компанию священников и роскошное развлечение. В библиотеке главного инквизитора я увидел реестр, содержащий информацию о нынешнем учреждении инквизиции в Гоа и имена всех должностных лиц. Когда я спросил главного инквизитора, было ли заведение таким же обширным, как раньше, он сказал, что оно было почти таким же. До сих пор я мало кому говорил об инквизиции, но я косвенно почерпнул много информации о ней не только от самих инквизиторов, но и от некоторых священников, которых я посетил в их соответствующих монастырях; особенно от отца из францисканского монастыря, который сам был свидетелем *аутодафе*.

“27 января 1808 года. На второе утро после моего прибытия я был удивлен тем, что мой хозяин, инквизитор, вошел в мои апартаменты, одетый в *черную мантию* с головы до ног, поскольку обычная одежда его ордена белая. Он сказал, что собирается заседать в трибунале Святой Канцелярии. “Я полагаю, святой отец, ваша августейшая должность не отнимает у вас много времени?” “Да,” ответил он, “очень. Я заседаю в суде три или четыре дня в неделю”.

“Вечером он пришел, как обычно, чтобы провести час в моей квартире. После некоторого разговора я взял в руки ручку, чтобы сделать пометку в своем дневнике; и, словно для того, чтобы позабавить его, пока я писал, я взял книгу Деллона, которая лежала вместе с другими на столе, и, передавая ее ему, спросил, видел ли он ее когда-нибудь. Это было на французском языке, который он хорошо понимал. ‘*Relation de l'Inquisition de Goa*,’ произнес он медленно и отчетливо. Он никогда не видел этого раньше и с жадностью принялся за чтение. Он не успел далеко продвинуться, как проявил явные симптомы беспокойства. Он поспешно перешел к середине книги, затем к концу, а затем пробежал оглавление в начале, как бы желая убедиться в полном масштабе зла.

“Именно в эту ночь произошло обстоятельство, которое вызвало мою первую тревогу в Гоа. Мои слуги каждую ночь спали у дверей моей комнаты, в длинной галерее, общей для всех покоев, и недалеко от слуг монастыря. Около полуночи меня разбудили громкие крики и выражение ужаса, исходившие от какого-то человека на галерее. В первый момент удивления я решил, что это, должно быть, *альгвасилы* из Святой Канцелярии, схватившие моих слуг, чтобы отвести их в инквизицию. Но, выйдя, я увидел своих собственных слуг, стоящих у двери, и человека, поднявшего тревогу (мальчика лет четырнадцати), на некотором расстоянии, в окружении нескольких священников, которые вышли из своих камер, услышав шум. Мальчик сказал, что видел *призрак*; и прошло немало времени, прежде чем возбуждение в его теле и голосе утихло. На следующее утро, за завтраком, инквизитор извинился за беспокойство и сказал, что тревога мальчика проистекала из “*phantasma animi*”, фантазии воображения.

“После завтрака мы вернулись к теме инквизиции. Инквизитор признал, что описания Деллоном *подземелий, пыток, способа судебного разбирательства и аутодафе*, в целом, были справедливыми; но он сказал, что автор неверно судил о мотивах инквизиторов и очень жестоко о характере святой церкви; и я признал, что под давлением его особых страданий это, возможно, имело место. Теперь инквизитору не терпелось узнать, в какой степени книга Деллона была распространена в Европе. Я сказал ему, что Пикар опубликовал миру выдержки из него в своем знаменитом труде под названием “Религиозные церемонии” вместе с описаниями системы пыток и сожжений на *аутодафе*. Я добавил, что сейчас в Европе принято считать, что этих чудовищ больше не существовало, и что сама инквизиция была полностью подавлена; но я был обеспокоен, обнаружив, что это не так. Теперь он начал серьезное повествование, чтобы показать, что инквизиция претерпела некоторые изменения в некоторых отношениях и что ее ужасы были смягчены.

“Я уже выяснил из письменных или печатных документов, что инквизиция Гоа была упразднена королевским указом в 1775 году и вновь учреждена в 1779 году. Упомянутый ранее отец-францисканец был свидетелем ежегодного *аутодафес* 1770 по 1775 год. “Именно гуманность и нежное милосердие доброго короля, - сказал старый отец, - отменили инквизицию”. Но сразу после его смерти власть священников возросла при вдовствующей королеве, и трибунал был восстановлен после бескровного пятилетнего перерыва. С тех пор он продолжает действовать.

Он был восстановлен в 1779 году с соблюдением определенных ограничений, главными из которых являются два следующих:—

“Что для осуждения преступника должно потребоваться большее число свидетелей, чем это было необходимо ранее; и,

“Что аутодафе не должно проводиться публично, как раньше; но что приговоры трибунала должны приводиться в исполнение тайно, в стенах инквизиции”.

В данном конкретном случае конституция новой инквизиции более предосудительна, чем конституция старой; ибо, как выразился старый отец, “*Nuno sigillum non revelat Inquisitio*”. Раньше друзья тех несчастных, которые были брошены в его тюрьму, испытывали меланхолическое удовлетворение, видя, как они раз в год участвуют в процессии *аутодафе*; или, если они были приговорены к смерти, они были свидетелями их смерти и оплакивали умерших. Но теперь у них годами нет возможности учиться, будь они живы или мертвы. Политика этого нового способа сокрытия, по—видимому, заключается в том, чтобы сохранить власть инквизиции и в то же время уменьшить общественную ненависть к ее действиям в присутствии британского владычества и цивилизации. Я спросил отца о его мнении относительно характера и частоты наказаний в этих стенах. Он сказал, что у него нет определенных средств дать удовлетворительный ответ; что все, что там совершалось, было объявлено как *sacrum et secretum*. Но он знал, что это правда: в темницах постоянно находились пленники; что некоторые из них освобождаются после долгого заключения; но что они никогда не говорят впоследствии о том, что происходило в этом месте. Он добавил, что из всех известных ему людей, которые были освобождены, он не встречал ни одного, кто не носил бы с собой то, что можно было бы назвать “знаком инквизиции”, то есть кто не показывал ни торжественностью своего лица, ни особенным поведением, ни своим страхом перед священниками, что он был в том ужасном месте.

“Главным аргументом инквизитора в доказательство улучшения инквизиции было превосходство инквизиторов в гуманности. Я заметил, что не сомневаюсь в человечности существующих офицеров; но что толку от человечности в инквизиторе? Он должен вынести приговор в соответствии с законами трибунала, которые достаточно печально известны; и закоренелый еретик должен быть сожжен в огне или пожизненно заключен в темницу, независимо от того, гуманен инквизитор или нет. ‘Но если,’ сказал я, ‘вы хотите полностью удовлетворить мое мнение по этому вопросу, покажите мне инквизицию’. Он сказал, что никому не разрешается видеть инквизицию. Я заметил, что мой случай можно рассматривать как особый; что характер инквизиции и целесообразность ее более длительного продолжения были поставлены под сомнение; что я сам писал о цивилизации Индии и, возможно, мог бы опубликовать что-то еще по этому предмету; и что нельзя ожидать, что я обойду инквизицию без уведомления, зная, что я делал о ее ходе; в то же время я не хотел бы излагать ни единого факта без его разрешения или, по крайней мере, без его признания его истинности. Я добавил, что он сам был рад очень подробно поговорить со мной на эту тему и что во всех наших дискуссиях нами обоими, как я надеялся, двигала благая цель. Выражение лица инквизитора, очевидно, изменилось при получении этого намека, и с тех пор оно никогда полностью не возвращало себе своей обычной откровенности и спокойствия. Однако после некоторого колебания он сказал, что возьмет меня с собой в инквизицию на следующий день. Я был немало удивлен таким молчаливым согласием инквизитора, но я не знал, что было у него на уме.

“Когда я покинул форты, чтобы прибыть в Инквизицию, полковник Адамс попросил меня написать ему; и добавил, на полпути между шуткой и серьезом: ‘Если я не получу от вас известий в течение трех дней, я пройду по 78-й улице и возьму Инквизицию штурмом’. Я обещал это сделать. Но, будучи так хорошо развлечен инквизиторами, я забыл о своем обещании. Соответственно, 26 января я был удивлен визитом майора Брумкампа, адъютанта его превосходительства вице-короля, предложившего, чтобы я возвращался каждый вечер и ночевал в фортах из-занездоровья в Гоа.

“Сегодня утром, 28-го, после завтрака мой хозяин отправился переодеваться для Священной Канцелярии и вскоре вернулся в своей инквизиторской мантии. Он сказал, что придет на полчаса раньше обычного, чтобы показать мне Инквизицию. Мне показалось, что выражение его лица было более суровым, чем обычно, и что его слуги не были так вежливы, как раньше. Правда заключалась в том, что *полуночная сцена* все еще была у меня в голове. Инквизиция находится примерно в четверти мили от монастыря, и по нашем прибытии на место инквизитор сказал мне, когда мы поднимались по ступенькам внешней лестницы, что он надеется, что я буду удовлетворен кратковременным видом Инквизиции и что я удалюсь, как только он этого пожелает. Я воспринял это как доброе предзнаменование и с достаточной уверенностью последовал за своим проводником.

Сначала он привел меня в большой зал инквизиции. У дверей нас встретило несколько хорошо одетых людей, которые, как я впоследствии понял, были приближенными и служителями Святой Канцелярии. Они очень низко поклонились инквизитору и с удивлением посмотрели на меня. Большой зал - это место, куда выводят заключенных для проведения *аутодафе*. В процессии, описанной Деллоном, в которой он сам шел босиком, одетый в раскрашенную одежду, участвовало более ста пятидесяти заключенных. Некоторое время я медленно ходил по этому залу, размышляя о его прежних сценах; инквизитор молча шел рядом со мной. Я подумал о судьбе множества моих братьев, прошедших через это место, осужденных трибуналом своих братьев-грешников — их тела были преданы огню, а души - погибли; и я не мог удержаться, чтобы не сказать ему: “Разве святая церковь не пожелала бы в своей милосердии вернуть эти души обратно, чтобы она могла позволить им пройти еще немного испытания?” Инквизитор ничего не ответил, но жестом пригласил меня пройти с ним к двери в конце зала. Через эту дверь он провел меня в несколько маленьких комнат, а оттуда в просторные апартаменты главного инквизитора. Осмотрев их, он снова привел меня в большой зал, и мне показалось, что теперь он хочет, чтобы я ушел. ‘А теперь, отец,’ сказал я, - отведи меня в подземелье вниз; я хочу увидеть пленников’. ‘Нет,’ - сказал он, - этого не может быть’. Теперь я начал подозревать, что инквизитор с самого начала намеревался показать мне только определенную часть Инквизиции в надежде удовлетворить мои запросы в общих чертах. Я настойчиво уговаривал его, но он упорно сопротивлялся и, казалось, был оскорблен или, скорее, взволнован моей назойливостью. Я прямо намекнул ему, что единственный способ воздать должное его собственным утверждениям и аргументам относительно нынешнего состояния инквизиции - это показать мне тюрьмы и пленников. Тогда я должен был бы описать только то, что я видел; но теперь этот предмет остался в ужасной неизвестности. ‘Ведите меня вниз,’ - сказал я, - во внутреннее здание и позвольте мне пройти через двести темниц площадью десять квадратных футов, описанных вашими бывшими пленниками. Позвольте мне сосчитать количество ваших нынешних пленников и поговорить с ними. Я хочу узнать, есть ли среди подданных британского правительства те, кому мы обязаны защитой. Я хочу спросить, как долго они здесь находятся — сколько времени прошло с тех пор, как они видели солнечный свет в последний раз, и ожидают

ли они когда-нибудь увидеть его снова. Покажите мне камеру пыток; и расскажите, какие способы казни сейчас практикуются в стенах инквизиции вместо публичного *аутодафе*. Если после всего, что произошло, отец, вы откажетесь от этой разумной просьбы, у меня будут основания полагать, что вы боитесь разоблачения реального состояния инквизиции в Индии'. На эти замечания инквизитор ничего не ответил, но, казалось, был в нетерпении, чтобы я удалился. 'Мой добрый отец,' сказал я, 'я собираюсь попрощаться с вами и поблагодарить вас за ваше гостеприимство (ранее было решено, что я прощаюсь в последний раз у дверей инквизиции), и я хотел бы навсегда сохранить в своей памяти благоприятное впечатление о вашей доброте и искренности. Вы говорите, что не можете показать мне пленников и темницы; тогда будьте любезны просто ответить на этот вопрос, ибо я поверю вашему слову: 'Сколько заключенных сейчас внизу, в камерах инквизиции?' Инквизитор ответил: "Это вопрос, на который я не могу ответить."

После того, как он произнес эти слова, я поспешно направился к двери и пожелал ему прощания. Мы пожали друг другу руки со всей сердечностью, на какую только были способны в тот момент; и нам обоим, я полагаю, было жаль, что наше расставание прошло с мрачным выражением лица.

"От инквизиции я отправился на место сожжения, на *Кампо Санто-Лазаро*, на берегу реки, где жертв приносили на костер во время *аутодафе*. Он находится недалеко от дворца, чтобы вице-король и его двор могли наблюдать за казнью; ибо политикой инквизиции всегда было превращать эти духовные казни в казни государственные. Меня сопровождал старый священник, который указал мне это место и описал увиденное. Проезжая по этой унылой равнине, я думал о разнице между чистым и милосердным учением, которое впервые было проповедано Индии в апостольский век, и тем кровавым кодексом, который после долгой темной ночи был объявлен ей под тем же названием. И я размышлял о таинственном устройении, которое позволило служителям инквизиции с их дыбами и кострами посетить эти земли раньше глашатаев Евангелия мира. Но самым болезненным размышлением было то, что этот трибунал все еще должен существовать, не смущенный близостью британской человечности и доминиона.

"Меня не удовлетворило то, что я увидел или сказал на Допросе, и я решил вернуться снова. Инквизиторы теперь заседали в трибунале; и у меня был некоторый предлог для возвращения, поскольку я должен был получить от главного инквизитора письмо, которое, как он сказал, он передаст мне, прежде чем я покину это место, для британского резидента в Траванкоре, являющееся ответом на письмо от этого офицера.

"Когда я прибыл в инквизицию и поднялся по внешней лестнице, привратники с сомнением посмотрели на меня, но пропустили, предположив, что я вернулся с разрешения и по назначению инквизитора. Я вошел в большой зал и направился прямо к трибуналу инквизиции, описанному Деллоном, в котором находится высокое распятие. Я сел на бланк, а затем попросил одного из сопровождающих отнести его от моего имени инквизитору. Проходя по коридору, я увидел бедную женщину, сидевшую в одиночестве на скамейке у стены, очевидно, в безутешном состоянии духа. Она всплеснула руками, когда я проходил мимо, и бросила на меня взгляд, выражавший ее горе. Это зрелище охладило мое настроение. Фамильяры сказали мне, что она ждала там вызова в трибунал инквизиции. Пока я задавал вопросы относительно ее преступления, второй инквизитор вышел с явным трепетом и уже собирался пожаловаться на

вторжение, когда я сообщил ему, что вернулся за письмом от главного инквизитора. Он сказал, что это должно быть отправлено за мной в Гоа; и быстрым шагом проводил меня к двери. Когда мы проходили мимо бедной женщины, я указал на нее и сказал с некоторым ударением: ‘Смотрите, святой отец, еще одна жертва святой инквизиции!’ Он ничего не ответил. Когда мы поднялись по главной лестнице, он поклонился, и я в последний раз попрощалась с Джозефом а Doloribus, не произнеся ни слова!”

Доктор Бьюкенен по-разному излагает подробности своего визита в это ужасное учреждение. Он заявляет: “Приведенные выше подробности, касающиеся инквизиции в Гоа, детализированы главным образом с той целью, чтобы английская нация могла рассмотреть вопрос о том, есть ли достаточные основания для представления португальскому правительству протеста по поводу более длительного действия этого трибунала в Индии; общеизвестно, что большая часть римских христиан в настоящее время находится под защитой Великобритании. ‘Римляне,’ говорит Монтескье, - вполне заслужили человеческую натуру за то, что включили в свой договор с карфагенянами пункт О ТОМ, ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ ОТ ПРИНЕСЕНИЯ СВОИХ ДЕТЕЙ В ЖЕРТВУ СВОИМ БОГАМ!’ Несомненно, наш долг заявить о наших пожеланиях, по крайней мере, отмены этих бесчеловечных трибуналов (поскольку мы принимаем активное участие в содействии благосостоянию других наций), и выступить с нашими свидетельскими показаниями против них в присутствии Европы!”

ГЛАВА XIX.

РАСПУЩЕННОСТЬ ИНКВИЗИТОРОВ.

Предсказанная коррупция—Распущенность священников, соблюдающих целибат—Великолепие главного инквизитора в Мадриде—Серали инквизиторов в Сарагосе—Случай жертвы—Число дам трех инквизиторов.

Божественное вдохновение, описывающее папское отступничество, приводит различные поразительные подробности, иллюстрации которых по-разному приведены в предшествующей истории. Среди этих шокирующих практик Святой Дух заявляет, что его служители “лицемерно изрекают ложь; их совесть опалена каленым железом; они запрещают вступать в брак” (1 Тим. iv. 2, 3).

Каждый, кто знаком с нравами людей в папистских странах, знает о распространенности нечистоплотности даже среди священников. Это слишком печально известно, чтобы отрицать. Все классы, начиная с пап и ниже, как известно, виновны. Многие папские буллы осуждали нецеломудрие с характерным лицемерием, что может быть проиллюстрировано одним фактом. Папа Пий IV, 1561 г. н.э., издал буллу, направленную инквизиции, начало которой гласит: “В то время как некоторые священнослужители в королевстве Испания, а также в его городах и епархиях, имеющие врачевание душ, или осуществляющие такое врачевание для других, или иным образом уполномоченные выслушивать исповеди кающихся, совершили такие отвратительные акты беззакония, что злоупотребляют таинством покаяния в самом акте слушания исповеди, не боясь повредить тому же таинству, и Тот, кто это установил, наш Господь Бог и Спаситель Иисус Христос, *соблазняя и провоцируя или пытаясь соблазнить и*

спровоцировать женщин на непристойные действия в то самое время, когда они делали свои признания” и т.д., и т.п.

После опубликования этой буллы в Испании инквизиция издала указ, обязывающий всех женщин, подвергшихся такому насилию со стороны священников на исповеди, и всех, кто был причастен к подобным действиям, в течение тридцати дней сообщить информацию святому трибуналу; и очень суровому осуждению подвергались те, кто пренебрегал или презирал это предписание. Когда этот эдикт был впервые опубликован, как заявляют католические авторы credit, такое значительное количество женщин отправилось во дворец инквизиции в единственном городе Севилья, чтобы раскрыть поведение своих подлых исповедниц, что были назначены двадцать нотариусов и столько же инквизиторов, чтобы подробно изложить их несколько обвинений против них; но поскольку их было сочтено недостаточным для получения показаний такого количества свидетелей, и инквизиторы были, так сказать, подавлены давлением подобных дел, на рассмотрение обвинений было отведено еще тридцать дней; и этот срок истек. времени, также оказавшегося недостаточным для намеченной цели, аналогичный срок был предоставлен в *третий* и *четвертый* раз. Служанки и матроны всех рангов и положений, опасаясь отлучения от церкви, толпились перед инквизицией. Скромность, стыд и желание скрыть факты от своих мужей побудили многих носить вуали. Но множество свидетельских показаний и ненависть, которую это открытие навлекло на аурикулярную исповедь и на духовенство, заставили инквизицию прекратить судебное преследование и предать показания забвению!

Из-за огромного лицемерия и беспрецедентной жестокости, которые, как мы видели, были зафиксированы инквизиторами, каждый будет готов поверить, что они, должно быть, были виновны в самых чудовищных личных безнравственных поступках. Многие из них были священниками; и безбрачие духовенства, предписанное римской религией, было причиной самых возмутительных нарушений законов Божьих. Эти преступления засвидетельствованы папскими историками высочайшего уровня и доказаны законами пап, принятыми против них; но записи о жизни священников свидетельствуют о самых отвратительных и ужасных преступлениях.

Возвышение инквизиторов по должности обычно ставило их выше всякого закона; а особенность их положения защищала их от обвинений, делая крайне опасным для любого, кто пошепчет что-либо против них. Поэтому они обычно купались в роскоши и предавались распущенности, которая казалась бы невероятной, если бы не другие их чудовищности и мерзости, записанные на достоверных страницах истории.

Поэтому переводчик “Истории Лимборха” замечает: “Распущенный характер, столь широко применяемый к римскому духовенству, не был лишним у тех, кто был назначен инквизитором. Хотя самим установлением своей власти они поставлены в значительной степени выше законов, они обладают, в дополнение к своим церковным доходам, возможностями сколотить огромное состояние на гибели тех, кого они осуждают; и, кроме того, такой неограниченной властью, что могут повелевать любым объектом желания или удовлетворять любую цель мести. Поэтому неудивительно, что при таких искушениях инквизитор становится сладострастным и что, обладая властью, он перенимает пороки восточных монархов”. Месье Лавалье в своей “Истории религиозных инквизиций” рассказывает следующее обстоятельство:

“Джентльмен, который в то время (1809 г.) проживал в Париже, имел дела в Лиссабоне за несколько лет до французской революции и собирался отправиться туда, взял с собой от дворянина из Версаля письмо главному инквизитору в Мадриде, через которое он проходил. По прибытии в этот город, будучи усталым и в то же время не желая препятствовать своему путешествию, он выполнил церемонию вручения письма инквизитору руками своего слуги, извинившись на этом основании, что не может оказать себе честь лично присутствовать. Однако великий инквизитор сам приехал к нему в отель и с большой вежливостью уговорил его провести вечер в его резиденции. Джентльмен отправился в свои апартаменты и был поражен великолепием салонов, мебелью и слугами. После того, как несколько присутствовавших дворян удалились, инквизитор предложил своему гостю осмотреть свою спальню; по роскошной элегантности она превосходила все, что он когда-либо видел. Стены были увешаны самыми изысканными картинами из языческой мифологии; пол из тончайшего мрамора был устроен так, чтобы пропускать рост апельсиновых деревьев, и хрустальный ручей, который, распространяя восхитительную прохладу, сбегал по порфировым основаниям в подземные каналы, а кровать была украшена драпировками с таким вкусом, что придавала всему царственный вид. Как только посетитель с восхищением осмотрел различные украшения этого великолепного убежища, которое он был тем более удивлен обнаружить там, где он скорее ожидал увидеть суровые знаки инквизиторской преданности, он приготовился удалиться. Но инквизитор остановил его, выразив удивление, что он так скоро устал; затем, сделав знак, появился доминиканец (его доверенный министр), который провел путешественника в великолепную гостиную, освещенную множеством восковых свечей; здесь был приготовлен великолепный ужин, за который сели великий инквизитор, его посетительница, *шесть дам* необычайной красоты и достижений и несколько монахов, которые были особыми фаворитами. Вечер был проведен с величайшим весельем, в то время как музыка, поэзия, пение и приятные беседы продлили пребывание компании до восхода солнца. Наконец путешественник откланялся, очень довольный любезностью его высочества и восхищенный выбранным им методом расслабления после учебы и усталости, возложенной на него Священной Канцелярией!”

Преподобный Д. А. Гэвин, испанский священник, но с 1715 года священнослужитель Англиканской церкви, в своем “Главном ключе к папизму”, том i, стр. 192-205, приводит следующий рассказ дамы, дочери советника Балабриги из Сарагосы. Она была схвачена приближенными Святой Канцелярии и заключена там вместе с другими как жертва отвратительной распущенности инквизиторов; но избавлена от унижения французской армией, когда часть войск была расквартирована в Сарагосе после великой битвы при Альманзе в 1706 году. Господин де Лигал, генерал-лейтенант, был отлучен инквизиторами от церкви за то, что он назначил им плату за поддержку своих войск, послал четыре полка солдат, чтобы изгнать инквизиторов и освободить их заключенные. Среди них, насчитывавших около *четырехсот* человек, он обнаружил *шестьдесят* молодых женщин, которые составляли сераль трех инквизиторов. Узнав об этом событии, архиепископ Сарагосы, опасаясь позора, который мог бы возникнуть из-за обнаружения столь чудовищного злодеяния, пожелал, чтобы генерал отправил молодых женщин к нему во дворец, чтобы он мог позаботиться о них. Но г-н де Лигаль ответил, что он с радостью оказал бы услугу его светлости, но это не в его власти, так как о дамах заботятся французские офицеры. Одна из этих дам, семья которой была известна Гэвину, будучи замужем за французским офицером, ее избавителем, рассказала свою историю своему другу некоторое время спустя, когда он встретил ее во время своих путешествий по Франции.

“Однажды я пошла со своей матерью, - рассказывала эта дама, - навестить графиню Атарессскую и встретила там дона Франсиско Торрехона, ее духовника и второго инквизитора Святой Канцелярии. После того как мы выпили шоколада, он спросил меня о моем возрасте, об имени моего духовника и задал столько запутанных вопросов о религии, что я не смог ему ответить. Его серьезное выражение лица действительно напугало меня; и, заметив мой страх, он попросил графиню сказать мне, что он не так суров, как я думала; после чего он приласкал меня самым любезным образом на свете, протянул мне руку, которую я поцеловала с большим уважением и скромностью; и когда он уходил, он сказал мне: ‘Мое дорогое дитя, я буду помнить тебя до следующего раза’. Я не обращал внимания на смысл этих слов, потому что был неопытен в вопросах галантности, поскольку в то время мне было всего пятнадцать лет. Действительно, он вспомнил меня, потому что на следующую ночь, когда мы были в постели, услышав громкий стук в дверь, горничная, которая лежала в той же комнате, где стояла моя кровать, подошла к окну и спросила: ‘Кто там?’ Я услышал, как кто-то сказал: “Святая инквизиция!”

Я не мог удержаться от крика: ‘Отец! отец! Я погиб навсегда!’ Мой дорогой отец встал и спросил, в чем дело, я со слезами ответила ему: “Инквизиция!” и он, опасаясь, что служанка не откроет дверь так быстро, как того требовал такой случай, пошел сам, как еще один Авраам, открыть дверь и предложить свою дорогую дочь на костер инквизиторов; и поскольку я не переставала кричать, как сумасшедшая, мой дорогой отец, весь в слезах, вложил мне в рот уздечку, чтобы показать свою покорность Святой Канцелярии и свое рвение к церкви. Католическая вера; ибо он думал, что я совершил какое-то преступление против религии. Итак, офицеры, не дав мне времени надеть нижнюю юбку и мантию, усадили меня в карету и, не доставив мне удовольствия обнять моих дорогих отца и мать, отвезли в инквизицию. Я действительно ожидал умереть в ту же ночь, но когда меня внесли в великолепную комнату, хорошо обставленную, с превосходной кроватью в ней, я был весьма удивлен. Офицеры оставили меня там, и тотчас же вошла служанка с серебряным подносом со сладостями и водой с корицей, желая, чтобы я немного подкрепился перед сном. Я сказал ей, что не могу, но что я был бы ей очень обязан, если бы она сказала мне, умру я в ту ночь или нет. ‘Умри!’ сказала она. - Ты пришла сюда не умирать, а жить как принцесса; и тебе ничего на свете не понадобится, кроме свободы выходить на улицу. А теперь, прошу вас, не обращайтесь внимания ни на что, а идите в постель и спите спокойно, ибо завтра вы увидите чудеса в этом доме; и поскольку я избрана вашей служанкой, я надеюсь, вы будете очень добры ко мне. У меня нет разрешения сказать вам что-либо еще до завтрашнего дня, только чтобы никто не беспокоил вас, потому что моя кровать стоит в шкафу рядом с вашей кроватью.

“Великое изумление, в котором я пребывал, лишило меня всех чувств или возможности свободно пользоваться ими; ибо у меня не было свободы думать ни о моих родителях, ни о моем горе, ни об опасности, которая была так близко от меня. И вот, когда я прервал свои размышления, пришла горничная, заперла за собой дверь спальни и сказала мне: ‘Мадам, давайте ляжем спать, и только скажите мне, в какое время утра у вас будет готов шоколад?’ ‘Мэри! ради всего святого,’ взмолился я, когда она назвала мне свое имя, - скажи мне, умру я или нет. ‘Я говорила вам, мадам, что вы приехали,’ сказала она, - чтобы жить как одно из самых счастливых созданий на свете’. И поскольку я заметил ее сдержанность, я больше не задавал ей никаких вопросов; поэтому, посвятив себя Всемогущему Богу и Богоматери Столпа и приготовившись умереть, я лег в постель, но не смог заснуть. Я был на ногах весь день, но Мэри проспала до шести часов. Она оставила меня на полчаса одну и вернулась с серебряным

блюдом, на котором стояли две чашки шоколада и несколько бисквитов. Я выпил одну чашку и попросил ее выпить другую. 'Ну, Мэри,' сказал я, - можешь ли ты как-нибудь объяснить мне причину моего пребывания здесь? 'Пока нет, мадам,' ответила она, 'но только наберитесь терпения ненадолго'. С этим ответом она ушла от меня и через час вернулась с двумя корзинками, в которых были тонкая голландская сорочка, голландская нижняя юбка, отделанная тонкими кружевами; две шелковые нижние юбки и маленький испанский жилет с золотой бахромой по всему телу; гребни, ленты и все, что подобает леди более высокого положения, чем я. Но самым большим моим удивлением была золотая табакерка с изображением дона Франсиско Торрехона на ней. Тогда я вскоре понял смысл своего заключения. Поэтому я рассудил сам с собой, что отказаться от подарка означало бы для меня немедленную смерть, а принять его - значило бы дать ему, даже в первый день, слишком большое поощрение против моей чести. Но я нашла, как мне казалось тогда, в данном случае; так сказал я, - Мэри, прошу дайте свою службу на дон Франсиско Торрехон, и сказать ему, что, поскольку я не мог принести мои вещи со мной прошлой ночью, честность позволяет мне принимать эти вещи, которые необходимы, чтобы держать меня порядочный; но, поскольку я не проведешь, я прошу Его Сиятельство извинить меня, если я не принимаю в этом поле.' Мария подошла к нему с этим ответом, и снова с рисунком красиво в золотой оправе, с четырьмя бриллиантами на четырех углах его, и сказал мне, что его светлость ошибся, и что он просит меня принять ту картину, которая была бы большая милость Его; и пока я размышлял сам с собой, что делать, Мария сказала мне, - прошу вас, мадам, примите мои бедные консультации; принимать картину, и все, что он посылает к вам; ибо считают, что, если вы не согласны и соблюдать все, что у него есть ум, у вас скоро будут преданы смерти, и никто не защитит тебя; но если ты отзывчивый и вежливый, он очень податливый и приятный джентльмен, и будет очаровательный любовник; и ты будешь там, как королева, и он даст вам другую квартиру с прекрасным садом, и многие молодые девушки придут к вам в гости. Поэтому я советую тебе послать ему вежливый ответ и пожелать, чтобы он тебя навестил, иначе ты сам скоро начнешь раскаиваться. 'О боже мой!' воскликнул я. - Неужели я должен отказаться от своей чести без всякого средства? Если я воспротивлюсь его желанию, он добьется этого силой'; и, полный замешательства, я попросил Мэри дать ему такой ответ, какой она сочтет нужным. Она была очень рада моей смиренной покорности и пошла передать дону Франсиско мой ответ. Она вернулась через несколько минут, вне себя от радости, и сообщила мне, что его светлость окажет мне честь составить компанию за ужином и что он не сможет прийти раньше из-за дел, которые вызвали его за границу; но тем временем он попросил меня отвлечься и дать Мэри мои мерки для нового костюма и приказать ей принести мне все, что я только пожелаю. Мария добавила к этому: "Мадам, теперь я могу называть вас *своей госпожой*; и должна сказать вам, что я служу в Святой Канцелярии уже четырнадцать лет и очень хорошо знаю ее обычаи; но поскольку молчание наложено на меня под страхом смерти, я не могу сказать вам ничего, кроме того, что касается вашей личности. Итак, во-первых, не противьтесь воле и удовольствию святого отца; во-, если вы увидите здесь молодых леди, никогда не спрашивайте их о причине их пребывания здесь и ничего об их деле; они также не спросят вас ни о чем подобном; и постарайтесь ничего не рассказывать им о вашем пребывании здесь. Вы можете приходить и развлекаться с ними в назначенные часы; у вас будет музыка и всевозможные развлечения. Через три дня ты будешь обедать с ними; все они знатные дамы, молодые и веселые, и это лучшая из жизней. Ты не будешь тосковать по отъезду за границу, тебе будет так хорошо дома; а когда твое время истечет, святые отцы выдадут тебя замуж за какого-нибудь дворянина. Никогда никому не упоминай ни имени дона Франсиско, ни своего имени. Если вы увидите

здесь своих знакомых в городе молодых леди, они никогда не обратят внимания на то, что вы были знакомы раньше, хотя и будут говорить с вами о пустяках; поэтому постарайтесь ничего не упоминать о своей семье.

“Все эти вещи вместе взятые ошеломили меня, и все это казалось мне каким-то волшебством, так что я не мог себе представить, что об этом думать. Получив этот урок, она ушла от меня, сказав, что собирается заказать мне ужин; и каждый раз, выходя, она запирала за собой дверь. В моей комнате было всего два высоких окна, и я ничего не мог разглядеть сквозь них; но, осмотрев комнату со всех сторон, я нашел шкаф со всевозможными историческими и светскими книгами. Так что я провел время до ужина, читая несколько занимательных любовных историй, что доставило мне большое удовлетворение. Мэри принесла все необходимое для стола, но мне хотелось спать; поэтому она спросила, когда ей следует меня разбудить, и я предложил через два часа. Мой сон здорово освежил меня, и в назначенное время она разбудила меня к обеду, который состоял из всего, что могло удовлетворить самый приятный аппетит. После обеда она оставила меня одного, велев позвонить в колокольчик, чтобы позвать ее, если мне что-нибудь понадобится; поэтому я снова пошел в свой чулан и провел три часа за чтением. Я действительно думаю, что был околдован; ибо я пребывал в совершенном замешательстве, так что не помнил ни отца, ни мать; и что больше всего было у меня на уме, я не знаю. Наконец пришла Мэри и сказала мне, что дон Франсиско вернулся домой, и она думала, что он очень скоро навестит меня; и попросила меня приготовиться принять его со всей добротой. В семь часов вечера явился дон Франсиско в ночной рубашке и колпаке, но не с серьезностью инквизитора, а с веселостью офицера. Он приветствовал меня с большим уважением и вежливостью и сказал, что намеревался составить мне компанию за ужином, но не смог в тот вечер, так как ему нужно было закончить какое-то важное дело в своей комнате; и что он пришел навестить меня только из уважения, которое он испытывал к моей семье, и в то же время сообщить мне, что некоторые из моих любовников устроили мне разорение, обвинив меня в вопросах религии; что информация была получена, и против меня вынесен приговор: быть сожженным заживо на сухой сковороде на медленном огне; но что он, из уважения к моей семье, из жалости и любви к моей семье я остановил его исполнение. Каждое из этих слов было смертельным ударом в мое сердце, и, не сознавая, что я делаю, я бросился к его ногам и сказал: ‘Сеньор, вы навсегда остановили казнь?’ ‘Останавливать это или нет - зависит только от тебя”, - сказал он и пожелал мне спокойной ночи. Как только он ушел, я разрыдалась; но Мэри подошла и спросила меня, что могло заставить меня так горько плакать. ‘Ах! добрая Мэри, - сказал я, - умоляю, объясни мне, что означают сухая сковорода и постепенный огонь? ибо я не ожидаю ничего, кроме смерти, а через нее.’ ‘О! мадам, не бойтесь, вы увидите сухую сковороду и постепенный обжиг в другой раз; но они созданы для тех, кто противится воле святых отцов, но не для вас, кто с такой готовностью им повиноваться. Но скажите на милость, был ли дон Франсиско очень вежлив и услужлив?’ ‘Я не знаю, ’ сказал я, ‘ потому что его речь вывела меня из себя; я знаю, что он приветствовал меня с уважением и вежливостью, но ушел очень внезапно’. ‘ Ну, ’ сказала Мэри, ‘ ты не знаешь его характера; он самый услужливый человек на свете, если люди вежливы с ним; а если нет, то он так же безжалостен, как Нерон. И поэтому, ради твоего спасения, постарайся угодить ему во всех отношениях. А теперь, пожалуйста, иди ужинать и будь спокоен.

“Я был так сильно встревожен мыслями о сухой сковороде и постепенном разжигании огня, что в ту ночь не мог ни есть, ни спать. Рано утром Мэри встала и сказала мне, что в доме еще никто не встал, и что она покажет мне сухую сковороду и медный огонь, при условии, что я сохраню

это в секрете ради нее, да и для себя тоже, что я ей пообещал, она взяла меня с собой и показала мне темную комнату с толстой железной дверью, а внутри нее духовку и большую медную сковороду на ней, с такой же крышкой и замком на ней — духовка в это время топилась, и я спросил Мэри, для чего там эта сковорода? И она, не дав мне никакого ответа, взяла меня за руку из этого места и отвела в большую комнату, где показала мне толстое колесо, обитое с обеих сторон толстыми досками, и, открыв маленькое окошко в центре его, попросила меня заглянуть со свечой внутрь, где я увидел всю окружность колеса, утыканную острыми бритвами. После этого она показала мне яму, полную змей и жаб. Затем она сказала мне: 'Теперь, моя добрая госпожа, я расскажу тебе, как использовать эти три вещи. Сухая сковорода и постепенный огонь предназначены для еретиков и тех, кто противится воле и соизволению святых отцов; ибо их всех обнаженных и живых кладут на сковороду, и когда крышка ее закрывается, палач начинает разводить в печи небольшой огонь и постепенно увеличивает его, пока тело не превратится в пепел! Вторая предназначена для тех, кто выступает против папы римского и святых отцов; ибо их сажают в колесо, и когда маленькая дверца запирается, палач вращает колесо до тех пор, пока человек не умрет. И третье - для тех, кто осуждает изображения и отказывается оказывать должное уважение духовным лицам; ибо их бросают в яму, и они сразу же становятся пищей змей и жаб!"

Тогда Мария сказала мне, что в другой раз она покажет мне муки для публичных грешников и нарушителей пяти заповедей нашей святой матери церкви; поэтому я, в глубоком изумлении, пожелал, чтобы она больше не показывала мне никаких мест; ибо самих мыслей о тех трех, которые я видел, было достаточно, чтобы ужаснуть меня до глубины души. Итак, мы отправились в мою комнату, и она снова наказала мне быть очень послушной всем командам, которые должен был отдавать мне дон Франсиско, или быть уверенной, что, если я этого не сделаю, меня подвергнут пыткам на сухой сковороде. В самом деле, я испытывала такой ужас перед постепенным пожаром, что не владела ни своими чувствами, ни своими мыслями. Поэтому я сказал Мэри, что последую ее совету и предоставлю дону Франсиско все, чего он от меня пожелает. 'Если вы в таком расположении духа,' сказала она, 'отбросьте все свои страхи и предчувствия и не ожидайте ничего, кроме удовольствия, сатисфакции и всевозможных развлечений; и вы начнете испытывать некоторые из этих вещей уже сегодня. А теперь позволь мне одеть тебя, потому что ты должна пойти пожелать доброго утра дону Франсиско и позавтракать с ним.' Я действительно подумала, что это большая честь для меня и хоть какое-то утешение для моей встревоженной души; поэтому я поспешила, как могла, и Мэри провела меня через галерею в апартаменты дона Франсиско. Однако он все еще был в постели, попросив меня присесть рядом с ним, велел Мэри принести шоколад через два часа; и с этими словами она оставила меня наедине с доном Франсиско, который немедленно пылко заявил о своих склонностях, я не имел права оправдываться, и таким образом, погасив огонь его страсти, я освободился от постепенного обжига и сухой сковороды, которые были единственным, что тогда беспокоило мой разум. Когда Мэри вошла с шоколадом и опустилась на колени у кровати, она отдала мне дань уважения, как будто я была королевой, и сначала подала мне чашку шоколада, все еще стоя на коленях, и велела мне самой налить еще чашку дону Франсиско, что он принял очень любезно. Допив шоколад, она вышла, и мы некоторое время беседовали о разных вещах, но я не произносил ни слова, за исключением тех случаев, когда он просил меня ответить ему. Итак, в десять часов Мэри пришла снова и, одев меня, пожелала, чтобы я пошел с ней; и, оставив дона Франсиско в постели, она отнесла меня в другую комнату, очень милую и лучше обставленную, чем первая, потому что окна в ней были ниже, и я имел удовольствие

видеть реку и сады на другом берегу. Тогда Мэри сказала мне: ‘Мадам, молодые леди из этого дома придут перед обедом, чтобы поприветствовать вас и порадоваться вашему обществу, и пригласят вас отобедать с ними. Пожалуйста, вспомни совет, который я тебе уже дал, и не делай себя несчастным, задавая бесполезные вопросы.’ Она не закончила этих слов, когда я увидел входящую в мои покои — которые состояли из большой прихожей и спальни с двумя большими гардеробными — группу молодых, красивых дам, изысканно одетых, которые одна за другой подходили, чтобы обнять меня и пожелать мне счастья. Мои чувства были в совершенном замешательстве, и я не мог ни вымолвить ни слова, ни ответить на их любезные комплименты. Но один из них, видя меня такой молчаливой, сказал мне: ‘Мадам, уединение этого места поначалу подействует на вас; но когда вы побудете в нашей компании и почувствуете удовольствие от наших забав и развлечений, вы оставите свои задумчивые мысли. А теперь мы просим вас оказать нам честь пообедать с нами сегодня и впредь три дня в неделю’. Я поблагодарил их, и мы отправились обедать. В тот день у нас было множество сортов изысканного мяса, а также нежные фрукты и сладости. Зал был очень длинным, с двумя столами с каждой стороны и еще одним в передней части, и я насчитал в нем в тот день *пятьдесят две* юные леди, самой старшей из которых было не более *двадцати четырех* лет. Всего нас обслуживали шесть служанок, но моя Мэри в тот день прислуживала мне одна. После ужина мы поднялись по лестнице в длинную галерею с решетчатыми окнами, где одни из нас играли на музыкальных инструментах, другие - в карты, а третьи прогуливались, и мы провели вместе три часа. Наконец, Мэри поднялась вверх, позвонив в маленький колокольчик, что было сигналом удалиться в наши комнаты, как они мне сказали; но Мэри сказала всей компании: ‘Леди, сегодня день отдыха; так что вы можете идти в какую вам заблагорассудится комнату до восьми часов, а затем вы должны пройти в свои покои’. Поэтому все они попросили разрешения пойти со мной в мои апартаменты, чтобы провести там время; и я был очень рад, что они предпочли мою комнату другой. Спустившись все вместе, мы встретились в моей приемной, где нашли большой стол со всевозможными сладостями, ледяной водой с корицей, миндальным молоком и тому подобным. Все ели и пили, но никто ни словом не обмолвился о роскоши стола и ничего не упомянул об инквизиции святых отцов. Так мы провели время в веселой, безразличной беседе до восьми часов. Затем каждая удалилась в свою комнату, и Мэри сказала мне, что дон Франсиско действительно ждал меня; поэтому мы отправились в его покои, и когда ужин был готов, мы вдвоем сели за стол, прислуживая только моей горничной.

“После ужина Мэри ушла, а мы отправились спать; а на следующее утро она действительно угостила нас шоколадом, который мы выпили в постели, а потом проспали до десяти часов. Затем мы встали, и моя служанка отнесла меня в мою комнату, где я нашла наготове два костюма из богатой парчи и все остальное, подобающее леди первого ранга. Я надел один из них, и когда я был полностью одет, молодые леди пришли пожелать мне доброго утра, все в другой одежде и лучше, чем накануне; и мы провели второй и третий день в том же развлечении, дон Франсиско продолжал со мной в той же манере. Но на четвертое утро, после того как мы с доном Франсиско выпили шоколад в постели, как это было принято у нас с доном Франсиско, Мэри сказала мне, что какая-то дама ждет меня в своей комнате, и с вежливым видом попросила меня встать; и дон Франсиско ничего не сказал против, я встал и оставил его в постели..... Я действительно думал, что это должно было дать мне какое-то новое утешение и развлечение; но я сильно ошибался, потому что Мэри отвела меня в комнату молодой леди, не более восьми футов в длину, которая была настоящей тюрьмой, и там, в

присутствии леди, сказала мне: "Мадам, это ваша комната, а эта молодая леди - ваша соседка по постели"; и оставила меня там с этим жестоким приказом.

"Я была в самом отчаянном положении; но моя новая сестра Леонора, — так ее звали, - так сильно повлияла на меня, что я преодолела свою досаду до того, как Мэри снова пришла, чтобы принести нам обед. Затем она начала говорить: 'Моя дорогая сестра, ты считаешь, что с тобой произошел тяжелый случай; уверяю тебя, все дамы здесь, в этом доме, уже прошли через то же самое, и со временем ты узнаешь все их истории, как они надеются узнать твою. Я полагаю, что Мэри была главным орудием вашего испуга, как и нашего; и я ручаюсь, что она показала вам несколько ужасных мест, хотя и не все, и что при одной мысли о них вы были так сильно встревожены, что выбрали тот же путь, что и мы, чтобы немного успокоить наши сердца. Из того, что с нами произошло, мы знаем, что дон Франсиско был вашим Неро; ибо три цвета нашей одежды - отличительные знаки трех святых отцов: *красный* шелк принадлежит дону Франсиско, *синий* - Герреро и *зеленый* - Алиаге. Потому что на первые три дня они дарят эти цвета тем дамам, которые приносят с собой для использования. Нам строго приказано всячески демонстрировать радость и быть очень веселыми три дня, когда сюда приезжает молодая леди, как мы поступили с вами, и вы должны поступать с другими. Но после этого мы живем как заключенные, не видя ни одной живой души, кроме шести служанок и Мэри, которая работает экономкой. Мы обедаем все вместе в холле три дня в неделю и три дня в наших комнатах. Когда у кого-нибудь из святых отцов появляется интерес к одной из своих рабынь, Мария приходит за ней в девять часов и отводит в его апартаменты. Если кому-то из нас случается забеременеть, ее переводят в комнату получше, и она не видит никого, кроме служанки, пока не родит. Ребенка забирают, и мы не знаем, куда его несут. В настоящее время у нас пятьдесят две юные леди, и каждый год мы теряем шесть или восемь человек; но мы не знаем, куда их отправляют. В то же время мы получаем новых; и иногда я видел здесь *семьдесят три* дамы. Вся наша постоянная мука состоит в том, чтобы думать, и не без оснований, что, когда святые отцы устают от кого-то из них, они предадут ее смерти; ибо они никогда не подвергнутся риску быть уличенными в этих проступках, выслав из дома кого-либо из наших товарищей".

Мы прожили вместе восемнадцать месяцев, за это время потеряли одиннадцать женщин и обзавелись девятнадцатью новыми. По прошествии восемнадцати месяцев однажды ночью пришла Мэри и приказала нам следовать за ней. Когда мы спускались по лестнице, она велела нам сесть в карету, и мы думали, что это последний день в нашей жизни. Мы вышли из дома, но куда, мы не знали, пока нас не поместили в другой дом и комнату, хуже первой, где мы пробыли взаперти более двух месяцев, не видя ни святых отцов, ни Марию, ни кого-либо из наших товарищей. И таким же образом нас перевели из этого дома в другой, где мы оставались до тех пор, пока французские офицеры чудесным образом не освободили нас. Мистер Фолко, к счастью для меня, действительно открыл дверь моей комнаты; и, как только он увидел меня, он начал проявлять ко мне большую вежливость и взял меня и Леонору с собой в свою квартиру; и после того, как он услышал всю мою историю и испугался, что все обернется не в нашу пользу, он приказал на следующий день отправить нас к своему отцу. Мы переоделись в мужскую одежду, чтобы идти было безопаснее; и вот мы пришли в этот дом, где меня продержали два года как дочь старика, пока полк мистера Фолко не был разбит, он вернулся домой и через два месяца женился на мне. Другой офицер женился на Леоноре.

ГЛАВА XX.

ОТМЕНА ИНКВИЗИЦИИ В ИСПАНИИ.

Современные операции инквизиции в Испании—Последствия Французской революции—Шевалье де Сен-Жерве-указы Наполеона об упразднении инквизиции—Ее снос полковником Лемановским—Ее возрождение Фердинандом VII.—Его окончательное свержение кортесами —Его жертвами.

Свет и знания продолжали распространяться в Европе в течение восемнадцатого века. Каждый разумный человек понимал, что это означает огромные суеверия и жестокость папства; но эти преимущества без учета благословенных принципов Священного Писания, оставляющие людей в неведении относительно истинного христианства, породили неверие. Таким образом, папское духовенство, которое отобрало священные книги у народа, подверглось страшному возмездию со стороны неверных во Франции во время революции в конце века. Это событие поразило весь Континент в порядке Божественного Провидения. Тем не менее инквизиция продолжала свои пагубные операции в нескольких странах, особенно в Испании, хотя ее судьба была предreshена и ее свержение было предопределено. Его деяния, однако, были менее шокирующими, но о его современном характере можно судить по нескольким фактам.

Говоря о Дrame в Испании, Сисмонди замечает, что “жития Святых были представлены публично, с одобрения и аплодисментами инквизиции, в восемнадцатом веке. Но в то время как вкус народа был так стремителен к такого рода зрелищам, и в то время как это поощрялось духовенством и поддерживалось инквизицией, Двор, просвещенный критикой и лучшим вкусом, желал спасти Испанию от скандального поношения, которое эти притворно благочестивые представления вызывали у иностранцев. Карл III в 1765 году запретил дальнейшее представление религиозных пьес *иавтосакраменталов*; а дом Бурбонов уже лишил народ другого развлечения, не менее дорогого для него, — *авто да фе*. После исчезновения испанской ветви австрийского дома инквизиции больше не разрешалось публично уничтожать своих жертв; но она продолжала даже в наши дни проявлять к ним в своих застенках самую возмутительную жестокость”.

В то время как многие несчастные существа были принесены в жертву частным образом, погибая в ужасных тюрьмах, те, кто был освобожден, всю жизнь носили следы ужасного обращения с ними. Каждый заключенный, прежде чем его отпустили, был обязан под страшным проклятием соблюдать строжайшее молчание относительно всего, что он видел, слышал и произносил в инквизиции. Мистер Таунсенд рассказывает, что голландского консула, с которым он познакомился во время своего путешествия по Испании в 1787 году, так и не удалось убедить рассказать о его заключении инквизицией в Барселоне, которое произошло тридцать пять лет назад, и он выказал величайшее волнение, когда его заставили сказать что-либо об обращении, которому он подвергся. Его товарищ по заключению, мистер Фальконе, который был всего лишь мальчиком, посидел за время своего короткого заключения и до дня своей смерти, хотя и был переведен в Монпелье, хранил самое упорное молчание на эту тему.

Однако господство инквизиции в конце концов было свергнуто французскими солдатами-католиками под командованием Буонапарта. В то время как войска Франции продвигались в Испании, в 1807 году шевалье де Сен-Жерве, французский офицер, был схвачен и заключен в

тюрьму инквизиторами Барселоны. Однажды, “после обеда”, - говорит он, - “Я пошел прогуляться по той прекрасной террасе, которая тянется вдоль порта в той части, которая называется *Барселонетта*. Стороны этой аллеи, которая называется *Лонга*, украшены прекрасными зданиями. Я безмятежно наслаждался этим восхитительным местом и безмятежным вечером погожего дня, когда внезапно меня окружили шестеро мужчин и приказали следовать за ними. Я ответил решительным отказом, после чего один из них схватил меня за воротник. Я немедленно атаковал его сильным ударом по лицу, который заставил его взреветь от боли; но в то же мгновение вся банда навалилась на меня так плотно, что я был вынужден обнажить свой меч. Я сражался, сколько мог; но, не обладая силой Антея или Геркулеса, я был, наконец, вынужден уступить. Негодяи пытались внушить мне уважение и ужас, говоря, что они знакомы со Святой Канцелярией. Я подчинился силе и был доставлен в тюрьмы инквизиции.

“Как только я оказался в когтях этих стервятников, я начал спрашивать себя, в чем было мое преступление и что я сделал, чтобы навлечь на себя порицание этого ненавистного трибунала. ‘Неужели эти монахи’якобинцы, - спросил я, - стали преемниками друидов, которые называли себя посланцами Божества и присвоили себе право отлучать от церкви и предавать смерти своих сограждан?’ Мои жалобы повисли в пустоте.

“На следующий день доминиканец, окутанный лицемерием и говорящий лживым языком, пришел, чтобы заклинаящим меня чревом Иисуса Христа покаяться в своих ошибках, чтобы обрести свободу. “Сначала признайся в своих собственных ошибках, - сказал я ему. ‘ Попроси прощения у Бога за свое лицемерие и несправедливость. По какому праву вы арестовываете джентльмена, уроженца Франции, который не подпадает под юрисдикцию вашего адского трибунала и который не сделал ничего, что нарушало бы законы этой страны?’ ‘ О! святая Дева!’ сказал он, ‘ ты заставляешь меня трепетать! Я пойду и помолюсь Богу за тебя, и я надеюсь, что он откроет тебе глаза и изменит твое сердце!’ ‘Иди, помолись дьяволу,’ сказал я себе. ‘ Он - твое единственное божество’. Однако в тот же день господин Обер, напрасно прождав меня к обеду, послал в мой отель справиться обо мне. Хозяин сообщил ему, что я исчез накануне вечером; что мой багаж все еще остается на его попечении, но что он совершенно ничего не знает о том, что со мной стало. Эти услужливые джентльмены, обеспокоенные моей судьбой, наводили обо мне справки по всему городу, но не смогли получить ни малейших сведений. Пораженный этим обстоятельством, он начал подозревать, что какая-то неосторожность с моей стороны навлекла на меня месть Святой Канцелярии. Он умолял генерал-капитана потребовать моего расширения. Инквизиторы отрицали факт моего задержания с величайшей наглостью лжи; но месье Обер, не будучи в состоянии обнаружить никакой другой вероятной причины моего исчезновения, упорно продолжал считать меня заключенным Святой Канцелярии.

На следующий день пришли хранители, чтобы отвести меня к трем инквизиторам; они подарили мне желтую мантию, но я с презрением отверг эту сатанинскую ливрею. Однако они убедили меня, что подчинение - это единственное средство, с помощью которого я могу надеяться вернуть себе свободу. Поэтому я предстал перед этими тремя жрецами Плутона, одетый в желтое, с восковой бумагой в руке. В зале было вывешено знамя Священной Канцелярии, на котором были изображены решетка, пара щипцов и поленница дров с такими словами— ‘СПРАВЕДЛИВОСТЬ, МИЛОСЕРДИЕ, СОСТРАДАНИЕ’. Какая чудовищная ирония! У меня не раз возникало искушение подпалить своей пылающей свечой отвратительное лицо одного из этих якобинцев, но мой добрый гений удерживал меня. Один из них с видом кротости посоветовал

мне исповедаться в своих грехах. 'Мой великий грех, - ответил я, - состоит в том, что я попал в страну, где священники попирают ногами человечество и, прикрываясь религией, преследуют добродетель и невинность'. ' Это все, что ты можешь сказать? ' Да, моя совесть свободна от тревоги и угрызений совести. Трепещи! если в полку, к которому я принадлежу, узнают о моем заключении, они растопчут более десяти испанских полков, чтобы спасти меня от вашего варварства. 'Только Бог является хозяином; наш долг - присматривать за его стадом, как верные пастыри; наши сердца сокрушены этим, но вы должны вернуться в свою тюрьму, пока не сочтете нужным признаться в своей вине'. Затем я удалился, бросив на своих судей взгляд, полный презрения и негодования.

“Как только я вернулся в свою тюрьму, я с большим беспокойством задумался о том, что могло быть причиной такого сурового обращения. Я был далек от того, чтобы подозревать, что это могло быть связано с моим ответом монаху-канту мендио Пресвятой Деве и ее сияниях ”. [Один из них пришел в его комнату, протянул кошелек и попросил пожертвовать на зажжение свечей в честь Пресвятой Девы; он ответил: “Мой добрый отец, Пресвятая Дева не нуждается в огнях; ей нужно только рано лечь спать”.] "Однако господин Обер, будучи убежден, что только инквизиция была причиной моего исчезновения, приставил шпионов ко всем их шагам. Один из них сообщил ему, что три монаха доминиканского ордена собираются отправиться в Рим, будучи делегированными на монастырское собрание, которое должно было состояться там. Он немедленно написал месье де Коле, коменданту Перпиньяна, чтобы сообщить ему о моем исчезновении, о своих подозрениях относительно причины и о проезде трех якобинцев через Перпиньян, прося его арестовать их и не выпускать на свободу до тех пор, пока я не буду освобожден.

Господин де Коле с готовностью ухватился за эту возможность отомстить и отдал у городских ворот приказ схватить трех достопочтенных особ. Они прибыли около полудня, в приподнятом настроении и с большим аппетитом, и спросили у часового, в какой гостинице лучше остановиться. Явился офицер стражи и сообщил им, что ему поручено проводить их к коменданту этого места, который предоставит им жилье и развлечения. Монахи, обрадованные такой неожиданной удачей, рассыпались в благодарностях и заявили, что и подумать не могли о том, чтобы побеспокоить коменданта. - Пойдемте, добрые отцы, месье де Коле намерен оказать вам почести в городе. Тем временем он предоставил им эскорт из четырех солдат и сержанта. Отцы радостно маршировали, поздравляя друг друга и восхищаясь вежливостью французов. ' Добрые отцы, ' сказал месье де Коле, ' я рад видеть вас в этом городе. Я ждал вас с нетерпением и предоставил вам кров. ' Ах, господин комендант, вы слишком добры, мы этого не заслуживаем. ' Простите, не был ли у вас в барселонской тюрьме французский офицер, шевалье де Сен-Жерве? ' Нет, господин комендант, мы никогда не слышали ни о ком подобном. ' Я сожалею об этом, потому что вы будете заключены в тюрьму и будете питаться хлебом и водой до тех пор, пока этот офицер не прибудет. Преподобные отцы, чрезвычайно раздраженные, возмутились этим нарушением международного права, а затем заявили, что они покоряются воле небес и что комендант должен ответить перед Богом и Папой за преследования, которые он собирался осуществить против членов церкви. "Да, - сказал комендант, - я беру ответственность на себя; тем временем вы отправитесь в цитадель".

“Итак, узрите трех лицемеров в узкой тюрьме, приговоренных к режиму Павлов и Иларионов, издающих самые громкие восклицания против системы поста и коменданта. Каждый день поставщик, принося им кувшин воды и порцию хлеба, спрашивал, есть ли у них что заявить

относительно французского офицера. В течение трех дней они настаивали на отрицательном ответе; но, в конце концов, вопли не их совести, а их желудков и усталость от такого образа жизни пересилили их упрямство. Они попросили о встрече с месье де Коле, который немедленно их принял. Они признались, что молодой французский офицер был заключен в тюрьмы Святой Канцелярии из-за нечестивых высказываний, которые он произнес в отношении Пресвятой Девы. ‘ Несомненно, он поступил неподобающе, ’ сказал г-н де Коле, ‘ но позвольте Пресвятой Деве отомстить за себя. Напишите в Барселону, чтобы этого джентльмена освободили; тем временем я буду держать вас в качестве заложников, но я смягчу ваши страдания, и ваш стол будет менее скудным’. Монахи немедленно написали, чтобы дать свободу проклятому французу.

“В течение этого промежутка времени досада, нетерпение и усталость овладели моей душой и сделали меня уставшим от жизни. Наконец инквизиция, прочитав письмо своих братьев, осознала необходимость освободить свою жертву. Один из них пришел сообщить мне, что, принимая во внимание мою молодость и то, что я уроженец Франции, Святая канцелярия пришла к решению освободить меня; но что они требуют, чтобы я в будущем больше уважал Мадонну, мать Иисуса Христа. ‘Преподобнейший отец, - ответил я, - французы всегда с величайшим уважением относились к дамам’. Произнеся эти слова, я бросился к двери, и когда я оказался на улице, мне показалось, что я снова восстал из могилы к жизни!”

Карл IV. отрекся от трона Испании, и ему наследовал его сын Фердинанд VII в 1808 году; но вскоре Наполеон Бонапарт вынудил его сложить с себя трон, назначив на трон своего собственного брата Жозефа, в то время как сам двинулся к столице и 4 декабря взял Мадрид. Зная ужасный характер Святой канцелярии, в тот же день он издал указ о ликвидации инквизиции, чтобы ее доходы могли использоваться в целях правительства.

В соответствии с этим указом дворец инквизиции был снесен несколько месяцев спустя в отместку за оскорбление полковника Лемановского, офицера французской армии. Его отчет об этом подтверждает многие из приведенных выше подробностей об этом ужасном месте. Он заявляет: —

“В 1809 году я был прикреплен к той части армии Наполеона, которая была расквартирована в Мадриде. Сульт был главнокомандующим и губернатором города. Моим полком был 9-й польский уланский.

“Однажды вечером, около десяти или одиннадцати часов, когда я шел один по одной из улиц Мадрида, двое вооруженных мужчин набросились на меня из подъезда; я мгновенно выхватил шпагу и защищался, как мог, от их яростного нападения. Борясь с ними, я увидел вдалеке, пересекая верхнюю часть улицы, огни конных патрулей. Французские солдаты на страже, с фонарями, разъезжали по улицам города в любое время ночи, чтобы поддерживать порядок. Я окликнул их по-французски, и когда они поспешили мне на помощь, нападавшие бросились наутек; однако не раньше, чем я увидел по их одежде, что они принадлежат к стражам инквизиции. Поскольку у меня была привычка свободно высказывать людям все, что я думаю о священниках, иезуитах и инквизиции, я не сомневаюсь, что эти люди были приставлены следить за мной и убить меня. Наполеон постановил, что инквизиция и монастыри должны быть подавлены. Однако прошли месяцы, а указ не был приведен в исполнение.

В ту ночь я отправился прямо к маршалу Сульту, рассказал ему о том, что произошло, и напомнил ему об указе императора. Он сказал, что я могу пойти на следующее утро и уничтожить инквизицию, в то же время поручив мне позаботиться о картинах, библиотеке и других ценных вещах. Я ответил, что моего полка недостаточно для такой службы, но если он даст мне 117-й линейный полк и еще один полк, который я назвал, я возьмусь за эту работу. Полковник 117-го полка, полковник Де Лиль, был моим близким другом, а сейчас является пастором евангелической церкви во Франции. Маршал Сульт выделил мне необходимые войска. В ту же ночь экспедиция была организована, и на следующее утро на рассвете мы отправились в Инквизицию, которая находилась примерно в пяти милях от города.

“Здания окружала очень прочная стена. Я вышел вперед с ротой солдат и, обратившись к одному из часовых на стене, призвал тех, кто находился внутри, сдаться и открыть ворота императорской армии. Мужчина удалился, и после разговора, по-видимому, с кем-то внутри, он появился снова, предъявил свой мушкет и застрелил одного из моих людей. Это был сигнал к атаке, и, вернувшись к моим войскам, которые остановились на некотором расстоянии вне поля зрения, я приказал им продвигаться вперед и стрелять по тем, кто появился на стенах.

Вскоре стало очевидно, что это была неравная война. Гарнизон был многочисленным, а на стенах имелся мощный бруствер, из-за которого они вели разрушительный огонь по нашим людям на открытой равнине. У нас не было пушек; наших штурмовых лестниц оказалось недостаточно, стены оказались выше, чем мы ожидали; и ворота сопротивлялись всем попыткам их взломать. Желая закончить работу как можно тише и быстрее, я распорядился срубить и подстричь несколько деревьев, которые можно было использовать в качестве таранов. Выбрав место, где земля немного наклонялась к стене и это давало моим людям преимущество прикрывать своим огнем тех, кто участвовал в штурме, два таких тарана были пущены в ход на стенах. Вскоре стены задрожали; была пробита брешь, и императорские войска ворвались в здание инквизиции.

“Здесь мы столкнулись со сценой, для которой нет ничего равного, кроме иезуитской наглости. Генеральный инквизитор, за которым следовали отцы в мантиях, все предстали, когда мы пробирались внутрь помещения, со скрещенными на груди руками, их пальцы покоились на плечах, как будто они были глухи ко всему шуму нападения и защиты и только что узнали, что происходит. Они обратились на языке упрека к своим собственным солдатам, говоря: "Почему вы сражаетесь с нашими друзьями французами?"

“Их намерение, без сомнения, состояло в том, чтобы заставить нас думать, что защита была полностью несанкционирована ими, надеясь, что, если они смогут заставить нас поверить в их дружелюбие, у них будет больше возможностей сбежать. Их поверхностная уловка не увенчалась успехом. Я приказал поместить их под стражу, а всех солдат инквизиции, которые не сбежали в суматохе, запереть как заключенных.

Затем мы приступили к осмотру помещений величественного здания. Мы проходили зал за залом, богато обставленными; мы находили великолепные картины; богатую и обширную библиотеку; и повсюду красота, великолепие и порядок, каких я никогда не видел ни в одном дворце. Архитектура, мебель, орнаменты были такими, чтобы радовать глаз и удовлетворять вкус. Но где же были мрачные камеры и ужасные орудия пыток, которые, как нас учили, следовало ожидать найти в инквизиции? Мы искали их напрасно. Святые отцы, казалось, были удивлены тем, что мы ожидали найти что-либо подобное; заверили нас, что они были

опровергнуты и что святая Католическая церковь в этом, как и в других вещах, была грубо искажена.

“Хотя я видел насквозь коварную подлость отцов церкви в этих замечаниях и знал, как римская церковь всегда делает вид, что отрицает свои преступления и жестокость, когда приводит их в исполнение, я был готов поверить, после нашего тщательного поиска, что эта инквизиция отличалась от других, о которых я слышал. Однако моего друга Де Лиля было не так легко убедить. ‘Полковник,’ сказал он мне, ‘сегодня вы командир, и, как вы говорите, так и должно быть; но если я дам вам совет, давайте проведем еще один поиск; я не думаю, что мы еще не все видели. Соответственно, мы снова начали исследования, особенно в подземных частях. Хорошо отметив, под какой частью зданий мы находились, мы обнаружили, что побывали под каждой частью, за исключением большой часовни инквизиции и прилегающих зданий. Пол этой часовни был выложен из огромных плит дорогого мрамора. Полы в других помещениях инквизиции были либо мраморными, либо из тщательно отполированного дерева. Мы не смогли найти ни входа в хранилища, ни других указаний на то, что что-то находится под часовней. Теперь, когда полковник Де Лиль был готов отказаться от поисков, его осенила мысль, которая все еще радовалась открытию. ‘Давайте возьмем воды,’ сказал он, - и выльем ее на этот пол, и посмотрим, есть ли какое-нибудь место, где она проходит более свободно, чем в других. Немедленно принесли воду и тщательно исследовали каждый шов, ни одна из плит не была зацементирована, чтобы увидеть, проходит ли вода. Вскоре один из солдат закричал, что он нашел это! Сбоку от одной из мраморных плит вода быстро протекала, как будто под ней было отверстие. Теперь все были заняты дальнейшими открытиями. Офицеры с саблями и солдаты со штыками пытались расчистить шов и поднять плиту. Другие начали изо всех сил колотить по плите прикладами своих мушкетов, чтобы сломать ее. Отцы церкви, которые до этого наблюдали за происходящим с величайшим ужасом, теперь разразились громкими протестами против нашего осквернения их святого и прекрасного дома. Пока они были заняты этим, один из солдат, возившийся с прикладом своего мушкета, ударил по части мрамора, под которой была пружина, и плита частично отлетела вверх; тогда лица инквизиторов побледнели, и они задрожали, как Валтасар, когда на стене появился почерк. Мраморная плита была поднята, и показался верх лестницы. Я подошел к алтарю и взял одну из длинных горящих свечей, несколько моих людей сделали то же самое, чтобы мы могли рассмотреть, что находится внизу. Один из здешних инквизиторов подошел ко мне и, мягко положив руку мне на плечо, сказал со скромным и святым видом: ‘Сын мой, ты не должен брать эти огни своими окровавленными руками; они святы’. ‘Хорошо,’ сказал я, отталкивая его, - я возьму святыню, которая прольет свет на беззаконие; я возьму на себя ответственность’. Мы спустились по лестнице.

“Спустившись на первый этаж, первая комната, в которую мы вошли, была большим квадратным залом, с одной стороны которого находилась приподнятая платформа с сиденьями, причем центральная платформа была значительно приподнята и представляла собой трон генерального инквизитора. В центре зала стояла большая колодка с прикрепленной к ней цепью, к которой приковывали обвиняемых во время допросов.

“Выйдя из зала суда, мы прошли по коридору с многочисленными дверями. Это были камеры одиночного заключения, из которых несчастных жертв никогда не выводили, разве что для пыток. Продвигаясь вперед, мы слышали звуки в некоторых из этих камер. Открыв двери, мы стали свидетелями такого зрелища, которое я не хотел бы видеть никогда больше, подробности которого слишком ужасны, чтобы рассказывать. *В некоторых камерах мы находили тела, по-*

видимому, умерших совсем недавно. Другие находились на различных стадиях разложения; и мы видели некоторых, от которых мало что осталось, кроме костей, все еще прикованных цепями к полу подземелья. Чтобы это разложение не было оскорбительным для обитателей инквизиции, вдоль крыш камер были проложены дымоходы, которые выводили неприятный запах на открытый воздух. Среди живых заключенных мы нашли пожилых мужчин и женщин шестидесяти десяти лет, юношей и девушек четырнадцати-пятнадцати лет и других в расцвете сил. Некоторые пробыли здесь много лет и потеряли счет времени, прошедшему с тех пор, как они вошли. Солдаты приступили к работе, чтобы освободить их от цепей, и достали из их рюкзаков пальто и другую одежду, чтобы прикрыть их наготу. Они жаждали, чтобы их вывели на дневной свет, но, услышав об опасности этого, я распорядился дать им пищу, а затем велел постепенно выводить их на свет, пока они были в состоянии это выносить.

Затем мы приступили к исследованию другой комнаты, где находились орудия пыток. Одним из таких приспособлений был станок, на котором жертву растягивали и растягивали каждый сустав тела, начиная с пальцев, до тех пор, пока пострадавший не терял сознание или не умирал. Другой двигатель состоял из коробки, в которой головка и горловина были неподвижно закреплены винтом, а над этой коробкой находился сосуд, из которого капля за каплей ежесекундно на голову падала вода. Эта вечная капля, падающая в одно и то же место, вызывала самую мучительную агонию — агонию, которая вскоре перешла в бредовое безумие. Другая адская машина лежала горизонтально, к ней привязывали страдальца, а затем помещали между двумя балками, на которых было закреплено множество ножей, так что при вращении машины рукояткой плоть отрывалась от конечностей на мелкие кусочки. Четвертая машина превосходила остальные дьявольской изобретательностью. Внешне она представляла собой красивую женщину, богато одетую, с руками, протянутыми, чтобы обнять жертву; вокруг ее ног был очерчен полукруг. Тот, кто переступал эту черту, касался пружины, отчего открывался дьявольский механизм, и тысяча ножей пронзала его со смертельной силой.

Вид этих орудий адской жестокости разжег ярость солдат, и без того разъяренных сопротивлением, которое они встретили, и гибелью их товарищей при штурме стен. Они заявили, что подвергнут своих пленников пыткам. Я не мог сдержать их ярости. Они начали со святых отцов. Они поставили одного на станок для растачивания суставов. Другого положили под каплю падающую воду, и ужасной была агония, которую он, казалось, испытывал. Генерального инквизитора подвели к машине под названием 'Пресвятая Дева' и приказали поцеловать ее. "Ты заставил других целовать его, - сказали солдаты, - теперь ты должен это сделать". Они наставили штыки и вытолкнули его за роковой круг. Прекрасный образ мгновенно приготовился к объятиям, сжал его в своих объятиях, и он был разорван на куски. Мое сердце сжалось от этой ужасной сцены, и я больше ничего не видел.

Тем временем до Мадрида дошла весть о том, что тюрьмы инквизиции открыты! Толпы людей уже спешили туда. Были отцы, нашедшие давно потерянных дочерей; матери - своих сыновей; жены вернулись к своим мужьям; сестры и братья встретились снова. У некоторых не было друзей и их не узнавали. Эту сцену смешанной радости, удивления и муки невозможно описать никаким языком.

“Пока это продолжалось, ” сказал полковник Лемановски, “ я отдал приказ аккуратно вывезти библиотеку, картины и мебель и отправить в город за большим количеством пороха. Разместив

это в подвалах и подземных помещениях зданий, после того как был установлен медленный матч, мы все отошли на некоторое расстояние и в тишине ожидали результата. Вскоре воздух огласился громкими радостными криками; стены и башенки массивного сооружения величественно вознеслись к небесам, движимые чудовищным взрывом, и рухнули обратно на землю - огромной грудой руин. Инквизиции больше не было!”

Каким бы ужасным ни было это свержение инквизиции в Мадриде, оно все еще существовало в других городах Испании; и мистеру Джейкобсу, путешествовавшему по этой стране, в 1809 году было разрешено осмотреть некоторые здания Святой Канцелярии в Севилье. Но ему разрешили осмотреть только светлые, чистые и жизнерадостные покои, не сумев получить никакого ответа на свои расспросы о том, были ли в темницах заключенные или какие-либо орудия пыток!

Разведка в Испании продолжала развиваться, и реформация, казалось, была решительно настроена; так что в 1813 году Кортесы издали декрет об отмене инквизиции во всех частях страны, как пагубной для интересов общества и несовместимой с конституцией. Но Фердинанд, восстановленный на троне, прибыл в Мадрид 14 мая 1814 года и, находясь под влиянием духовенства, 21 июля издал свое воззвание о восстановлении Священной канцелярии. Он намекнул на некоторые изменения в способе управления; и дон Франсиско Ксавье, “превосходнейший лорд-генеральный инквизитор”, опубликовал свой первый эдикт 5 апреля 1815 года. При дворе произошли незначительные улучшения, однако это было сдерживаемо тем, что он частично находился под светской властью. Однако в 1820 году кортесы окончательно упразднили инквизицию, и с тех пор она никогда не восстанавливалась в Испании.

Блаквайр, историк Испанской революции, заявляет в письме из Мадрида в октябре 1820 года: “Если сообщения, которые я слышал как здесь, так и в Сарагосе, верны, к пыткам, должно быть, прибегали в нескольких случаях. Среди записок, найденных на стенах здешней инквизиции, одна, после заявления о невиновности автора, указывает на его *мать как на его обвинительницу*; другая, по-видимому, была обнаружена жертвой, над которой применялись пытки *ла пендола*. Это выполнялось путем помещения страдальца в кресло, врытое в землю, и позволения воде падать на макушку его головы с определенной высоты отдельными каплями. Хотя это далеко не так, предполагается, что *пендола* была самой болезненной операцией, применявшейся защитниками веры. В третьей надписи, датированной 11 ноября 1818 года, автор жалуется на то, что был заключен в тюрьму за политическое преступление и вследствие ложного доноса”.

Когда инквизиция была открыта в 1820 году по приказу кортесов, в ней был обнаружен *двадцать один* заключенный, ни один из которых не знал названия города, в котором он находился; некоторые провели в заключении три года, некоторые дольше, и ни один не знал в совершенстве природу преступления, в котором его обвиняли. Один из этих заключенных был осужден и должен был пострадать на следующий день. Его наказанием должна была стать смерть от *маятника*. Метод такого уничтожения жертвы заключался в следующем: Осужденный был привязан в углублении на столе, на спине; над ним был подвешен маятник с острым краем; и он был сконструирован таким образом, что становился длиннее с каждым движением. Негодяй видел, как это орудие разрушения раскачивается взад и вперед над ним, и с каждым мгновением острое лезвие приближалось все ближе и ближе; наконец оно рассекло кожу его носа и постепенно продолжало резать, пока жизнь не угасла. Похоже, это была одна из замен

более варварских публичных демонстраций, когда инквизиторы не осмеливались проводить *аутодафе*. И это, да будет вам известно, был один из способов наказания обвиняемых в ереси тайным трибуналом Римской инквизиции в 1820 году нашей эры!

Испания все еще стонет под ужасающим господством папства. Ее народу неизвестна христианская свобода. Римское духовенство держит их в состоянии самого унижительного невежества, скованных цепями прискорбного суеверия. Их все еще удерживает мрачный дух инквизиции, хотя ее суды не действуют; но более умные — а число представителей этого класса, как полагают, увеличивается даже в Испании, — с ужасом перечисляют ее прошлые жертвы. Наиболее полная оценка несчастных страдальцев "Святой канцелярией" была сделана Жаном Антуаном Льюренте, секретарем Мадридской инквизиции в 1789-1790 годах. В "Предисловии" к своей ценной "Истории" этого суда он говорит: "Мое упорство увенчалось успехом, превзошедшим все мои надежды; ибо, в дополнение к обилию материалов, добытых трудом и затратами, состоящих из неопубликованных рукописей и бумаг, упомянутых в описях умерших инквизиторов и других должностных лиц учреждения, в 1809, 1810 и 1811 годах, когда инквизиция в Испании была подавлена, *все архивы были предоставлены в мое распоряжение*; и с 1809 по 1812 год я собирал все, что попадалось мне на глаза. имеет значение в реестрах совета инквизиции и в провинциальных трибуналах с целью составления этой Истории".

Льюренте приводит следующее общее число жертв, установленное из записей инквизиции в Испании:—

Осужденные и погибшие в огне	31 912
сожженных чучел	17 659
Лиц, приговоренных к суровым наказаниям	291 450
Всего	341 021

Однако, помимо этого, предполагается, что очень многие умерли под пытками инквизиторов и что большое количество людей погибло в тюрьмах, причем на земле не было сделано никаких записей об их страданиях или их именах. Говорят, что последним человеком, который был публично сожжен инквизиторами в Испании, была Беата; и ее обвинили в заключении договора с дьяволом: она пострадала 7 ноября 1781 года.

Испания в настоящее время вошла в поговорку из-за своей деградации, вызванной губительной нетерпимостью и фанатизмом папства. Об этом свидетельствуют интеллигентные путешественники, которые представляют деградацию нации как результат прошлых операций и сохраняющегося духа римской инквизиции. Для настоящей цели может быть достаточно показаний двух из этих проникательных наблюдателей за обществом.

Капитан Уиддрингтон, Р.Н., в своих томах "Испания и испанцы" в 1843 году цитирует из Гиббона: "Что Испания сделала *четырьмя сотнями городов*, которыми она когда-то владела?" и отвечает: "Испания могла бы ответить на содержательный вопрос: "Спросите у *церкви*, возможно, они смогут вам сообщить". Это заслуга не *церкви*, - добавляет он, - а церковных организаций под этим названием, воля которых была законом для стольких людей. века, что Испания была почти стерта с лица земли. Преследования евреев; изгнание Морисе; захват обширных владений в мортмейне; и окончательное установление ужасной тирании, призванной консолидировать и удерживать эти чудовищные явления воедино, уничтожили

ресурсы страны и превратили, вероятно, половину ее лучшей части в *деспотию*. Эти причины, а не открытие Америки, привели это первое из европейских королевств к тому состоянию, в котором мы его наблюдаем. Где сорок городов Толедо, которые исчезли со времен Филиппа II.? Спросите у *священства*, ибо они являются настоящими виновниками такого разрушения. Где трудолюбивый народ, который кишел в Андалусии, сами названия мест проживания которого утеряны, хотя когда-то они населяли страну вдоль Гвадалквивира, превратив ее в один огромный сад и непрерывную череду городов и деревень? Спросите советников и управляющих католических королей. Кто стал причиной превращения Эстремадуры, едва ли не самого красивого региона во всей Европе, в огромную *деспотию*? Те же самые власти. Пусть путешественник отправится из Бургоса в Вальядолид, а оттуда в Леон, возвращаясь через Беневенте, или проложит свой путь в этом регионе, как ему заблагорассудится, он повсюду увидит — среди плодороднейшей земли, производящей все, что радует сердце человека, — немногим больше, чем руины пришедших в упадок деревень и городков — тени и призраки былого богатства и процветания; те же головы и руки привели к этим роковым последствиям — состоянию вещей, которому, к счастью, нет аналогов в Европе!”

И снова этот умный автор замечает: “Следует отметить один очень важный исторический факт, который может помочь объяснить некоторые аномалии, проявляющиеся сейчас ежедневно. До этого поколения правящим, консолидирующим, всепроникающим и всеуправляющим принципом правления была церковная власть. Это был рычаг, который поднял нацию и поддерживал ее во время войны за независимость. Теперь, когда эта причина была устранена, как мы видели, довольно резко — не уменьшена постепенным прогрессом, а внезапно и для многих неожиданно, — до сих пор не было применено никакого противовеса, чтобы заменить это место; так что люди во время общественного волнения подобны судну, которое внезапно потеряло руль во время атлантического шторма”.

М-р Хьюз в своих “Разоблачениях в Испании в 1845 году” заявляет о ненависти, которую испанцы питают к англичанам — хотя они в большом долгу перед нашей страной за эффективную помощь им в борьбе с французами и Наполеоном, — из-за того, что мы протестанты, о религиозных принципах которых они пребывают в глубоком неведении из-за искажений их римских священников; и он замечает: “Если в наши дни нет инквизиции, овеянной древними ужасами, остатки ее духа сохраняются в принудительных религиозных обрядах. Постановление, введенное в действие Латеранским собором, которое требует, чтобы каждый член католической церкви приступал к таинствам исповеди и причастия во время Пасхи, по сей день стараются сделать повсеместно строгим не из-за ужасов отлучения от церкви и лишения христианского погребения, а из-за незначительных болевых ощущений и наказаний. С каждого, кто не выполняет эти религиозные функции на Пасху, взимается штраф. В последние недели Великого поста беднейшие слои населения толпами посещают церкви. Перегруженные работой священнослужители выполняют свои обязанности по необходимости кратко и небрежно; десять минут избавляют каждого от обремененной совести, и произносится отпущение грехов. Возможно, худшей чертой этой системы является принуждение женского населения Испании. Ни одной молодой женщине не удастся выйти замуж, если она не предъявит определенное количество квитанций от своего приходского священника, подтверждающих ее регулярное обращение в суд покаяния через установленные промежутки времени. В этих отношениях требуется большая реформация; но в Испании мало признаков апостольского духа; мало признаков энергии хороших священнослужителей!”

Свидетельства такого рода от самых уважаемых авторов о состоянии Испании можно было бы умножить, не только заявляя об опустошении этой прекрасной страны, но и подтверждая, что суеверия и деградация ее народа проистекают из слепой политики и нетерпимых действий папства.

Можно предположить, что испанские священники, образованные и дисциплинированные в соответствии с установленными принципами римского двора, в значительной степени не осведомлены о том, что бедствия, постигающие их страну, являются результатом их церковной системы. Но вряд ли можно предположить, что все они совершенно не осведомлены о Священном Писании и национальных выгодах, проистекающих из признания его Божественным правилом христианства. Многие из них, должно быть, были знакомы со священными доктринами и святыми максимами Божьих оракулов; и, следовательно, огромная доля вины должна лежать на высших чинах священства. Они должны считаться ответственными перед Всевышним за зло, царящее в их стране, и они должны заслужить самые суровые обвинения, выдвинутые против книжников и фарисеев, которые своими традициями аннулировали закон Божий. И хотя своим священничеством и отрицанием Священных Писаний они наносят ущерб как мирским, так и вечным интересам своего народа, священники в Испании должны навлечь на себя праведный гнев Вечного Судьи!

ГЛАВА XXI.

ИНКВИЗИЦИЯ В РИМЕ И ДОКТОР АХИЛЛИ.

Инквизиция продолжалась в Риме —Ее деяния и жестокости—Папа Григорий—Папа Пий IX.—Мемориал свержения инквизиции в 1849 году—Письмо преподобному Э. Бикерстету—Осада Рима французами—Заключение и освобождение доктора Ахилли.

Рим, резиденция и центр папских интриг, продолжал поддерживать инквизицию. Однако путешественники отмечали, что мерзости и ужасы этого трибунала никогда не проявлялись в этом городе с такой шокирующей точки зрения, как в Испании и Португалии. Это, хотя и является фактом, произошло не из-за высшего милосердия и человечности итальянцев или из-за большей благожелательности их религии, а из-за особых обстоятельств. Алчность пап продиктовала необходимость менее кровопролитной политики в Риме, в то время как он обогатился за счет множества иностранцев высших рангов, которые были привлечены в качестве посетителей в Рим, чтобы увидеть монументальные остатки его древнего величия и славы. Но чувство страха помешало бы многим приблизиться, если бы трибунал в этом городе устроил публичную демонстрацию своих жертв. Поэтому преследования и кары не были разрешены в Италии в той же степени, что в Испании и Португалии; хотя жестокие деяния, от которых содрогается человечество, совершались в частных застенках инквизиции.

Многие серьезные люди были вынуждены предположить, что подавление инквизиции в Риме последовало за ее упразднением в Испании. Однако это было далеко не так, как явствует из различных отчетов, представленных недавними авторами, особенно доктором Ачилли, о состоянии этого учреждения в Италии.

Папа Пий IX. знал, что штатный министров и офицеров Инквизиции были ухоженные, с ее исповедников, знакомых, и охранники, необходимые для осуществления своих приговоров, путем своего предшественника Григория XVI. И хотя в последнее время публичных казней не было, из того, что было обнаружено во дворце инквизиции, когда он был захвачен во время бегства Пия IX, ясно, что прошло совсем немного времени с тех пор, как его ужасные приговоры были приведены в исполнение в отношении многих несчастных жертв.

Пий IX, нынешний папа, хотя многие считают, что он намного превосходит по благожелательности почти всех бывших понтификов, был ревностным сторонником этого трибунала. Следовательно, “Повествование о беззакониях и варварстве, практиковавшихся в Риме в девятнадцатом веке, написанное Рафаэлле Чивечи, бывшим монахом-цистерцианцем”, опубликованное в 1847 году, заявляет: “в Риме открыто существует инквизиция. В других частях Италии она изменила свое название, но не характер, ибо правительство, в не меньшей степени раздражающее, тиранизирует совесть людей. Доминиканцы уступили место комиссарам и инспекторам, не отказываясь от своего права выискивать тайны всех сердец под покровом предполагаемого таинства, довольствуясь поиском жертв, на которых можно наложить свою железную хватку. Тот, кто утверждает, что кровавые преследования Ватикана прекратились, утверждает ложь”.

Сальваторе Ферретти, уроженец Тосканы, но несколько лет проживший в Лондоне, редактор журнала “*Эко ди Савонарола*”, обращается: “У Пия IX. даже отменили печально известный трибунал инквизиции в Риме? следующий ответ на этот вопрос будет отрицательным. “Обманутые проявлением великодушия и милосердия со стороны нового понтифика, - пишет *L'Indicatore*, - мы говорили в семнадцатом номере нашего журнала за 1846 год о несчастном архиепископе Кашиуре, который двадцать один год провел в застенках инквизиции в Риме, виновном только в том, что доказал, что непогрешимость папы может быть ошибочной. Мы надеялись, если не на полное его освобождение, то хотя бы на некоторое снисхождение к несчастному со стороны высокого милосердия Пия IX. ’ Вместо этого наш корреспондент сообщает нам, что с бедным Кашиуром по приказу Пия IX обращаются более сурово, чем когда-либо. Те немногие уступки, которые были сделаны ему папой Григорием, были отняты у него Пием IX. Предлогом служит то, что у архиепископа возник спор с братом Пием, монахом ордена Святого Доминика и тюремщиком инквизиции; но истинный мотив, говорит наш корреспондент, заключается в том, “что хотят скрыть от всего мира существование печально известного трибунала; и вид Кашиура, хотя и переодетого, совершающего прогулки в сопровождении своего надзирателя, указывал бы на существование инквизиции”. О Рим, когда же ты осмелишься разрушить до основания это адское сооружение? Единственный остаток средневекового варварства все еще живет в твоих стенах, и ты можешь называть себя цивилизованным!

Что утешает, так это тот факт, что Италия не замедлит воспользоваться преимуществами религиозной реформации. Есть только Лютер, желающий поднять первый крик тревоги. Не подлежит сомнению, что папская религия в Италии поддерживается только пытками инквизиции и штыками Австрии!”

Рафаэль Чивечи приводит следующее утверждение относительно того, каким образом генеральный инквизитор Рима уничтожил некоторых монахов, которые, найдя Библию в библиотеке, пожелали внедрить ее изучение в своем монастыре. “Генерал, чтобы разрушить

этот план, счел целесообразным применить на практике знаменитое изречение "*разделяй и властвуй*". Монах Страмуччи был отправлен в монастырь Сан-Севетинонелле Марке, где из-за неблагоприятной ситуации или по какой-либо другой причине он из крепкого человека превратился в скелет. Д. Андреа Джильи, викарий монастыря Кьяравалле, был вызван в Рим. Тогда он наслаждался прекрасным здоровьем, но за короткое время его внешность странным образом изменилась, и после того, как в течение двух месяцев он постепенно слабел, однажды утром его нашли в постели мертвым. Мы учились в одном колледже, и я был очевидцем этого факта. Доктор Эудженио Габриэлли, находившийся в расцвете своей юности, таким же образом постепенно угасал в течение шести месяцев, а затем, как и предыдущий, умер от так называемой чахотки. Аббат Буччарелли, человек богатырского телосложения, спал со своими отцами после болезни, длившейся всего три дня. Через два месяца на аббата Берти напала вялотекущая лихорадка, и он скончался после десятидневной болезни. Д. А. Бальдини по истечении тридцати четырех дней был охвачен сильными спазмами и воспалениями и отправился воссоединиться на небесах с теми мучениками, которые были до него. Остальные шестеро, благодаря особому вмешательству Провидения, избежали смерти; но всем им пришлось в течение многих месяцев вести опасную борьбу с этим последним врагом. Только Д. Альберико и я остались незатронутыми этой *таинственной силой*, но мы жили в ежедневном ожидании разделить ту же участь!"

Известно, что агенты папского двора вводили яд неприятным личностям; и эти несчастные монахи, по-видимому, были похищены этим отвратительным способом. Различные формы убийств практиковались также в застенках инквизиции, как это обычно воспринималось в Риме.

Доктор Ахилли, в течение многих лет "заместитель магистра Священного Дворца" и сам ставший жертвой этого суда в Риме, в недавней работе, озаглавленной "Отношения с инквизицией", свидетельствует о непрекращающихся чудовищах этого ужасного трибунала. Он говорит: "Этот позор человечеству, вся история которого представляет собой массу чудовищных преступлений, совершенных священниками Римской церкви во имя Бога и Его Христа, наместником и представителем которых объявляет себя Папа, глава инквизиции, — это отвратительное учреждение все еще существует в Риме и римских государствах. Инквизиция существовала в полную силу в течение всего периода понтификата папы Григория. Pius IX. напускал на себя видимость либеральности; но этот папа, которого многие считали таким либеральным, всегда был тайно связан с иезуитами и инквизицией".

Многие стали жертвами этого жестокого суда, принесенные в жертву с дьявольской жестокостью в тайных темных геонах Святой Канцелярии. Ужасающие доказательства этого были обнаружены при открытии инквизиции, во время бегства папы римского, в феврале 1848 года. Знаменитый отец Праут, римско-католический священник, присутствовавший на этом мероприятии, в письме в лондонскую *Daily News*, таким образом, описывает сцены, свидетелями которых были горожане при открытии темниц инквизиции. "В одной части, - утверждает он, - вы видите четырехугольный двор, окруженный сильно зарешеченными подземельями; в другой - внутренний двор, вдоль которого тянется тройной ряд клеток, напоминающих иллюминаторы трехэтажного вагона; в третьей - скелеты в нишах; в третьей - склеп, полный черепов и груды разбросанных человеческих останков, прямо под перпендикулярной шахтой площадью четыре квадратных фута, которая поднималась перпендикулярно полу здания наверху и была перекрыта там люком; и в третьей - два больших подземных известняковых туннеля. - печи, если их можно так назвать, по форме напоминающие пчелиный улей, в каменной кладке,

заполненные слоями обожженных костей, образующие основу двух других камер на первом этаже, в непосредственной близости от упомянутой выше очень загадочной шахты. Эти ужасные зрелища может увидеть каждый житель Рима. Завтра, ” говорит отец Праут, “ власти публично приглашают все население Рима приехать и увидеть собственными глазами один из результатов передачи власти в руки духовенства”.

Считается, что отец Праут также написал следующую статью, которая была опубликована как “Мемориал о трибунале Святой Канцелярии во время его закрытия в феврале 1849 года”:—

“В соответствии с декретом Римского Учредительного собрания, которым был урегулирован вопрос о пресечении деятельности трибунала ‘Святой канцелярии”, правительство распорядилось, чтобы отцы ордена доминиканцев, населявшие в то время эту обширную местность, переехали в монастырь под названием ‘Делла Минерва’, главную резиденцию их ордена. Они были под номером восемь и выполняли функции комиссара, канцлера и так далее. Затем двери были тщательно опечатаны римским нотариусом Каджиотти, чтобы предотвратить похищение каких-либо предметов, и в помещение был назначен смотритель. После принятия этих мер предосторожности была начата инвентаризация. Первым местом, которое посетили, был первый этаж здания, где находились тюрьмы, а также конюшни, каретные сараи, кухни, погреба и другие удобства, которыми пользовались ассессор и отцы-инквизиторы. Эта часть здания должна была быть немедленно подготовлена для приема гражданской артиллерии вместе с принадлежащим ей поездом.

“В стене были открыты несколько новых дверей и приподнят часть тротуара; в ходе этой операции были найдены *человеческие кости* и обнаружен люк, что побудило принять решение провести раскопки в определенных местах, указанных лицами, хорошо знакомыми с местностью. При очень глубоких раскопках было найдено огромное количество *человеческих скелетов*, некоторые из них *были уложены так близко друг к другу и так пропитаны известью*, что ни одна кость не могла быть сдвинута без перелома. В потолке другой подземной камеры было найдено закрепленное большое кольцо. Предполагается, что оно использовалось при применении пыток. Оно все еще остается там. По всей длине этой же комнаты к стене были прикреплены довольно широкие каменные ступени — они, вероятно, служили для того, чтобы заключенные могли сидеть или полулежать. В третьей подземной комнате было найдено большое количество *очень черной и жирной земли вперемешку с человеческими волосами такой длины, что они казались скорее женскими, чем мужскими; здесь же были найдены человеческие кости*. В этом подземелье в толще стены был проделан люк, который открывался в проход в квартире наверху, ведущий в комнаты, где проводились обследования. Среди надписей, сделанных углем на стене, было замечено, что многие появились совсем недавно и в самых трогательных выражениях описывают всевозможные страдания, пережитые в этих камерах. Наиболее примечательной личностью, обнаруженной в тюрьме инквизиции, был епископ по имени Кашер, который провел в заключении более двадцати лет. Он рассказал, что прибыл в Рим из Святой Земли, имея при себе документы, принадлежавшие тамошнему священнослужителю. Выдавая себя за этого человека, ему удалось удивить римский суд, который посвятил его в сан епископа. Впоследствии обман был раскрыт, и Кашер, находившийся в то время на пути в Палестину, был арестован и доставлен в тюрьму Святой Канцелярии, где он ожидал закончить свои дни — не столько, как он выразился, для искупления собственного обмана, сколько из-за грубой ошибки Римской церкви, у которой не было других

средств скрыть его статус епископа, ее собственные абсолютные законы не позволяли лишить его этого звания.

“Опись содержимого квартиры на первом этаже была закончена через несколько дней, и затем она была открыта для нетерпеливого любопытства публики. Толпа, собравшаяся на эту сцену, была очень велика, и общественное негодование поднялось так высоко, что раздались громкие и всеобщие призывы к разрушению здания, имеющего столь отвратительную память. Это чувство было настолько сильным, что в воскресенье днем, в марте, в подвалы и другие подземные помещения были брошены хворост с намерением поджечь здание; и это было бы достигнуто, если бы батальон гражданской гвардии не примчался к месту происшествия с площади Святого Пьетро. Правдивость всего, о чем здесь рассказывается, могут засвидетельствовать тысячи, как итальянцев, так и иностранцев, посетивших это место; существует также подробный отчет обо всем, письменный и торжественно заверенный юридическими бланками.

Переходя к верхней квартире, внимание правительства было особенно приковано к канцелярии и архивам; в первом хранились все текущие дела инквизиции; второй ревностно охранял ее действия, начиная с ее учреждения и до настоящего времени. Прежде чем приступить к составлению каталога содержимого канцелярии, было решено изъять такие бумаги, которые могли нарушить или поставить под угрозу спокойствие тех лиц, которые имели отношения к Священной канцелярии.

“Особое внимание было уделено книге под названием “*Solecitazione*” (содержащей отчеты) и переписке. Это было сделано по приказу правительства, которое тем самым дало еще одно доказательство той умеренности, в которой ему отказывают его враги. Из тщательного изучения этих документов, которые остаются для проверки в качестве необходимых доказательств, явствует, что предыдущее правительство использовало этот трибунал, строго церковный по своему учреждению, также для светских и политических целей, и что самым преступным злоупотреблением было совершено таинство исповеди, *особенно исповедь женщин*, сделав его служащим как политическим целям, так и самой отвратительной распущенности. Из документов можно показать, что кардиналы, государственные секретари, писали комиссару, асессору Святой канцелярии, чтобы получить информацию о поведении подозреваемых лиц, как дома, так и за границей, и получить информацию о государственных секретах посредством признания, особенно о секретах иностранных судов и кабинетов. На самом деле, существуют длительные переписки, объемные процессы и суровые приговоры, вынесенные *Джованни Италии, Молодой Швейцарии*, масонским обществам Англии и Шотландии, антирелигиозным сектам Америки и т.д. Существует неисчислимое количество информации и процессов на скандальные и непристойные темы, в которых обычно замешаны члены обычных религиозных обществ.

“При переходе из канцелярии в архив, расположенный на втором этаже, при первом входе казалось, что все находится на своих обычных местах; но при дальнейшем осмотре с большим удивлением было обнаружено, что, хотя этикетки и ящики были на своих местах, из них не было пакетов с бумагами и документов, указанных надписями снаружи. Некоторые предполагают, что пропавшие пакеты были доставлены в монастырь ‘Делла Минерва’ или были спрятаны в домах частных лиц; в то время как другие предполагают, что они были сожжены отцами-доминиканцами. Эта последняя гипотеза приобретает весомость благодаря тому

обстоятельству, что в ноябре 1848 года, вскоре после отъезда папы из Рима, гражданская гвардия в большой спешке прибыла в Святую Канцелярию, заметив большие клубы дыма, выходящие из одной из труб, сопровождаемые сильным запахом горелой бумаги. Но какими бы ни были средства, бесспорным фактом является то, что в архивах инквизиции не было найдено наиболее важных судебных процессов; таких, например, как процессы Галилео Галилея и Джордано Бруно, не было ни переписки, касающейся реформации в Англии в 16 веке, ни многих других ценных записей. Однако сохранился почти полный сборник указов, начиная с 1549 года и вплоть до наших дней. Они были разделены по годам, каждый том содержал указы за один год. Из них, из всего, что содержалось в канцелярии и архивах Святой Канцелярии, был составлен каталог со всеми юридическими формальностями заверения. Следует добавить, что после вышеупомянутой угрозы поджога Святой Канцелярии Ассамблея единогласно постановила, что вместо разрушения этого огромного здания его следует разделить на жилые помещения для бедных семей Рима. В связи с этим решением правительство было вынуждено перевезти все бумаги из канцелярии и архивов, а также три библиотеки, существующие в Святой канцелярии, во дворец Аполинаре, который был резиденцией министра финансов.

“Из этих трех библиотек одна была частной собственностью, две другие принадлежали инквизиции. Нельзя упускать из виду, что Святая канцелярия имела свой независимый доход, получаемый от пожертвований государственной собственности, главным образом от Сикста V и Пия IV, на сумму около 8000 скуди. Эта сумма была в основном потрачена на оплату монахов, прикрепленных к инквизиции, некоторые из которых получали значительное жалованье. В вышеуказанный доход не включены деньги, взыскиваемые с заключенных в качестве содержания; сумма, выплаченная, например, знаменитой настоятельницей Монте-Кастрелли, составила 3000 скудо. Уполномоченные платные агенты Святой канцелярии, называемые ‘Патенталистами’, получали хорошее вознаграждение; действительно, это была система, благодаря которой многие люди были деморализованы и развращены, чье рождение и образование должны были увести их далеко от такой низкой и преступной торговли, но которые соблазнились, возможно, по необходимости.

“В заключение, в нескольких кратких категориях мы можем подвести итоги этого исследования:—

“1. Что римский суд воспользовался трибуналом Святой Канцелярии в светских и политических целях.

2. Что для достижения своих целей Святая канцелярия в особенности прибегала к исповеди, над которой она совершала самые чудовищные и отвратительные злоупотребления, не только нарушая тайну, но и посягая на ее неприкосновенность.

“3. Посредством исповеди исповедникам внушалась самая отвратительная распущенность. Этим подразделением Святая канцелярия занималась с необычайным усердием, но так и не нашла средства устранения причин такого скандала.

4. Что Святая канцелярия развратила все классы, покупая информацию и секреты.

“5. Что церковные нунции при иностранных дворах находятся в постоянной переписке со Святой Канцелярией и, обладая совершенно особыми для них средствами получения разведанных, информируют римский двор о самых сокровенных политических тайнах”.

Какими бы чудовищными ни были мерзости, свидетельствуемые таким образом об инквизиции, они идентичны только тому, что описано в предыдущей части этой работы; и это свидетельство подтверждается следующим абзацем в письме друга из Рима от 3 апреля 1849 года, адресованном преподобному Э. Бикерстету:

“Позавчера дворец инквизиции был открыт для публики. Люди толпились, чтобы увидеть это ужасное место, где было замучено так много добрых христиан под предлогом того, что они еретики. Затем мы увидели ужасные подземелья, где были заключены жертвы папства.

“Похоже, что инквизиторы, надеясь на вмешательство, чтобы вернуть папу и кардиналов в Рим, не позаботились о том, чтобы убрать определенные предметы, которые могли выдать их жестокость по отношению к людям. Затем в нижних подземельях, которые являются самыми худшими, можно было увидеть жалкие остатки одежды не только мужчин, но и женщин и детей. На стенах можно прочесть выражения скорби, написанные углем, а некоторые - кровью. Можно было увидеть люк и захоронение с человеческими костями. Но особый ужас вызывала подземная пещера, покрытая остатками костей и земли вперемешку, включая человеческие черепа и скелеты разных форм и размеров, указывающие на людей разного возраста. Единственные вещи, которые не были найдены, за исключением некоторых вещей, которые могли быть использованы для этой цели, - это орудия пыток, которые использовались для того, чтобы заставить виновных признаться. Похоже, что они были достаточно осторожны, чтобы уничтожить их, если их действительно не найдут замурованными в каком-нибудь углу; и с этой целью правительство решило взломать стены, чтобы обнаружить, что там может быть спрятано. Все, кто видел эти остатки одежды и костей, испытывают справедливое негодование по поводу бесчеловечности тех убийц, которые под прикрытием религиозного рвения допускали любой вид жестокости. Если бы те, кто хочет оправдать этот адский трибунал и кто не верит, что то, что говорят другие, является правдой, пришли бы и увидели их собственными глазами. Я хотел бы, чтобы друзья и защитники папства в Англии пришли и прикоснулись к этим вещам своими собственными руками, а затем рассказали мне о том, на что не способны папские министры, когда у них хватает духу совершать такие варварства. Я буду настаивать на том, чтобы правительство оставило это место в статусе-кво на некоторое время, чтобы мои друзья среди англичан могли собственными глазами убедиться во всем, что они слышат об этом ”Дворце инквизиции””.

Доктор Ахилли и инквизиция в Риме.—Папистскую политику инквизиции в настоящее время можно наглядно проиллюстрировать на примере доктора Ахилли. В его поучительной книге, судя по названию, описаны его “Отношения с инквизицией”. Он родился в Витербо, в Италии, в 1803 году, и принял доминиканский обряд в возрасте шестнадцати лет. В 1821 году он был рукоположен в сан священника, а в 1826 году назначен профессором различных наук в семинарии и епископском колледже в Витербо. Он занимал кафедру теологии в доминиканском колледже до 1833 года, когда был избран регентом по исследованиям и профессором начальной школы в колледже Минервы в Риме. Затем он был назначен посетителем доминиканских монастырей в Римских государствах и Тоскане, среди которых он оставался до 1839 года, когда, испытывая отвращение к своему монашескому ордену, покинул его с разрешения папы Григория XVI и четыре года проповедовал в Неаполе. В 1841 году он вернулся в Рим, где был заключен в тюрьму инквизиции на сто дней. От этого он был освобожден в июле 1842 года, навсегда отказавшись от всех своих почестей и привилегий; и Святая канцелярия издала указ о его увольнении со всех должностей церковного служения. В октябре он покинул

Италию и стал британским подданным, получив работу профессором богословия в Мальтийском протестантском колледже, специально для подготовки молодых людей, новообращенных из Рима, к евангелическому служению в Италии. В 1848 году он приехал в Англию; но революция в Риме и бегство папы вынудили его вернуться в этот город, чтобы продвигать дело Христа, проповедуя и распространяя Священные Писания. Он покинул Лондон 8 января 1849 года и прибыл в Рим 2 февраля; 5-го числа собралось Учредительное собрание, образовавшее республику. 24 июня доктор Ахилли женился на дочери капитана Хели, а 3 июля французская армия после трехмесячной осады овладела Римом, восстановив власть папы под руководством триумвирата кардиналов. Тюрьмы инквизиции немедленно были переполнены их жертвами. Не менее шестидесяти священников, которые приносили утешение раненым и умирающим патриотам, были схвачены и заключены в тюрьму; и, по распоряжению кардиналов, с помощью шести французских солдат, трое чиновников инквизиции арестовали доктора Ахилли в полночь 29 июля и замуровали его в своих застенках. Но великая стена Святой Канцелярии была разрушена во время осады, и на следующий день его перевезли в замок Святого Анджело. Вскоре стало известно о его тюремном заключении, и религиозная община Англии была возмущена этим безобразием, так что Совет Евангелического альянса обратился с решительными призывами к британскому и французскому правительствам от его имени и отправил двух джентльменов в качестве депутации в Рим. Им не разрешили увидеться с ним; но из-за этого волнения с ним обращались сравнительно мягко; и все же, казалось, что он был предназначен для того, чтобы быть принесенным в жертву по возвращении папы. Французское правительство, видя, что его национальная честь запятнана этим заключением, добилось его освобождения; и, несмотря на бдительную враждебность кардиналов, его попросили дать показания перед военной комиссией, и под этим предлогом двое французских солдат вывели его оттуда и снабдили всеми средствами для побега в военной форме 19 января 1850 года!

Заключение доктора Ахилли в тюрьму инквизиции и его освобождение благодаря ухищрениям французского генерала произвели мощную сенсацию по всей Европе. Это заставило множество людей рассматривать Римскую инквизицию и даже ненавидеть ее как губительную для отдельных людей и враждебную высшим интересам наций. И выставлением отвратительного характера этого суда в записях своей книги “Отношения с инквизицией” доктор Ахилли возложил на христианскую общественность длительные обязательства; в то же время это не может не вызвать праведного негодования всех последователей Христа против этого трибунала и против всей системы папства!

Таким образом, показания доктора Ахилли относительно его собственного заключения и состояния инквизиции будут необходимы в этом месте. Он говорит: “Я был заключен в тюрьму инквизиции с 29 июля 1849 года по 19 января 1850 года. Были приняты все меры предосторожности, чтобы сделать мое заключение суровым, и предусмотрены все средства для побега. И поскольку считалось, что тюрьмы инквизиции менее безопасны, чем тюрьмы замка Святого Анджело, меня быстро перевели в эту крепость. Фактически, все указывало на решимость Римской церкви оставить меня в вечном заключении.

“История моего заключения представляет собой новую страницу в анналах инквизиции. Уверенные в своих привилегиях, довольные обладанием своей добычей, которую, по их убеждению, никакая земная сила не могла заставить их отдать, они отложили вынесение мне приговора, отчасти потому, что трибунал был еще не полностью реорганизован из—за отсутствия папы и кардиналов, а отчасти потому, что - в силу того, что факт моего заключения

был хорошо известен, и многие высокопоставленные лица заявили, что заинтересованы в моей благосклонности — они опасались, что их планы могут быть расстроены, если станет известно, что я получил свой окончательный приговор. Следовательно, их единственным выходом было обречь меня на тайные страдания. Дело в том, что меня держали в плену, чтобы украсить триумфальную колесницу Пио Ноно по его возвращении в Рим.

“Обращение в этой тюрьме, безусловно, в большинстве случаев не такое плохое, как в любой другой в стенах Рима. Замок Святого Ангела в основном предназначен для почетных узников. В нем содержатся кардиналы и прелаты, попавшие в немилость папы римского. Для этой цели есть множество помещений; в одном из них показаны железные кольца, которым выпала честь скреплять шнур, на котором были повешены знаменитые кардиналы Караффа, Коссия и другие. Папа Климент VII. также был узником в этой крепости во время ее оккупации имперскими войсками, которые он сам призвал в Рим. Записи об этом здании, которое, как всем известно, первоначально было мавзолеем императора Адриана, пролили бы значительный свет на историю папства и раскрыли бы многие злодеяния пап. Это была сцена самой неслыханной жестокости, а также самых бесстыдных и отвратительных непристойностей. Хорошо известные оргии папы Александра VI, которые устраивались частично в садах Ватикана, а частично в замке Святого Ангела, оставили на его стенах пятно, которое невозможно стереть никогда. Подобно буллам папы Римского, он служит *"вечной памяти"*. В одном из залов выставлены печально известные картины Хулио Романо, по отношению к которым трудно решить, что более достойно восхищения: художественное мастерство, которое они демонстрируют, или сюжеты, которые они изображают, более неприличны и омерзительны. Полковник Каландрелли, один из самых доблестных защитников республики и представитель триумvirата после Мадзини — джентльмен, столь же сведущий в истории своей страны, сколь и проявивший себя храбрым на ее службе, — заверил меня, что у него есть готовый к публикации труд, в котором вся история этого знаменитого замка изложена на основе подлинных документов”. — Стр. 4, 25, 26, 465.

Кардинал Вайзман попытался оправдать инквизицию, доктор Ахилли замечает его иезуитские усилия; и он спрашивает: “Что же тогда представляет собой инквизиция *девятнадцатого века*? Та же система нетерпимости, которая господствовала в варварские века. То, что положило начало Крестовому походу и подняло всю Европу к оружию по голосу монаха [Бернарда] и отшельника [Петра]. То, что — во имя Бога мира, явленного на земле Христом, который из любви к грешникам отдал себя на распятие, — навлекло резню на альбигойцев; наполнило Францию запустением при Доменико ди Гусмане; воздвигло в Испании погребальный костер и эшафот, опустошив прекрасные королевства Гранада и Кастилия при содействии этих отвратительных монахов Раймона де Пеннефорта, Питера Арбуэса и кардинала Торквемады. То, что, к своему вечному позору, регистрирует в анналах Франции роковое 24 августа, а в анналах Англии - 5 ноября. Та самая система, которая в настоящее время процветает в Риме, которая еще никогда не была ни изношена, ни изменена, и которая в настоящее время на жаргоне священников называется ‘Святой, Римской, Вселенской, Апостольской инквизицией’! Святой, как свято место, где был распят Христос; Апостольский, потому что Иуда Искариот был первым инквизитором; римский и Вселенский, потому что из Рима он простирается по всему миру.

“ Но что такое инквизиция в Риме в наши дни? Это то же самое, что было учреждено на Веронском соборе для сожжения Арнольда Брешийского; то же самое, что было учреждено на третьем Латеранском соборе, чтобы санкционировать истребление альбигойцев и вальденсов, массовое убийство людей, разрушение города; то же самое, что было подтверждено на

Констанцском соборе, чтобы сжечь заживо двух святых мужей, Яна Гуса и Иеронима Пражского; то, что во Флоренции подвергло пыткам Савонаролу; а в Риме осудили Аонио Палеарио и Пьетро Дионисия. Карнесекки. Это та же инквизиция, что и у папы Караффы и о. Микеле Гистиери, построивший дворец под названием *Святая канцелярия*, где так много жертв пало жертвой их варварства и где в настоящее время все еще существует Римская инквизиция. Его законы всегда одни и те же. *Черная книга, или Священная практика Римской инквизиции*, всегда является образцом для того, что должно прийти ей на смену. Эта книга представляет собой большой рукописный том in folio, который бережно хранится главой инквизиции. Она называется *Libro Nero*, *Черная книга*, потому что у нее обложка такого цвета; или, как объяснил мне инквизитор, *Libro Nescro*, что на греческом языке означает *Книга мертвых*.” — Стр. 106, 109.

Доктор Ахилли упоминает несколько случаев, иллюстрирующих чудовищную злобу инквизиторов: один из них поразительно демонстрирует "тайну беззакония" в их системе. Он говорит: "Во время моего пребывания в Витербо, моем родном городе, где я был общественным профессором и преподавателем в церквиди *Гради*, ко мне однажды обратилась дама приятной внешности, которую я тогда увидел впервые. Она с большим нетерпением попросила о встрече со мной в ризнице; и когда я вошел в покои, где она ждала меня, она попросила ризничего оставить нас одних и, внезапно закрыв дверь, предстала моим глазам трогательным зрелищем. Сбросив шляпку и мгновенно распустив свои длинные и красивые локоны, леди упала передо мной на колени и дала волю своему горю в обильных вздохах и слезах. Когда я попытался ободрить ее и убедить подняться и открыться мне, она, наконец, прерывающимся от рыданий голосом обратилась ко мне:

"Нет, отец, я никогда не встану из этой позы, если ты сначала не пообещаешь простить мне мой тяжкий проступок". (Хотя она была намного моложе ее самой, она обращалась ко мне как к своему отцу.)

"Синьора, ' ответил я, 'Богу подобает прощать наши прегрешения. Если вы каким-либо образом обидели меня, я могу вас простить, но, признаюсь, у меня нет причин жаловаться на вас, с которыми я, по правде говоря, даже не имею удовольствия быть знакомым.

"Я был виновен в великом грехе, за который ни один священник не даст мне отпущения грехов, если вы заранее не передадите их мне".

-Вы должны объяснить более подробно; пока я понятия не имею, на что вы намекаете.

"Прошло уже около года с тех пор, как я в последний раз получал отпущение грехов от своего духовника; и последние несколько дней он полностью запретил мне свое присутствие, сказав, что я проклят. Я пробовал других, и все они говорят мне то же самое. Однако недавно один из них сообщил мне, что, если я хочу быть спасенным и помилованным, я должен обратиться к вам, которые, после Папы Римского, являются единственными, кто может даровать мне отпущение грехов".

"Синьора, здесь какая-то ошибка, объяснитесь: к какому виду относится ваш грех?"

- "Это грех против Священной канцелярии".

"Хорошо, но я не имею никакого отношения к Священной канцелярии".

"Как? разве вы не отец Ахилли, викарий Святой канцелярии?"

“Вас неправильно информировали, синьора; я Ахилли, заместитель магистра Священного Дворца, а не канцелярии: вы можете видеть мое имя с этим титулом, стоящим перед всеми работами, которые здесь напечатаны, вместо имени самого магистра. Уверяю вас, что ни мой доверитель, ни я сам не обладаем никакими полномочиями в делах, касающихся инквизиции.

После этого добрая леди поднялась с колен, поправила волосы, вытерла слезы с глаз и попросила разрешения рассказать мне о своем деле; и, сев, начала следующим образом:

“Не прошло и года с тех пор, как я собирался, примерно во время пасхи, по моему обычаю, исповедаться в своих грехах моему приходскому священнику. Он, хорошо знакомый со мной и всей моей семьей, начал расспрашивать меня о моем сыне, единственном, который у меня есть, молодом человеке *двадцати четырех* лет, полном патриотического пыла, но без особого уважения к священникам. Случилось так, что я заметил викарию, что, несмотря на мои увещевания, мой сын имеет обыкновение говорить, что деятельность священника - сплошной обман и что главой всех самозванцев является сам папа римский. Лучше бы я никогда не рассказывал ему! Викарий больше ничего не хотел слышать. ‘Ваш долг, ‘ сказал он, - донести на вашего сына инквизиции’. Представьте, что я почувствовал при этом намеке! Быть обвинителем собственного сына! “Так обстоит дело, ’ заметил он, ‘ничего не поделаешь — я не могу отпустить вам грехи, как и никто другой, пока дело не будет сделано’. И, действительно, от всех остальных я получал такой же отказ. Прошло уже двенадцать месяцев с тех пор, как я получил отпущение грехов; и в этом году на меня обрушилось много несчастий. Десять дней назад я предпринял еще одну попытку и пообещал, чтобы получить отпущение грехов, что отрекусь от своего сына; но все было напрасно, пока я действительно не сделал этого. Тогда я спросил, к кому мне следует обратиться, чтобы предпочесть обвинение; и мне сказали, к епископу или викарию Святой Канцелярии, и они назвали мне ваше имя. Я уже дважды была здесь с намерением сделать то, что от меня требовалось, и так же часто я вспоминала, что я мать, и меня охватывал ужас при этой мысли. В прошлое воскресенье я пришел в вашу церковь, чтобы помолиться Пресвятой Деве, матери Христа, помочь мне преодолеть это затруднение; и я помню, что, когда я читал розарий в ее честь, я обратился также с молитвой к Сыну, говоря: ‘О Господь Иисус, ты также был обвинен перед первосвященниками учеником-предателем; но ты не позволил, чтобы твоя мать участвовала в этом обвинении. Тогда смотри, я тоже мать; и, хотя мой сын грешник, в то время как ты был самым справедливым, умоляю тебя, не требуй, чтобы его собственная мать была его обвинителем’. Пока я возносил эту молитву, началась проповедь. Я спросил имя проповедника, и мне сказали ваше. Я притворился, что слушаю эту речь, но был всецело занят тем, что смотрел на вас и со вздохами размышлял о том, что я обязан обвинять перед вами моего собственного ребенка. В разгар моего волнения мне внезапно пришла в голову мысль, что я не вижу Инквизиции на вашем лице. Молодой, энергичный и чувствительный, вы, казалось, не будете слишком суровы с моим сыном; я думал, что сначала попрошу вас обратить его в свою веру, сделать выговор и пригрозить ему, не подвергая его реальному наказанию”.

Я не буду повторять свои наставления этой бедной женщине, чтобы успокоить ее перед необходимостью донести на своего сына. Я посоветовал ей сменить духовника. Но, если бы я действительно был викарием Святой Канцелярии, в чем состоял мой долг в этом вопросе? Выслушать обвинение этой матери против ее собственного сына. Неслыханная чудовищность! Она, естественно, сделала бы это горем и слезами, и мне пришлось бы предложить ей утешение. И поскольку этот ужасный акт государственной измены имеет отношение к религии, я должен был прибегнуть к помощи религии, чтобы убедить ее, что принесенная ею жертва была

наиболее приемлема для Бога. Возможно, чтобы лучше сыграть свою роль, я мог бы сослаться на жертву, требуемую от Авраама или Иеффая; или процитировать какие—нибудь подходящие тексты из Священного Писания, чтобы успокоить угрызения совести, которые она, должно быть, испытывала из-за беззакония, вызванного тем, что ее ребенок предстал перед инквизицией”. - Стр. 115-119.

ГЛАВА XXII.

ЖЕНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ В РИМЕ.

Политика инквизиции в Римской церкви—В женских монастырях — Это тюрьмы—Свидетельство преподобного Б. Уайта—Случай похищения в Турине—Свидетельство преподобного М. Х. Сеймура—Общество в Риме—Итальянская оценка женщины—Причины создания женских монастырей—Их стены и железные решетки—Их секретность—Свидетельство офицера—Религиозные искушения—Нечистота в женских монастырях—Случаи порочности—Самоубийство настоятельницы—Папство в глазах римлян.

Римская политика в инквизиции, как мы видели, не ограничивается Святой Канцелярией. Его влияние и его мораль ощущаются во всех слоях общества в папистских странах; и его деятельность распространяется на все классы, даже на образовательные и общественные учреждения. Это видно по религиозным домам. В главе XIX мы приводим несколько впечатляющих примеров и иллюстраций чудовищности и безнравственности *священников*, соблюдающих целибат, среди всех рангов. И такое зло, как известно, было обычным явлением в женских монастырях. Они считались множеством "женских инквизиций". Многие из них являются, в собственном смысле этого слова, *тюрьмами*, несчастные заключенные которых полностью находятся во власти священников. Ими управляют правила, сформулированные или санкционированные "Святой канцелярией"; и каким бы образом ни обращались с отшельниками, у них нет средств правовой защиты, поскольку они полностью выведены из-под юрисдикции гражданского магистрата, *изолированы в секретных помещениях, доступ в которые имеют только священники*.

О том, каков общий характер как священников, так и монахинь в римско-католических странах, свидетельствуют многие; и свидетельство преподобного Бланко Уайта, бывшего капеллана короля Испании, — поскольку у него были лучшие источники информации, — будет удовлетворительным в отношении его собственной страны. Он говорит: "Люди, занимавшие первое место в церкви, были старыми друзьями моей семьи — моих родителей и моими собственными духовными наставниками. Так я рос, так я продолжал становиться мужчиной, пока в возрасте тридцати пяти лет религиозный гнет, и только он, не вынудил меня покинуть родню и страну. Близость дружбы и неприкрытая беседа о священных исповедях открыли мне сердца многих, чье внешнее поведение могло бы ввести в заблуждение обычного наблюдателя. Грубая откровенность сопутствующей распущенности действительно не оставляла секретов среди духовных рабов, которые, неспособные отделить законы Бога от законов своей тиранической церкви, в буйном отчаянии попирали и то, и другое. Таковы источники знания, которым я обладаю: Бог, печаль и раскаяние - мои свидетели.

Что мне нужно сказать о вульгарной толпе священников, которые, выйдя, по испанскому выражению, из *грубых пеленок* возведенные рукоположением в ранг жизни, к которой они не

были подготовлены, смешивают в своем характере порок и суеверие, грубость чувств и гордыню своим положением? Я знал лучших из них; я слышал признания молодых особ обоего пола, которые подпали под влияние их внушения и примера; и я заявляю, что *ничто не может быть более опасным для юношеской добродетели, чем их общество*. Сколько душ было бы спасено от преступлений, если бы не тщеславное проявление высшей добродетели, которого Рим требует от своего духовенства!

“Изображение *женских монастырей* требует более тонкого карандаша, но я не могу найти *оттенков, достаточно темных и мрачных*, чтобы передать страдания, свидетелем которых я был в их обитательницах. Преступность, действительно, проникает в эти укромные уголки, несмотря на остроконечные стены и тюремные ворота, которые защищают обитателей. *Это я знаю* со всей уверенностью, которую может дать самообвинение виновного. Кроме того, общеизвестным фактом является то, что *женские монастыри в Эстремадуре и Португалии часто заражены самым грубым пороком*. Но я не буду останавливаться на этой отвратительной части картины!”

“Исповедь на ушах” с ее официальными правилами и *вопросами*, по-видимому, превышает всего в человеческом общении приспособлена для того, чтобы развратить сердце священника и подготовить его к самым порочным поступкам. И опасность, грозящая незащищенным монахиням, не может не быть невыразимой. Как может добродетельный ум созерцать эту практику, по природе вещей, не возмущаясь ею? РАЗУМ, отданный на попечение ближнего, который исследует каждое чувство и знает каждую мысль!—разум, выкованный в форму, как из железа, и удерживаемый там нечестивым священником! —*девицы*, тайно раскрывающиеся перед неженатыми мужчинами, — перед мужчинами, которых с детства готовят к священству, как к надежному средству респектабельного существования! *Замужние женщины* открывают самые сокровенные уголки своего сердца незнакомым мужчинам! Разве в этом нет невыразимого беззакония? Поэтому представляется необходимым завершить настоящую работу, чтобы дать некоторое представление о состоянии тех тюрем для женщин, которые содержатся в ведении священников, — и особенно о том, что они существуют в метрополии римского понтифика. Это представляется важным для “Разоблачения инквизиции”.

Политика пап в отношении монастырей и тот факт, что они являются тайными тюрьмами, подобными тюрьмам инквизиции, будут более полно показаны на примере чудовищного случая интриги священников в нарушение закона Божьего, подробности которого приведены в газете “*Таймс*” от пятницы, 15 ноября 1844 г.:

“Популярный французский писатель недавно заявил в художественном произведении, в котором он яростно, хотя и не всегда несправедливо, нападает на политику римского духовенства, что притязания наиболее беспринципных агентов этой церкви открыто бросают вызов всем самым священным отношениям человечества; что они осмеливаются свести на нет даже узы сыновнего долга; и что для них нет слишком низменных уловок, к которым они могли бы прибегнуть для достижения своих целей. Но на страницах художественной литературы мы не встретили ничего, что иллюстрировало бы эти серьезные и почти невероятные обвинения с большей убедительностью, чем случай, который действительно произошел в течение нынешнего года в одной из столиц юга Европы. Мы чувствуем себя обязанными придать этим болезненным событиям и самым зловещим махинациям большую огласку, чем они получали до сих пор; не только потому, что хорошо, что участники таких сделок должны усвоить, что им не

избежать враждебного отношения Европы, но и потому, что случай, о котором мы собираемся рассказать, служит предупреждением, которое не следует упускать из виду нашим соотечественникам-протестантам, чьи семьи могут оказаться в пределах досягаемости тех же опасных влияний.

“Должность голландского посланника при туринском дворе, по общему мнению, в течение нескольких лет занимал джентльмен-протестант по имени Хелдивье, который проживал со своей семьей в этом городе, пока в результате некоторых новых дипломатических договоренностей со стороны голландского правительства он не получил в мае прошлого года письма об отзыве. Некоторое домашнее беспокойство доставляла этой семье одна из дочерей, молодая леди пылкого и независимого темперамента, которая, как предполагалось, привязалась к молодому городскому адвокату, чей характер и положение не делали его подходящей партией для нее. Поэтому их отъезд был ускорен; но после того, как г-н Хелдивье вручил свои письма королю Сардинии, он был случайно задержан из-за болезни другого своего ребенка на несколько дней в гостинице в Турине. 8 июня состоялся фейерверк в честь рождения наследника герцога Савойского. Бывшего министра и его жену убедили присутствовать на этом празднике и с большой неохотой оставить дома свою дочь, которая под каким-то предлогом отлучилась. Они отсутствовали совсем недолго; однако за это время смутные опасения, которые они, похоже, питали, фатально подтвердились. Их дочь исчезла - и навсегда. В этот ночной час она покинула отель одна и даже не переоделась. На поиски беглянки была немедленно отправлена полиция. Молодой адвокат, которого поначалу подозревали в причастности к побегу, был допрошен, но он доказал, что ничего не знал об этом происшествии; в пределах юрисдикции городских властей не было найдено ни малейших следов ее пребывания; но отсутствие каких-либо улик наводило на мысль, что ее можно найти на территории какого-нибудь монастыря, более недоступного, чем тюрьма или могила.

К архиепископу Турина, как к высшей церковной власти королевства, было подано прошение о разрешении продолжить расследование или о получении информации, если он ею располагал, по этому вопросу; ибо тем временем тревога и мучения этой несчастной семьи достигли такой степени, которую мы не будем пытаться описать; и даже общественность, пораженная фактическим исчезновением молодой леди, *еще несовершеннолетней*, дочери джентльмена, который прибыл к ним в качестве представителя иностранного монарха, проявила живейший интерес к их чрезвычайному горю.

“Архиепископ счел нужным ответить на это заявление, что у него есть основания полагать, что мадемуазель Хелдивье действительно искала убежища в монастыре, но что он не может указать, где она находится в настоящее время. Однако еще через несколько дней вся сделка была раскрыта. Когда архиепископ Турина заявил, что не может сказать, где находилась молодая леди, *он мог бы заявить, и впоследствии он это признал, что ни один из ныне живущих людей не приложил к этому делу такой большой руки, как он. В течение двух лет он поддерживал тайную связь с мадемуазель Хелдивье!* Обиженная родителями в своей привязанности к молодому адвокату, она попыталась отомстить им, перенесла свое доверие от отца к этому священнику - от своих естественных защитников в ревнивые объятия Римской церкви. Архиепископ, *не желая связывать себя письменными обязательствами, снабдил своего новообращенного половиной листа бумаги, вырезанного определенным образом;* другая половина была передана настоятельнице монастыря Санта-Кроче в Турине с приказом принять носителя соответствующего фрагмента в любое время дня и ночи. Снабженная этими

верительными грамотами, беглянка нашла убежище в стенах монастыря; но *по совету архиепископа* бегство было отложено до тех пор, пока ее отец, вручив свои отзывные письма, не отказался, как утверждают эти клерикальные заговорщики, от дипломатических прав и привилегий, которые были бы фатальными для их плана.

“Таким образом, был установлен факт, и были предприняты решительные усилия, чтобы привлечь авторов этого заговора к ответственности за свои действия и выдать молодую особу, которая попала в их распоряжение. Оставляя в стороне отвратительные тайные уловки, с помощью которых было осуществлено это предполагаемое обращение, и непоправимый вред, нанесенный почтенной семье, следует отметить, что дело требовало самых решительных возражений как беспрецедентное вторжение в международное право и права дипломатических лиц. Голландскую подданную — несовершеннолетнюю — дочь голландского священника — поощряют покинуть обитель ее отца, принимают в монастырь и там задерживают не только морально, но и реальной силой, поскольку каждая попытка даже обыска в этих монастырях успешно пресекалась духовенством. Его Величество даровал ему аудиенцию; но в ответ на мольбы и требования месье Хелдивье вернуть ему его дочь, единственный ответ, который абсолютный монарх осмелился сделать, заключался в том, что, *каким бы ни было его собственное мнение по этому вопросу, если он осмелится вмешаться в церковную юрисдикцию монастырей, он должен быть отлучен от церкви!* Такого ответа в подобном случае можно было ожидать от Филиппа II, короля Испании; а такие полномочия, которые признаны и установлены таким образом, немногим уступают полномочиям инквизиции! Принцип, отстаиваемый от имени Римской церкви, заключается в следующем: *любой ребенок, достигший двенадцатилетнего возраста, может по любой причине, мотиву или предлогу отказаться от родительской власти и броситься под защиту церкви.* Если ребенок протестант, тем лучше, поскольку, отказываясь от сыновних обязанностей, он отказывается от своей религиозной веры; но защита церкви, будь то католическая или протестантская, которой так добиваются и которая таким образом дается, абсолютна и неприкосновенна!

“Сейчас мало найдется стран в Европе или в мире, где подобная доктрина не была бы опровергнута обычными представлениями о гражданских правах и справедливости. Но владения короля Сардинии не относятся к числу таких стран. Напрасно мистер Аберкромби, наш собственный умный министр при туринском дворе, и барон Мортье, представитель Франции, утверждали, что месье Хелдивье, как дипломатическое лицо, имел неоспоримое право покинуть страну с миром, забрав с собой всю свою семью. Неумолимая хватка непогрешимой церкви восторжествовала. Король Голландии, по-видимому, воспринял это оскорбление семьи своего министра с неподобающим равнодушием и малодушием; и мадемуазель Хелдивье остается в монастыре Санта-Кроче, где она официально отреклась от протестантской ереси и, вероятно, примет постриг по завершении послушничества.

“У нас нет желания делать какие-либо чрезмерные или несправедливые выводы из этого странного происшествия, которое, по-видимому, относится не только к другой стране, но и к другой эпохе; но *это показывает ужасную картину того, на что все еще может осмелиться бесконтрольная власть римского духовенства, и унижительный пример правительства, которое позволило разорвать узы частного права и публичного закона*, потому что оно само является жертвой худшей формы фанатизма и самого рабского подчинения духовному угнетению!”

Рим следует рассматривать как источник папского католицизма. В этой столице сосредоточены мудрость, авторитет и совершенство той системы, которая была установлена мнимым "наместником Христа". Поэтому мы обязаны изучить учреждения того, кто носит титул "Его Святейшество" и кому поклоняются под именем "Святейший Отец"!

Женских монастырей в Риме предостаточно; но на самом деле это очень много тюрем, и большинство из них, по-видимому, управляются по самым нетерпимым правилам, составленным под руководством инквизиции и проводимым в ее духе, о чем свидетельствуют самые уважаемые авторы. Возможно, никто не будет почитаться более достойным уважения, чем преподобный М. Хобарт Сеймур, магистр медицины, священнослужитель с высочайшей репутацией в Англиканской церкви. В своем "Паломничестве в Рим", написанном после его посещения этого города в конце 1844 года и в начале 1845 года, он свидетельствует о состоянии и характере общества среди римлян, что будет процитировано из его поучительной книги.

Что касается самого Рима, он заявляет: "Хотя отели достойны восхищения, лучшие из них находятся в ведении иностранцев, все виды грязи и всевозможные запахи приветствуют посетителя при входе на улицы этого города церкви. По грязи, запахам, непристойности, по всему тому, что оскорбляет глаз, чувства, привычки чистоплотных и упорядоченных людей, город Рим превосходит почти любой город в мире!" — Стр. 139.

Свидетельствуя о римских монастырях, он говорит: "Вопрос о монастырях, как называются женские обители в Италии, сопряжен со значительными трудностями. Вывод, к которому мы пришли после всей информации, которую нам удалось получить, таков: каким бы неоспоримым ни казалось зло такой системы — каким бы непростительным и неисправимым оно ни было во Франции или Англии, в Германии или Швейцарии, — учреждение монастырей в Италии имеет иной облик; на самом деле, не из—за чего-либо в природе или поведении самих таких учреждений, а из-за состояния общества в Италии.

"Социальное положение этой прекрасной страны столь же печально и меланхолично, сколь ярки и радостны ее небеса. В выступлениях проповедников на нескольких приемах послушниц и монахинь, на которых мы присутствовали, была одна всепроникающая идея — тоже не просто высказанная или случайно упомянутая, но проходящая через всю беседу и формирующая главный субстрат всего остального. Я имею в виду идею о том, что молодой женщине было очень трудно сохранить себя чистой и святой от греха и порока мира, кроме как в стенах монастыря. Эти проповедники никогда не были свидетелями социальной системы Англии или других стран; они видели только то, что распространилось по Италии, и особенно по Риму. *Они были неженатыми мужчинами, которые ничего не знали о чистоте, скромности, добродетели, свойственных высокому уровню женского общества.* Они видели только остатки распущенного, распутного и безнравственного духа, которым дышала каждая часть Италии в течение последнего столетия; и каждый, у кого есть средства наблюдения или информации, кажется, чувствует, что суждения этих людей, хотя и чрезмерные, применительно к всему миру, в целом слишком правильны применительно к тону общества в Италии, и особенно в Риме.

"Я был очень поражен этой идеей, высказанной так убедительно, как выражающей убежденность этих людей; и вскоре оказалось, что это очень общее мнение как среди мирян, так и среди духовенства. И я была удивлена, обнаружив, что даже среди женщин, которые сами обладали самыми респектабельными и безукоризненными характерами, существовало твердое

убеждение, что какой бы неприятной ни была монастырская жизнь, это все же была самая безопасная жизнь для женщины. Моя жена много слышала от дам, которые были матерями семейств и были знакомы с трудностями, которые их окружали. И общее впечатление было таково, что состояние общества было настолько плохо устроено, что тон чувств был таким распущенным, что моральные принципы ценились так низко, что уважением к женской чистоте так мало дорожили, а вся структура социальной системы была настолько расшатанной и разрозненной, что не было ни должного уважения к женскому характеру, ни достаточной защиты женской чистоты. Живя при по сути деспотических правительствах — живя по законам, которые созданы только для прикрытия властей — живя в странах, где справедливость можно купить и продать, как любой другой товар, пользующийся спросом — живя среди людей, всегда готовых к любой революции — живя в этом государстве, они с подозрением относятся друг к другу; и будучи без торговли, без образования, без работы, они слишком часто делают порок и интриги, и, во всяком случае, делают уверенными, что бизнес, образование и занятие в жизни. При таком положении вещей среди мужчин женщины начинают рассматриваться ими просто как средство достижения цели, просто как средство доставить себе минутные удовольствия; пока слишком часто она не впадает в то состояние, в котором характер является помехой, а скромность неизвестна.

“Это мрачная, хотя и достоверная картина итальянского общества. Он был нарисован для нас итальянскими руками в условиях свободы и откровенности частного общения и убедительно иллюстрирует причину их большого пристрастия к монастырям. Молодой итальянской леди до замужества не разрешается выходить из поля зрения своей матери; также не допускается знакомство с мужчинами и близость даже со своими собственными братьями в том смысле, в каком мы понимаем знакомство или близость. Матери, похоже, ведут себя так, как будто они считают морально невозможным, чтобы их дочери не пали, если бы только у них была минутная возможность; как будто они думают, что их дочери ищут эту возможность и сдерживаются только строгим надзором в присутствии родителей. Это состояние общества, неизвестное в Англии, и почти столь же непонятное, сколь и неизвестное. И, как ни странно, все теплое и нежное общение братьев и сестер, вся откровенность и уверенность в уважении и защите, которые характеризуют общение неженатых людей в обществе Англии, являются вещами совершенно неизвестными и непонятными в Италии”. — Стр. 168-171.

Таким образом, женские монастыри при нынешнем состоянии общества, по мнению мистера Сеймура, необходимы в Италии. Он говорит о них: “Есть два очень убедительных мотива для содержания женских монастырей в Италии; один — как средство безопасного уединения от отвратительных форм порока и безнравственности, которые характеризуют итальянское общество; другой — как простое и удобное средство для обустройства и обеспечения незамужних дочерей страны.

“Чувство, что монастырская жизнь является единственной надежной защитой для незамужней женщины, горячо лелеется и глубоко укоренилось; и родители тщательно поощряют его, чтобы побудить своих дочерей остаться в монастыре. Священнослужители не менее тщательно лелеют и поощряют стремление скрывать *проницательность* монастырской жизни; и это зашло так далеко, что если послушница, приняв белое покрывало, по окончании послушничества откажется принять черное покрывало, ее будут рассматривать как безрассудную, своенравную девушку, которая предпочла жизнь, полную худших искушений мира, жизни святости и покоя в женском монастыре. Ее родители и родственники отказались

бы принять ее; или, если бы они все-таки приняли ее, то как падшую и несчастную. И как в Англии семья плакала бы и оплакивала одну из них, которая впала в грех, позор и печаль, навлекая на себя разорение и позор своей семьи; точно так же в Италии семья относилась бы к девушке, которая закончила свое послушничество и отказалась идти дальше. Ей не разрешали бы общаться с другими сестрами; ее убрали бы с глаз долой, чтобы ее не видел никто посторонний; ее имя никогда не звучало бы в разговорах; и даже в ее собственной семье оно никогда не произносилось бы, за исключением тех тихих шепотов, которыми мы говорим о тех, кто пал. С такой перспективой перед ней, несомненно, перестает быть какой—либо причиной для удивления то, что молодая послушница проявила упорство, сбросила белое покрывало и надела черное, став на всю жизнь отшельницей ”. - Стр. 173, 174.

Представление мистера Сеймура о положении монахинь весьма трогательно, но только в соответствии с тем, что заявляют другие, компетентные составить правильное мнение. Он говорит о несчастной жертве этой системы: “В последний день своего послушничества она номинально свободна, а затем, надев черную вуаль, *становится пожизненной узницей*. Если она сбегает из монастыря или пытается бежать, закон объявляет ее отверженной, и все служители правосудия *преследуют ее как преступницу*, и ее *хватают и наказывают как преступницу*, и заключают, по возможности, еще строже, чем раньше. Я не могу точно сказать, какие положения закона касаются таких побегов, но представление о том, что это грех, *заслуживающий смерти*, тщательно пропагандируется, и в целом преобладает убеждение, что пожизненное заключение в темнице - это предначертанное наказание в стенах монастыря. Таким образом, страхи закона являются одним из важнейших средств защиты от любых попыток побега из женского монастыря. И, кроме того, побег практически невозможен; ибо монастыри устроены так, что заключенные в них являются такими же узниками, как преступники - узниками общественных тюрем. Окна зарешечены, ворота на цепях, стены высокие. Внешне они всегда имеют такой печальный вид, а внутри необходимо пройти через одни, два, а иногда и три массивных ворота или двери, сделанных настолько прочными, насколько это возможно из дерева и железа, и запертых и прикованных цепями настолько надежно, насколько это возможно сделать искусством. При осмотре этих монастырей мне всегда казалось, что для молодой женщины физически невозможно предпринять эффективную попытку к бегству. Она не может сбежать, а если бы и могла, то была бы немедленно схвачена полицией и отправлена в тюрьму для более сурового наказания.

“Я осмотрел внешний вид многих монастырей и был допущен внутрь некоторых, чтобы побеседовать с монахинями у решетки: моя жена была допущена *intima penetralia* других. Впечатление, оставленное в ее сознании, как и в моем собственном, было таким же — что нет никакой возможности сбежать; и что монахини должны оставаться, в общем, не потому, что в их доме царит счастье, а потому, что у них нет средств покинуть его. Действительно, часто говорят, и прилагают большие усилия для распространения идеи, что их дом счастлив, что их занятия невинны, что их сердца умиротворены; в то время как все внутри - это рай святости и счастья, сам образ и тень нашего дома на небесах. Тщательно сообщается, что эта полнота счастья, это изобилие покоя, это тайное и святое единение сестры с сестрой и полное отделение от всех семейных уз и всех житейских забот является настоящей магией, которая, как по волшебству, сковывает сердца послушниц и умы монахинь; так что они не променяют свои монастыри на самый благородный дворец; их простую трапезу на самые радостные, праздничные сцены; их скучную монотонную жизнь на самое блестящее общество; или дружеское общение сестер. ради общества самого любящего из мужей. Все это так часто говорят, что в Италии это стало

таким же привычным, как слово нарицательное; но нам все представлялось иначе. Мы чувствовали, что если, действительно, они были так счастливы, то не было необходимости в таких высоких стенах, чтобы удерживать их там; что, если, действительно, все внутри было таким совершенным раем, не было необходимости прилагать такие усилия, чтобы помешать им покинуть его; что, если все было подобием рая, казалось странным иметь такие железные прутья и решетки из железа, чтобы заставить этих духов святости продолжать наслаждаться этим. В Англии эти высокие стены и железные решетки указывают на тюрьму, предназначенную для заключения преступника и предотвращения его побега; и, конечно, в Италии они выглядят так, как будто предназначены для той же цели. И это не что иное, как вопиющее лицемерие, утверждать, что эти высокие стены и железные решетки предназначены для какой-либо иной цели, кроме принудительного принуждения изаточения обитателей монастыря. Это заключение доведено до такой жестокой и тиранической степени, что ни одной монахини не разрешается разговаривать ни с кем, даже через решетку, кроме как в присутствии второй монахини в качестве шпионки, чтобы предотвратить любой план побега или что-либо еще, согласованное с незнакомцем, или любой разговор, наносящий ущерб монашеской жизни или раскрывающий секреты монастыря. Все это является частью системы, направленной на то, чтобы окружить заключенных всеми мыслимыми проверками и ограничениями, лишить надежды и предотвратить возможность побега, и таким образом обеспечить пожизненное пребывание монахинь в качестве заключенных и вечных затворниц. В одном женском монастыре, где мы беседовали с двумя монахинями у решетки, посетив их в компании родственников одной из них, я заметил, что железо было двойным, две решетки находились на расстоянии нескольких дюймов друг от друга, так что даже рука не могла дотронуться до них. Я поинтересовался причиной такой двойной защиты, умоляя узнать, был ли он предназначен для того, чтобы удерживать дам внутри, поскольку все вокруг было таким раем, или для того, чтобы не впускать джентльменов. Мне тут же весело ответили: "О, синьор, одна решетка удержит дам внутри, а другая — джентльменов снаружи!" - Стр. 177-180.

Мистер Сеймур получил информацию самого ужасающего характера от лиц, близко знакомых с этими "женскими инквизициями" в Риме. Таким образом, их показания не могли быть признаны недействительными. Он заявляет по этому поводу— "Джентльмен, занимающий официальное положение при папском дворе и который по роду своей должности был вынужден сопровождать кардинала-викария при посещении им некоторых женских монастырей, поделился с нами наедине впечатлениями, произведенными на него самого. Он был человеком преклонных лет и опыта — отцом большого семейства, был очень домашним, дружелюбным и религиозным человеком для романиста— и, безусловно, был самым респектабельным итальянским джентльменом, которого нам посчастливилось встретить в Италии. Он и его жена делились многими вещами, которые мы иначе не смогли бы узнать, и часто, представляя друг друга, помогали нам выяснять вопросы, в которых они сами благоразумно не могли участвовать. Он обычно говорил, что, когда послушницы становились монахинями в раннем возрасте, в восемнадцать или двадцать лет, они, казалось, были достаточно счастливы в течение двух или трех лет; по крайней мере, в то время, казалось, не было ничего примечательного; но когда они становились достаточно взрослыми, чтобы видеть и хорошо понимать, каковы были последствия предпринятого ими шага, и что теперь перед ними не было никакой надежды, они вскоре поддавались печали и отчаянию. Он с глубоким чувством говорил о влиянии этого на настроение и внешность молодых леди. Он заявил, что взгляд с разбитым сердцем, оттенки неизгладимой печали, черты устоявшейся и неизменной печали, выражение негодования или

отчаяния, характерные для многих из этих юных созданий, раньше трогали его сердце, омрачали все его лучшие чувства и нарушали самые его мечты. Он не мог думать или говорить на эту тему без таких чувств, что слезы выступали у него на глазах; говоря, что невообразимо количество монахинь, которые рано сошли в могилу при такой системе. Те, кто осознал реальность своего положения и подумал обо всех узах дома и привязанности и о том, что они променяли всю свободу на унылое однообразие и бесполезные занятия в монастыре, вскоре затосковали и, впав в отчаяние, умерли от безумия; в то время как некоторые другие, подобно сорванным цветам, сорванным из их родных садов, где они могли бы долго цвести и радовать окружающих, вскоре увяли, завяли и умерли. Он всегда говорил, что такова печальная судьба большей части монахинь; и что ничто на свете не могло бы заставить его, с теми знаниями, которыми он обладал, позволить одной из своих дочерей принять постриг; ибо *большинство монахинь в Риме умерли от безумия, не достигнув двадцатипятилетнего возраста!*” - Стр. 181-183.

Конечно, никто не может читать это свидетельство о состоянии *монахинь в Риме* без глубочайшего волнения и ужаса. Система, которая этого требует, должна быть бесчеловечной и отвратительной; и те, кто ею управляет, хотя и являются титулованными сановниками священства, должны быть страшно виновны. Можно сказать, что в их уединении дам тщательно обучают обязанностям религии и направляют к ее божественному утешению. Но далее мистер Сеймур делает замечание о морали и религии римских монахинь. Ссылаясь на показания своего друга в “папском суде”, он говорит: “Теперь все это, хотя и сильно отличается от наших представлений по этому вопросу, кажется очень естественным. Есть несколько монастырей, где обитатели имеют много привилегий и удобств и могут в какой-то мере наслаждаться миром. Есть также такие, где монахини занимаются воспитанием молодежи, и это вызывает интерес в их сердцах и умах. Но все это женские монастыри высшего порядка. Подавляющее большинство женских монастырей Италии очень разные. Нет никаких занятий для ума или тела — перед умом нет объекта; так что среди тысяч других сердце предоставлено самому себе. Большую часть дня сестры предоставлены самим себе, чтобы предаваться воспоминаниям о прошлом или разговаривать друг с другом ни о чем. Там они живут, испытывая гораздо меньше удовольствия в настоящем и бесконечно меньше надежд на будущее, чем те дамы из восточного гарема, о которых мы думаем с таким большим состраданием. У них нет объектов, к которым они могли бы проявлять интерес; у них нет людей, на которых они могли бы обратить свое внимание; и у них нет средств быть практически полезными другим.

“Такое состояние существования не способствует росту истинной и здоровой религии в душе. Соответственно, обнаруживается, что везде, где в женском монастыре присутствует религия, она впадает в то дикое и похотливое явление, которое мы справедливо называем “*мономанией*”, и приводит к самым экстравагантным заявлениям о видениях и откровениях. Это религия безумия; или, возможно, правильнее сказать, это безумие, принимающее направление религии.

“Однажды мы с женой в компании супружеской пары итальянцев консультировались с двумя монахинями, родственницами наших друзей, одна из которых заявила, что никому, кроме самого папы Римского, никогда не разрешалось входить в этот монастырь. Она говорила об этом как о привилегии, которой они имели некоторое право гордиться. Но пока она говорила, появился исповедник! Это был добродушный, веселый на вид мужчина лет тридцати пяти от роду. Меня часто поражал тот факт, что почти во всех случаях духовниками этих женских

монастырей были мужчины моложе меня, даже когда я был женат. Когда он ушел, я спросил монахиню, какая польза от духовника? Она ответила, что монахиням необходимо исповедоваться в своих грехах. Я сказал, что, насколько я понимаю, они ушли в монастырь, чтобы избежать грехов мира; и я спросил, поскольку таким образом предполагалось исключить всякое искушение ко греху, в каких грехах они должны были признаться. Этот вопрос немало озадачил их, и они могли ответить мне только смехом. Однако я упорствовал, и в конце концов они рассказали мне, что у монахинь было так много ссор и разногласий между собой, что это привело ко многому, что требовало исповеди и отпущения грехов! Я поблагодарил их за информацию и только заметил, что это показывает, что, в конце концов, высокие стены и железные решетки женского монастыря не являются защитой от греха.

“Любопытный факт, что во всех жизнеописаниях святых монахинь, которые были даны миру, архи-искуситель всегда описывается как искушающий их страстями. Его неизменно заставляют появляться *в образе очень красивого молодого человека!* Столь же примечательно, что в жизнеописаниях святых монахов обычно говорится, что заклятый враг появлялся *в образе очень красивой молодой женщины!* Все это очень естественно; и это показывает, что даже в стенах монастыря монахи и насельницы иногда думают о других предметах, кроме небесных!” — Стр. 183-186.

Хотя внутреннее хозяйство женских монастырей, как правило, тщательно скрывается от общественности, все же в Риме время от времени происходят многие вещи, которые указывают на состояние морали среди их обитателей и демонстрируют безнравственность, практикуемую ими втайне. Мистер Сеймур приводит некоторые устрашающие факты. Он замечает: “Каждый, кто хоть что—нибудь знает об Италии, и особенно о Риме, знает, что среди этих обитателей монастыря самые распутные личности в стране. В настоящее время вопрос касается морального облика женских монастырей. Так много всего было сказано за последние годы — опубликовано так много повествований о пороке — приведено так много личных историй жертв системы — и так много было сказано и написано об опасностях исповеди, что я чувствую себя вправе сказать несколько слов о моральном состоянии женских монастырей в Италии.

“Я придерживаюсь благоприятного мнения о многих из этих женских монастырей, полагая, что они осознают то, для чего они предназначены, а именно безопасное убежище для незащищенных женщин, и проводятся таким образом, который свидетельствует о моральном и религиозном сестринстве. Но я придерживаюсь менее благоприятного мнения о других. Однако следует всегда помнить, что из-за самой природы некоторых из этих заведений, *нет никакой возможности узнать, что происходит внутри них. Замурованный в этих высоких стенах и железных решетках, никто не может выйти вперед, чтобы показать, что, возможно, происходило внутри:* так что, хотя, возможно, повсюду могут царить самые отвратительные формы порока — *хотя каждая комната может быть оскверненным местом — хотя насилие и убийства могут запятнать каждую галерею,* все же нет голоса, который поведал бы об этом миру. Я уже упоминал, что один официальный джентльмен, которому иногда приходилось сопровождать кардинала-викария при официальном посещении монастырей, дал нам некоторую информацию по этому вопросу. Его жена сообщила моей жене, что однажды, незадолго до нашего визита в Рим, они обнаружили в женском монастыре, который они называли, и который находился менее чем в десяти минутах ходьбы от нашего дома,

что не менее *четырёх* монахинь были заключены! Их немедленно перевели в другое учреждение; преподобного исповедника перевели в другое место, и все это дело держалось в строжайшем секрете, насколько это было возможно. *Об этом никогда бы не узнали*, если бы не тот факт, что этот женский монастырь был одним из тех, чьи обительницы занимаются обучением юных леди Рима, а юные леди *будут* болтать. И дело приобрело еще больший резонанс из-за впечатления, что бедный исповедник был всего лишь козлом отпущения для более высокопоставленной персоны, чья вина должна была быть скрыта увольнением младшего офицера.

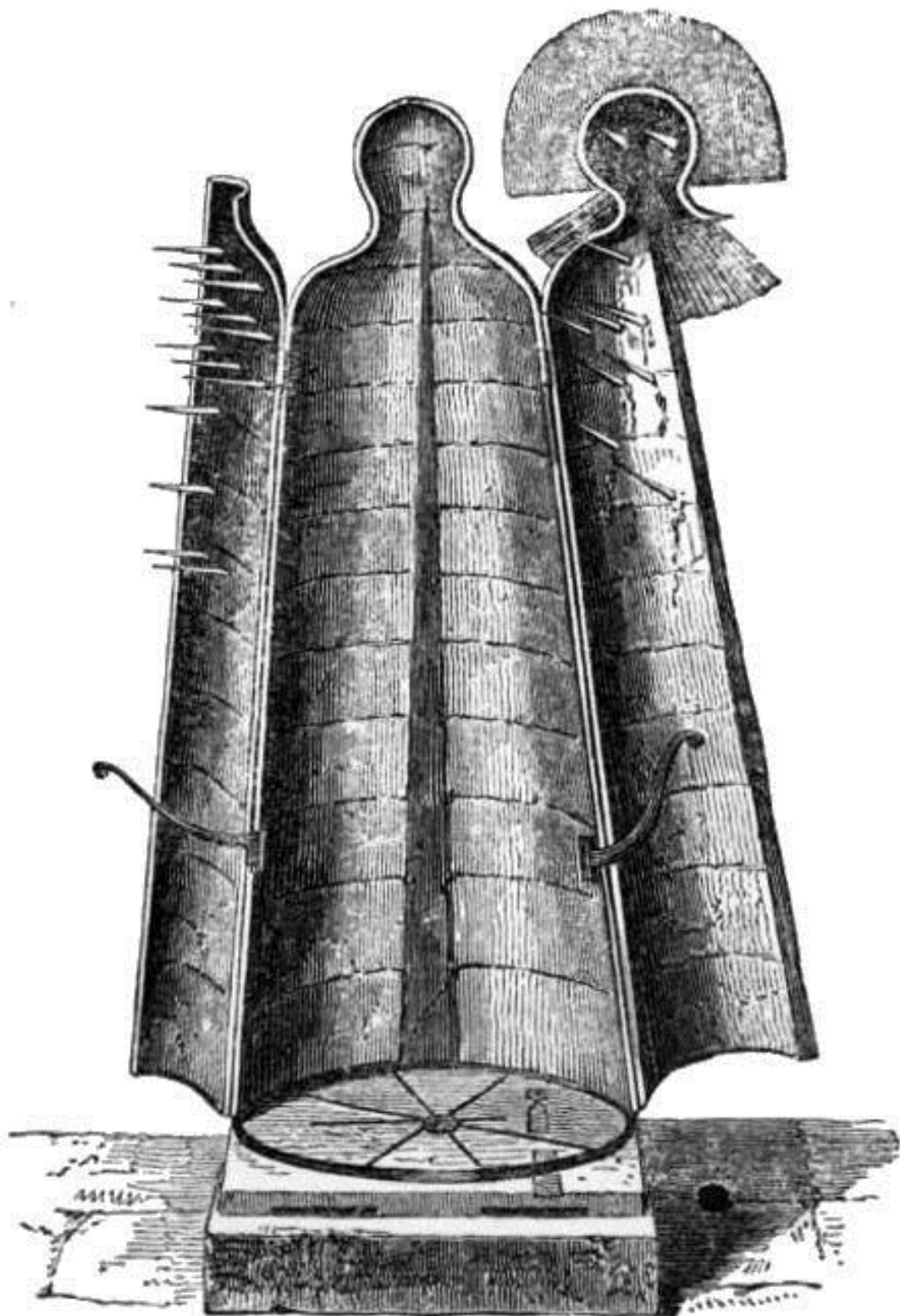
Но есть некоторые заведения, из которых даже это подозрение никогда не могло распространиться. Они так тщательно охраняются, что глаз смертного никогда не сможет увидеть *внутреннюю пенетрацию*. Например, "*sepulte vive*", то есть "*похороненный заживо*", являются учреждениями такого рода. Юное создание, как часть церемонии приема, заживо кладут в свой гроб; и, будучи однажды допущенным, она, фактически, как бы мертва и похоронена среди своих друзей; ибо ей никогда больше не позволено увидеть отца или мать, брата или сестру! Раз в год, в назначенный день, родители 'похороненных заживо' могут присутствовать в женском монастыре, и юное создание внутри может услышать их любимые и знакомые голоса, но она никогда не должна их видеть; и, поскольку никакие половые сношения никогда не допускаются, она никогда не сможет узнать, живы они или мертвы, за исключением того, что услышит или не услышит их голоса в этот день. Если в течение года умер один из родителей, настоятельница собирает монахинь, она говорит им, что родитель одной из них умер, и желает, чтобы все помолились за душу усопшего; но она никогда не называет имени умершего; так что все монахини остаются в состоянии мучительного ожидания, пока не наступит один день, и все прислушаются, чтобы уловить тон голосов своих родителей; и отсутствие долгожданного голоса расскажет историю о потерявшей близких отшельнице! Таково, по крайней мере, описание римлянами этих заведений, которые, таким образом, кажутся вершиной жестокости, раздирающей и агонизирующей сердца заключенных под предлогом желания отлучить их от мира!" — Стр. 186-188.

Язык не в состоянии охарактеризовать эту систему многообразного беззакония и утонченного варварства. Но вполне можно представить себе поступки еще худшие, чем эти. Поэтому м-р Сеймур замечает: "Но то, что касается нашей нынешней темы, - это завеса секретности, которая покрывает все в таких учреждениях, как это. Там может быть — я не должен говорить, что там есть — там, возможно, может быть самый ужасный порок — там, возможно, может быть самое грубое насилие — там, возможно, может быть самая настоящая кульминация распутства — там, возможно, может быть все это, и публика никогда об этом не узнает. История зафиксировала факт, что в квартирах инквизиторов Испании были найдены *шестьдесят две* молодые женщины, которые были развращены и погублены инквизиторами и содержались там, где общественность никогда не сможет об этом узнать. Французская солдатня распахнула дверь инквизиции и раскрыла тайну". [См. главу XIX.] "*В очень значительной части женских монастырей нет защиты от того же зла; ибо каждое преступление на земле и в аду, возможно, распространено по их монастырям, и крик невинности и оскорбленной добродетели, заглушенный в стенах, может остаться неслышанным внешним миром.* Когда мы были в Риме, настоятельница одного из женских монастырей в бешенстве выбежала из открытых ворот, бросилась в Тибр и там попыталась в его глубоких водах утопить память и раскаяние о прошлом! Мы были удивлены усилиями, предпринятыми для отрицания и сокрытия

этого факта, хотя он известен и засвидетельствован сотнями людей. Церковники не могли вынести упоминания об этом!” — Стр. 188, 189.

ВИД СПЕРЕДИ И В ПРОФИЛЬ “ДЕВЫ МАРИИ”.

ОТКРЫЛСЯ ВИД НА “ДЕВУ МАРИЮ”.

ГЛАВА XXIII.

“ПОЦЕЛУЙ ДЕВЫ МАРИИ”.

Реальность Железной Девы—Исследования мистера Пирсола в Германии—Его открытия в Австрии—Описание Машины—Ее происхождение в Испании—Жертвы Пресвятой Девы.

Жестокость, как мы видели, является отличительной чертой римской инквизиции. И пытки, применявшиеся этим ненавистным судом к своим несчастным, беспомощным жертвам, применялись различными способами. В общих чертах они описаны в главе XIII. Но есть одна особая машина для наказания, упомянутая в главе XIX., применявшаяся инквизиторами в Испании, самого ужасного вида; и полковник Лемановски, который был свидетелем этого в инквизиции в Мадриде, справедливо заявляет, что она “превзошла все другие по дьявольской изобретательности”. Эта машина получила название “Дева”, или “Дева Мария”.

Многие люди отрицали его существование, как слишком ужасное, чтобы быть правдоподобным; но, помимо уже приведенных доказательств, из показаний этого военного офицера и мадам Фолко, которая видела его в инквизиции Сарагосы, это, по-видимому, было обычным явлением в Германии. Следующее свидетельство взято из работы под названием “Поцелуй Девы Марии; рассказ об исследованиях, проведенных в Германии в 1832 и 1834 годах с целью установления способа применения этого древнего наказания и доказательства часто отрицаемого и обычно оспариваемого факта его существования: Р. Л. Пирсолл из Уилсбриджа, эсквайр, в письме преподобному Х. Т. Эллакомбу, Ф.С.А., викарию Биттона в Глостершире”.

Это повествование было прочитано 12 января 1837 года перед Обществом антикваров и опубликовано в их “Трудах”, т. xxvii., стр. 227-256.

Мистер Пирсолл замечает: “В Англии, благодаря гласности наших судебных разбирательств, те, кто пал от рук палача, погибли на глазах у всего мира способом, предписанным законом. В других странах этого не было. Везде, где был деспотичный монарх или безответственная корпорация, наделенная неограниченной уголовной юрисдикцией, людей обвиняли, сажали в тюрьму, и больше о них никогда не слышали. Об их вероятной судьбе можно было догадаться только по обстоятельствам или по какому-нибудь неосторожному выражению из уст тех, кто, вероятно, был осведомлен об этом.

“Passer par les oubliettes” - хорошо известная фраза во Франции, и все же мало кто смог точно определить ее значение. Однако каждый понимал, что, когда трибунал признает человека виновным в определенных преступлениях, он обречен как бы кануть в лету, спустившись через люки, называемые *темницами*, в нижние помещения тюрьмы, из которых он никогда не возвращался.

“Поцелуй Девы Марии” (или *Юнгферн-Кусс*) был столь же хорошо известной фразой в Германии, и ее значение было почти так же мало понято. Однако среди толпы царило общее впечатление, что в некоторых башнях и тюрьмах находилась ужасная машина, которая не только уничтожала жизнь, но и уничтожала тело приносимого в жертву человека; и эта машина, выполненная в виде молодой девушки, получила название “Девственница”.

“Во время пребывания в Германии несколько лет назад случайность помешала мне услышать большую часть об этой машине, но я не смог четко понять, что это было, за исключением того, что она выполняла функции палача в образе Девы Марии и уничтожала своих жертв, обнимая их руками, снабженными железными лезвиями. Таким образом, они вскоре были лишены жизни. Говорили, что это существовало во многих городах и замках и даже *в монастырях*. Некоторые представляли это как изображение Девы Марии, которое преступнику было велено поцеловать, и которое при прикосновении к нему приводилось в движение внутренним механизмом, в результате чего фигура падала и раздавливала его. Другие говорили, что его руки расширились и прижали его к груди, из которой торчали кинжалы. Другие, опять же, представляли его просто как эмблему *правосудия*, помещенную над люком, на который наступал преступник, приближаясь, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение, и который, будучи оставленным незакрытым, проседал под его весом и низвергал его в пропасть.

Трудность получения свидетельств, касающихся этого, и противоречивый и, следовательно, неудовлетворительный характер того немногого, что мне удалось получить в течение некоторого времени, заставили меня начать относиться к историям, которые я слышал, как к распространенному заблуждению. Вдобавок ко всему, я обнаружил, что почти все представители современной философской школы готовы относиться к этому как к бабушкиным сказкам; и один из них сказал мне, что все это было просто монашеской ложью.

“Как бы я ни был обескуражен результатом своих расспросов, я не мог считать это совершенно необоснованным. И поскольку мне не хотелось рассматривать как досужий слух то, о чем слышал каждый немец и чему верило подавляющее большинство людей, я испытал искушение избрать средний путь между верой и неверием и прийти к выводу, что *Богородица*, должно быть, была *доской*, или немецкой *гильотиной*. Вывод, к которому я пришел, был, однако, нарушен отрывком, который я случайно встретил в книге, озаглавленной ‘Материалы по истории гебена фон Д. Т. К. Зибенкиз, Нюрнберг, 1792’.

Предполагается, что отрывок, о котором идет речь, был взят из Хроники (которую автор не указал) и может быть переведен на английский следующим образом: “В год от Рождества Христова 1533 Железная Дева была построена для наказания злодеев в стенах Лягушачьей башни, напротив места, называемого *Die Sieben Zeiler* — то есть Семь веревок; так, по крайней мере, было публично объявлено, чтобы оправдать это. Там была *железная статуя семи футов высотой*, которая вытягивала обе руки перед лицом преступника, и, как говорили, смерть от этой машины отправляла бедного грешника на съедение рыбам. Ибо, как только палач ступил на ступеньку, на которой оно стояло, оно разрубило широкими ручными мечами преступника на мелкие кусочки, которые были проглочены рыбами в скрытых водах. Такие тайные трибуналы существовали раньше во многих странах”.

Мистер Пирсолл с неутомимым усердием проводил свои расследования в немецких городах и сделал множество открытий в тайных “камерах пыток”. “Многие люди из высшего сословия, - замечает он, - с которыми я говорил на эту тему, отрицали, что Пресвятая Дева когда-либо существовала в Австрии; но мой дом на площади другие представители низшего сословия рассказывали мне, что, когда они были молоды, говорили, что она стоит в башне, нависающей над каналом, который через Вену впадает в Дунай, и что всякий раз, когда вода там слегка краснеет (как это обычно бывает после шторма), нет ничего более обычного, чем слышать, как люди говорят: “Итак, Пресвятая Дева снова взялась за свое дело”.

Мистер Пирсолл сделал важные открытия в Нюрнберге. Там ему помогал доктор Майер, хранитель городских архивов. "Доктор Майер сказал мне, - говорит он, - что отрывок из Хроники, процитированный Зибенкизом, не был выдумкой; что машина раньше стояла в хранилище рядом с *Зибенцайлером*, и что он сам видел часть механизма, который принадлежал ей, хотя сама фигура исчезла. "Фигура, - сказал он, - стояла на краю люка; и когда человек, пострадавший от ее объятий, высвободился из них, он упал вниз через люк на своего рода подставку из мечей, размещенную в подвале под ним и расположенную таким образом, чтобы разрезать его тело на куски, которые падали в текущую воду, над которой стояла машина".

"Желая увидеть место, где стояла Пресвятая Дева, я добился разрешения посетить его у городского архитектора, который прислал мне ключи через человека по имени Кифер. Этот человек долгое время работал в магистрате, и он сопровождал доктора Майера и меня в указанное место. Он был незнакомцем с доктором Майером, но много лет назад он сам побывал в хранилище. Он не нашел там ручья воды, хотя место было чрезвычайно сырым; а с одной стороны склепа, которая была более сухой, чем другая, *было что-то вроде могилы, в которой лежало много человеческих черепов и костей*. Он рассказал мне, что в юности знал старика по имени Кайферлин, который видел машину в идеальном состоянии. Он также заявил, что Кайферлин сказал ему, что за два или три дня до вступления французов в Нюрнберг Святую Деву и все орудия пыток, ранее хранившиеся там, где она находилась, были увезены ночью на телеге, и с тех пор ни о ней, ни о них ничего не было слышно".

Мистер Пирсолл наконец нашел эту Девственницу в замке Фейстриц. Барон Дидрих сообщил ему: "Я купил его у человека, который добыл *еголевой рукой* во время Французской революции, и вместе с ним была большая часть содержимого арсенала Нюрнберга. От него я получил его *в тележке* вместе с несколькими вещами, которые раньше принадлежали к этому арсеналу. Он попал ко мне проржавевшим и в плохом состоянии, без механизмов, но в сопровождении пьедестала, на котором он сейчас стоит, и который, кажется, был сделан специально для него".

"Конструкция фигуры, " говорит мистер Пирсолл, - была достаточно простой. Скелет, сделанный из прутьев и обручей, был покрыт сверху листовым железом, которое было уложено и раскрашено таким образом, чтобы изображать жену гражданина Нюрнберга шестнадцатого века. Передняя часть машины открывалась наподобие складных дверей, причем две половины передней ее части соединялись петлями с задней частью. На внутренней стороне его правой груди находятся *тринадцать* четырехугольных кинжалов. Их *восемь* на внутренней стороне левой и *два* на внутренней стороне лица. Последние явно предназначались для глаз жертвы, которая, следовательно, должна была войти в него спиной вперед и в вертикальном положении получить в грудь и голову удары лезвий, которым он подвергался. В том, что этой машиной раньше пользовались, сомневаться не приходится, потому что на ее груди и на верхней части пьедестала все еще видны явные пятна крови. Как он приводился в действие, неизвестно, поскольку механизм, который заставлял его открываться и закрываться, больше к нему не прикреплен; но то, что какой-то такой механизм существовал, ясно из отверстий и гнезд, вырезанных на поверхности подставки, показывающих точки, в которые должны были быть вставлены части устройства, предназначенного для его приведения в действие. В настоящее время он стоит на колесиках, и в нем установлены две железные пружины, которые его нынешний владелец установил в нем с целью открывания боковых сторон при движении вперед; но это сделано для того, чтобы поразить в шутку тех, кто видит его впервые".

Мистер Пирсолл прослеживает происхождение этой машины в Испании и связывает ее с инквизицией. Он говорит: “В 1835 году я встретился в Льеже с очень хорошо образованным и образованным литератором; он был французом по происхождению и состоял при дворе Жозефа Бонапарта, когда его брат Наполеон назначил его королем Испании. Там мой информатор рассказал мне, что у него была возможность осмотреть палату инквизиции в Мадриде и что среди других инструментов, которыми она была снабжена, он нашел изображение Девы Марии, сделанное частично из дерева, а частично из железа. Этот механизм назывался “*Мать Долороза*”, и с его помощью применялась последняя и самая суровая степень пыток. Ее обычным положением была поза женщины, стоящей прямо, со скрещенными на груди руками; но существовало приспособление, с помощью которого ее заставляли разводить руки, и тогда было видно, что их внутренняя поверхность украшена множеством маленьких остриев или стилетов. Человека, подлежащего пытке, помещали напротив нее, грудь к груди, а затем ее руки заводили ему за спину и с помощью мощного завинчивающегося приспособления заставляли крепко сжимать его, чтобы причинить сильную боль и сделать невозможным его падение из-под ее хватки. Пока она так крепко держала его, под его ногами открылся люк, и он в агонии повис над пропастью. В этом положении от него требовали признания своей вины, в то время как рычаги машины медленно и постепенно затягивались все туже и туже, пока жизнь не была выдавлена из его тела. Затем труп был освобожден и провалился через люк в нечто вроде *темницы*. Теперь я склонен думать, что машина, находившаяся во владении барона Дидриха, была создана для выполнения своего бесчеловечного долга примерно таким же образом, как машина в испанской инквизиции”.

Жестокость священников в Испании, по-видимому, привела к появлению этого инструмента благодаря изобретению такого рода Набисом, тираном Спарты. См. “Полибий” Хэмптона, том ii, стр. 291. М-р Пирсолл замечает: “Возможно, также заслуга изобретения Богородицы принадлежит гению Испании; и ни в коем случае не исключено, что оттуда она была перенесена в Германию во время правления Карла V, который был монархом обеих стран. Согласно М. де Пфеффелю (*Обзор истории Аллеманя*, стр. 414), в 1531 и 1532 годах в Германии были большие беспорядки, а в Нюрнберге между протестантами и католиками происходили постоянные ссоры. “В 1532 году был опубликован, - говорит он, - знаменитый Уголовный кодекс Империи, который был самым суровым и наименее соблюдаемым в Европе”. В 1533 году, согласно Хронике, цитируемой Зибенкизом, “Железная дева” была построена в Нюрнберге.

Я не могу установить время, когда эта машина впервые была использована в Испании; но г-н Жеве, ученый венгр из Императорской библиотеки в Вене, сказал мне, что он читал об этой машине в испанских романах начала *шестнадцатого* века, что доказывает, что она была известна в Испании в рассматриваемый период. Автор также французского романа, опубликованного в Париже в 1828 году и озаглавленного ‘Корнелия Борогина’, упоминает его как испанский, и это относит его к той же эпохе. Добавьте к этому, что это инструмент, гораздо более близкий гению испанской нации, чем гению немцев.

“Вероятно, в Испании можно было бы найти другие образцы этой машины; возможно, некоторые из них существуют и в Италии; ибо я слышал, что в конце 1814 года нечто подобное было во Флоренции. Но после того, как мы увидели машину, находившуюся во владении барона Дидриха, никто больше не может сомневаться, что другие подобные машины использовались в качестве придатков к древним трибуналам; и поэтому мы обязаны рассматривать историю о “*Поцелуе Девы*” не как популярную легенду, а как историю”.

Размышляя о папстве, существующем таким образом в Риме и других странах, называемых католическими, унижающем все классы общества в каждой нации, мы не можем не считать его заслуживающим проклятия человечества. Это система жречества, привитая к Евангелию, “тайна беззакония”, полностью противоречащая первым принципам человечности, а также букве и духу христианства, как учат Священные Писания. Его страшная инквизиция во всех ее различных проявлениях вызывает крайнее отвращение у более интеллигентных людей Рима и других государств Италии. Католических священников тоже все ненавидят как коварных угнетателей мирян; и, хотя приверженцы папы могут отрицать это, факт печально известен по последним революциям в Европе, и особенно по нынешнему состоянию итальянских государств, правительства которых нуждаются в отдельной поддержке военной мощи Австрии, в то время как сам Рим оккупирован французской армией, как необходимой для поддержки “Святейшего Отца” против его *возлюбленных детей в его собственном городе!*

Интеллигентные люди во всех папских странах относятся к римскому духовенству со смесью презрения и страха. Об этом свидетельствует каждый хорошо информированный писатель. В качестве доказательства этого можно привести, что купец из Португалии, недавно побывавший в Лондоне, когда английский купец спросил его в своей конторе, позволяет ли он своему приходскому священнику фамильярно навещать свою семью, состоящую в основном из дочерей, — ответил: “Конечно, нет! ни под каким видом я не позволю ему войти в мой дом!” - и, положив руку на стол, он заявил с особым ударением: “Я скорее позволю отрубить эту руку, чем позволю священнику общаться с моей семьей!”

Католики неохотно терпят влияние священников, хотя и не знают чистого христианства, в то время как здравомыслящие люди стонут под его гнетущей нетерпимостью. Поэтому умный автор книги “Рим в девятнадцатом веке”, говоря о ревности и господстве священников, замечает о своем друге-католике, который путешествовал по другим странам, что он питал крайнее отвращение к установившейся практике *исповеди*. Но все же он подчинился обычаю, опасаясь священников; рассуждая: “Что я могу сделать? Если я пренебрегу этим, приходской священник сделает мне выговор; если я задержу это, мое имя вывешат в приходской церкви; если я буду упорствовать в своем неповиновении, рука церкви настигнет меня, а мое положение и состояние только сделают меня еще более противным ее власти. Если я решу стать мучеником неверности, как святые древности поступали с религией, и страдать от потери собственности и личных прав, что станет с моей женой и семьей? Такая же гибель постигла бы и их, хотя бы они были католиками: ибо я обязан не только скрывать свою истинную веру и исповедовать то, что я презираю, но я должен воспитывать своих детей в их отвратительном идолопоклонстве и суевериях; или, если я научу их истине, сделать либо лицемерами, либо нищими!”

Католицизм, как явствует из этих различных фактов, вместо того, чтобы продвигать чистое и спасительное знание об Иисусе Христе, удерживая людей в неведении относительно священного Писания, препятствует продвижению истинной религии. И в то время как нетерпимая ревность священников вызывает отвращение у народа, вся их система порождает ту неверность, которая так страшно преобладает во всех государствах Европы, к помехе и бесчестию чистого христианства. Однако мы уверены, что вся система папства в свое время будет полностью разрушена “сиянием пришествия Христа”, в полном свете святого Писания!

Дж. Анвин, Gresham Steam Press, 31 год, Баклерсбери, Лондон.

Типографские ошибки, исправленные переписчиком электронного текста:

самые известные=> самые известные {стр. 63}

это было установлено=> это было установлено {стр. 339}